DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.11

ISSN 2072-909X

Научно-практический журнал

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, индексируется в РИНЦ, включен в Russian Science Citation Index и «Белый список». Размещен на Национальной платформе научных журналов.

ОСНОВАН В 2006 ГОДУ. ИЗДАЕТСЯ ЕЖЕМЕСЯЧНО

Rossijskoe pravosudie

Scientific and practical journal

FOUNDER AND PUBLISHER:
Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

PUBLISHED SINCE 2006.

PUBLICATION FREQUENCY: MONTHLY

Российское правосудие

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-89449 от 21 апреля 2025 г.

Агентство «Книга-сервис», «Интернет-каталог», индекс 36605

© Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, 2026

2026. № 11

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
И. Р. Рамазанов

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:
А. А. Хайдаров

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:
Т. Ф. Кудрявцева

ВЕРСТКА:
Г. С. Гордиенко

КОРРЕКТОРЫ:
К. В. Чегулова, Ю. Е. Рычаловская

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69

ТЕЛ.: +7(495) 332-51-19

E-MAIL: magazine@rsuj.ru

ОТПЕЧАТАНО В:
ОАО «Паблит». Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1

ПОДПИСАНО В ПЕЧАТЬ: 09.11.2026

ВЫХОД В СВЕТ: 23.11.2026

ФОРМАТ 84×108/16.

ОБЪЕМ 12,6 усл. печ. л.

ТИРАЖ 220 экз.

Свободная цена.

При перепечатке и цитировании материалов ссылка на журнал «Российское правосудие» обязательна.

Редакционный совет

Тисен О. Н., ректор Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук

Капустин А. Я., президент Российской Ассоциации международного права, заведующий кафедрой международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Клеандров М. И., главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, член-корреспондент Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор

Нешатаева Т. Н., заведующий кафедрой международного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Рябзин Р. А., судья Верховного Суда Российской Федерации, действительный государственный советник юстиции Российской Федерации 1 класса, кандидат юридических наук

Спиридонов А. А., директор Департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, академик РАЕН, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса, доктор юридических наук

Тимошин Н. В., заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председатель Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, судья высшего квалификационного класса

Хабриева Т. Я., директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, академик Российской академии наук, вице-президент Российской академии наук, действительный член Международной ассоциации сравнительного права, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия

Бирюков П. Н., заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Болтанова Е. С., заведующий кафедрой гражданского права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Бриллиантов А. В., заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Бурдина Е. В., заведующий кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Габов А. В., и. о. заведующего сектором гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук, член-корреспондент Российской академии наук, доктор юридических наук

Дедов Д. И., профессор кафедры конституционного и муниципального права МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук

Женетль С. З., профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Загорский Г. И., профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик РАЕН

Качалова О. В., заведующий кафедрой уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Кононов П. И., профессор кафедры публично-правовых наук Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Корнев В. Н., заведующий кафедрой конституционного права имени Н. В. Витрука Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Краснова И. О., заведующий кафедрой земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Никитин С. В., заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Стахов А. И., заведующий кафедрой административного права и процесса имени Н. Г. Салищевой Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Сырых В. М., главный научный сотрудник кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

EDITORS

O. N. Tisen, Rector of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law)

A. Ya. Kapustin, President of the Russian Association of International Law, Head of the International Law Department of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

M. I. Kleandrov, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Law), Professor

T. N. Neshataeva, Head of the International Law Department of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law), Professor

R. A. Ryabzin, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation, Active State Counselor of Justice of the Russian Federation, 1st class, Cand. Sci. (Law)

A. A. Spiridonov, Director of the Department for Ensuring Regulatory Policy of the Government of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Worker of the Office of the Government of the Russian Federation, Actual State Advisor of the Russian Federation, 1st class, Dr. Sci. (Law)

N. V. Timoshin, Deputy Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation – Chairman of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Top Qualification Class Judge

T. Ya. Habrieva, Director of Institute of Legislation and Comparative Law under Government of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences, Vice President of the Russian Academy of Sciences, Titular Member of the International Academy of Comparative Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor

EDITORIAL BOARD

P. N. Biryukov, Head of the International and Eurasian Law Department of the Voronezh State University, Dr. Sci. (Law), Professor

E. S. Boltanova, Head of the Civil Law Department at the Law Institute of National Research Tomsk State University, Dr. Sci. (Law), Professor

A. V. Brilliantov, Head of the Criminal Law Department of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

E. V. Burdina, Head of the Judicial and Law Enforcement Organization Department of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law), Professor

A. V. Gabov, Acting Head of the Sector of Civil and Business Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Law)

D. I. Dedov, Professor at the Constitutional and Municipal Law Department of the Lomonosov Moscow State University, Dr. Sci. (Law)

S. Z. Zhenetl, Professor at the Civil and Administrative Procedure Department of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law), Professor

G. I. Zagorsky, Professor at the N. V. Radutnaya Department of Criminal Procedure Law of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences

O. V. Kachalova, Head of the N. V. Radutnaya Department of Criminal Procedure Law of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law), Professor

P. I. Kononov, Professor at the Civil and Administrative Procedure Department of the Volga-Vyatka Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor

V. N. Kornev, Head of the N. V. Vitruk Department of Constitutional Law of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law), Professor

I. O. Krasnova, Head of the Land and Environmental Law Department of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law), Professor

S. V. Nikitin, Head of the Civil and Administrative Procedure Department of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

A. I. Stakhov, Head of the N. G. Salishcheva Department of Administrative Law and Procedure of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law), Professor

V. M. Syrykh, Chief Researcher at the Theory of Law, State and Judicial Power Department of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

Содержание

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА 7

НОВОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СОБЫТИЯ 8

ГЛАВНАЯ ТЕМА / ДОКАЗЫВАНИЕ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ

Предмет и бремя доказывания по делам о восстановлении публичных имущественных интересов Российской Федерации
Шелкович М. Т. 12

Проблемы признания фактов общеизвестными при рассмотрении гражданских и административных дел
Рыжков К. С. 22

Дополнительная судебная экспертиза: вопросы правового регулирования и использования в судопроизводстве
Моисеева Т. Ф. 29

Пределы преюдиции судебных решений по экономическим спорам в уголовном судопроизводстве
Савченко М. М. 34

СУДЬЯ СПРАШИВАЕТ — НАУКА ОТВЕЧАЕТ / ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРАВОСУДИЯ

Мифы о внедрении технологий искусственного интеллекта в судопроизводство
Тисен О. Н. 44

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ / АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Административно-деликтное судопроизводство в Российской Федерации: проблемы и перспективы унификации
Щепалов С. В. 50

ЧАСТНОЕ ПРАВО / ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Неприменение исковой давности как санкция за злоупотребление правом в судебной практике
Ванин В. В. 60

ЧАСТНОЕ ПРАВО / ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО

Споры о выделе земельных участков сельскохозяйственных угодий в счет земельных долей в период действия договора аренды
Сырых Е. В. 68

ЧАСТНОЕ ПРАВО / АРБИТРАЖНЫЙ И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Разграничение компетенции арбитражных судов и судов общей юрисдикции при банкротстве физических лиц
Безикова Е. В. 75

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ / УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Изменение подхода к толкованию незаконного сбыта предметов наркопреступлений
Адамович В. В. 84

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ / УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Исчисление процессуальных сроков в уголовном процессе: принципы неделимости единицы счета и благоприятствования личности
Смирнов А. В. 92

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ / ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРАВОСУДИЯ

Функционирование и защита данных информационной архитектуры судебной системы в странах БРИКС
Васюков В. Ф., Трикоз Е. Н., Карпович В. Э., Мельник С. С. 102

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ / АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Административная юстиция как интегративная процессуальная форма разрешения административно-правовых споров по законодательству Республики Беларусь
Гвоздев Д. В. 114

Table of contents

7 EDITOR-IN-CHIEF'S COLUMN

8 NEWS LEGISLATION AND EVENTS

MAIN TOPIC / EVIDENTIARY PROOF IN JUDICIAL PROCEEDINGS: PRACTICAL CHALLENGES

12 **Subject matter and burden of proof in cases of restoration of public property interests of the Russian Federation**
Shelkovich M. T.

22 **Problems of recognizing facts as generally known in civil and administrative cases**
Ryzhkov K. S.

29 **Additional forensic examination: issues of legal regulation and use in legal proceedings**
Moiseeva T. F.

34 **The limits of the preclusive effect of judicial decisions in economic disputes in criminal proceedings**
Savchenko M. M.

JUDGES ASK, ACADEMIA ANSWERS / DIGITALIZATION OF JUSTICE

44 **Myths about the introduction of artificial intelligence technologies into judicial proceedings**
Tisen O. N.

PUBLIC LAW / ADMINISTRATIVE LAW AND PROCEDURE

50 **Administrative-tort proceedings in the Russian Federation: problems and prospects for unification**
Shchepalov S. V.

PRIVATE LAW / CIVIL LAW

60 **The non-application of the statute of limitations as a sanction for abuse of rights in judicial practice**
Vanin V. V.

PRIVATE LAW / LAND LAW

68 **Disputes over the allotment of agricultural land plots against land shares during a lease term**
Syrykh E. V.

PRIVATE LAW / ARBITRATION AND CIVIL PROCEDURE

75 **Delimitation of the competence of arbitration courts and courts of general jurisdiction in the bankruptcy of individuals**
Bezikova E. V.

CRIMINAL LAW SCIENCES / CRIMINAL LAW

84 **A change in the approach to interpreting the illegal sale of narcotic drugs**
Adamovich V. V.

CRIMINAL LAW SCIENCES / CRIMINAL PROCEDURE

92 **Computation of procedural time limits in criminal proceedings: principles of the indivisibility of the unit of reckoning and favoring the individual**
Smirnov A. V.

INTERNATIONAL EXPERIENCE / DIGITALIZATION OF JUSTICE

102 **Functioning and data protection of the information architecture of the judicial system in the BRICS countries**
Vasyukov V. F., Trikoz E. N., Karpovich V. E., Melnik S. S.

INTERNATIONAL EXPERIENCE / ADMINISTRATIVE LAW AND PROCEDURE

114 **Administrative justice as an integrative procedural form of resolving administrative-legal disputes under the legislation of the Republic of Belarus**
Gvozdev D. V.

За каждым делом — человек

И. Р. Рамазанов
главный редактор журнала «Российское правосудие»

Поздравляя работников и ветеранов судебной системы с профессиональным праздником, Председатель Верховного Суда РФ И. В. Краснов напомнил: служение закону требует «глубокого знания не только юридической науки, но и самой жизни», ведь «за каждым рассмотренным делом стоит конкретный человек, его права, надежды и вера в справедливость». Эти слова — точный камертон к теме номера «Доказывание в судебном процессе».

Знание жизни входит в процесс через общеизвестные факты, и К. С. Рыжков показывает, при каких условиях суд вправе на них опереться. Там, где жизненного опыта недостаточно, нужны специальные знания: Т. Ф. Моисеева разбирает, когда необходима дополнительная экспертиза, а когда достаточно допросить эксперта. Защита интересов бизнеса и государства, о которой говорится в поздравлении, начинается с верно распределенного бремени доказывания — об этом статьи М. М. Савченко о пределах преюдиции по экономическим спорам и М. Т. Шелковича о делах о восстановлении публичных имущественных интересов.

Уважение к личности — не только этическая максима, но и рабочий принцип. А. В. Смирнов предлагает там, где закон молчит, исчислять процессуальные сроки в пользу человека (favore privatorum). А Конституционный Суд РФ, как рассказывают наши новости, основывает презумпцию добросовестности суда на доверии общества к судебной власти и требует составлять приговор полностью до оглашения.

Наконец, в рубрике «Судья спрашивает — наука отвечает» ректор университета О. Н. Тисен отвечает на опасения судов, связанные с внедрением искусственного интеллекта. Ответ созвучен словам Председателя ВС РФ: ИИ никогда не заменит судью, решения должен принимать только человек. Сам формат рубрики — пример того диалога правосудия и общества, о котором говорит И. В. Краснов: вопросы, поступившие из судов, получают ответ науки, а среди авторов номера есть и практики — С. В. Щепалов из Верховного Суда Республики Карелия размышляет об унификации административно-деликтного судопроизводства.

Присоединяюсь к поздравлению и желаю всем, кто вершит правосудие, сил и веры в свое дело!

Законодательство

Досрочное исполнение при реорганизации должника: суд оценит угрозу для кредитора

Требование кредитора о досрочном исполнении обязательства в связи с реорганизацией должника суд удовлетворит, только если реорганизация ставит под существенную угрозу исполнение обязательства в установленный срок. Бремя доказывания ляжет на должника: если реорганизуемое юридическое лицо докажет, что такой угрозы нет, в требованиях будет отказано. Это предусматривает законопроект (№ 1342008-8) о внесении изменений в ст. 60 ГК РФ, который Правительство РФ внесло в Государственную Думу ФС в сентябре.

Сейчас п. 2 ст. 60 ГК РФ позволяет кредитору, чьи права требования возникли до опубликования первого уведомления о реорганизации, потребовать в суде досрочного исполнения обязательства, а при невозможности – его прекращения и возмещения убытков. Препятствует этому лишь наличие у кредитора достаточного обеспечения. Проект добавляет условие: кредитор вправе заявить такое требование, если сочтет, что реорганизация существенно угрожает исполнению обязательства перед ним в срок.

Новый п. 4.1 ст. 60 ГК РФ прямо называет основание для отказа, а в абз. 4 п. 2 уточняется, что до завершения реорганизации должны быть исполнены требования, удовлетворенные судом. Правило касается любых обязательств, а не только облигационных.

Законопроект подготовлен во исполнение постановления Конституционного Суда РФ от 24 марта 2026 г. № 17-П, принятого по жалобам ПАО «Россети» и гражданина А. В. Пономарева. В октябре законопроект принят к рассмотрению и разослан для получения отзывов.

Правопреемство при передаче публичных полномочий: КАС РФ получит прямые правила

Если во время рассмотрения административного дела публичные полномочия, с которыми связан спор, переданы от органа, организации или должностного лица – стороны по делу – другому субъекту, суд заменит сторону тем, на кого эти полномочия возложены, если иное не предусмотрено актом об их передаче. Однако, если суд установит, что содержание спорных отношений не соответствует полномочиям, фактически перешедшим к правопреемнику, замена не производится. Такие правила (новые ч. 1.1 и 1.2 ст. 44 КАС РФ) предусматривает законопроект (№ 1259582-8), который Госдума ФС РФ приняла в первом чтении 22 октября.

Новые обязанности появятся у суда и на стадии исполнения решения. Заменяя сторону исполнительного производства по делу о защите прав неопределенного круга лиц, суд должен будет с учетом изменившегося порядка реализации переданных полномочий рассмотреть вопрос об изменении способа исполнения судебного акта либо о прекращении исполнительного производства (новая ч. 4 ст. 363 КАС РФ). Производство по делу будет приостанавливаться не только при преобразовании или упразднении органа, но и при передаче (изъятии) публичных полномочий – до определения того, на кого они возложены (п. 1 ч. 1 ст. 191 КАС РФ). Передача полномочий станет и основанием правопреемства в исполнительном производстве (ч. 1 ст. 52

Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»).

Законопроект реализует постановление КС РФ от 24 декабря 2025 г. № 49-П, которым ч. 1 ст. 44 КАС РФ признана не соответствующей Конституции РФ из-за неопределенности в вопросе о правопреемстве при изменении принадлежности публичных полномочий. Заявителя – федеральное бюджетное учреждение – суды сделали должником в порядке правопреемства по исполнительному производству о проведении лесоустройства, поскольку оно фактически выполняет такие работы. При этом не было учтено, что учреждение действует только в рамках госзадания Рослесхоза и самостоятельно исполнить судебный акт не может. Как отмечают разработчики, практика допускает функциональное правопреемство органов власти, но единообразной не является.

Конституционный Суд РФ указал на презумпцию добросовестности суда и напомнил о том, что приговор должен быть составлен полностью до оглашения

Суд вправе огласить лишь вводную и резолютивную части приговора, но к этому моменту приговор должен быть полностью составлен и подписан в совещательной комнате, включая описательно-мотивировочную часть. Копия приговора по общему правилу вручается сторонам незамедлительно. Пятидневный срок по ст. 312 УПК РФ рассчитан на организационные трудности (большой объем текста, множество экземпляров, перевод) и не предназначен для того, чтобы дописывать приговор. Это следует из позиции Конституционного Суда РФ, который истолковал ч. 2 ст. 303, ч. 1 ст. 310 и ст. 312 УПК РФ в постановлении от 6 октября 2026 г. № 58-П по жалобе гр-ки Калининой О. Н., признав эти нормы соответствующими Конституции РФ.

Ключевое положение постановления – презумпция добросовестности суда: пока вышестоящий суд в установленном порядке не установил иное, предполагается, что суд при вынесении решения действует строго по закону. Поэтому само по себе оглашение только вводной и резолютивной частей с последующим вручением полного текста не свидетельствует о нарушении порядка постановления приговора или тайны совещательной комнаты.

Ускорить вручение копии позволяет электронный документ. Сторона вправе ходатайствовать о выдаче копии приговора в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью судьи (ст. 474.1 УПК РФ), и суд при наличии оснований обязан такое ходатайство удовлетворить. Если бумажные копии трудно изготовить в срок из-за объема приговора или числа экземпляров, суд может сам предложить участникам согласиться на электронную копию.

Нарушение порядка составления приговора не влечет его автоматической отмены. Суд апелляционной инстанции обязан проверить такие доводы, но отменить приговор и вернуть дело на новое рассмотрение может, только если нарушение повлияло на существо решения, существенно ущемило права участников, включая право на защиту и на обжалование, или породило неустранимые сомнения в том, что мотивировка отражает действительные выводы суда.

Не предопределяет отмену и само по себе нарушение срока вручения копии. Дисциплинарную ответственность судьи влечет грубое и систематическое нарушение порядка изготовления и вручения копий судебных решений.

Если же копия вручена с опозданием, суд обязан восстановить пропущенный срок апелляционного обжалования, оставив стороне не менее 10 суток со дня фактического получения копии.

Иск об отсутствии права на земельный участок: суд применит критерии ст. 302 ГК РФ

Рассматривая иск публично-правового образования или прокурора о признании отсутствующим права гражданина на земельный участок для личных нужд в границах населенного пункта, приобретенный по сделке, суд должен учитывать критерии ст. 302 ГК РФ: добросовестность приобретателя, возмездность приобретения и наличие воли публичного собственника на выбытие участка. Последний критерий не применяется, если в момент первой регистрации права принадлежность участка публичному образованию не была очевидной. Если ответчик заявил об истечении срока исковой давности, суд должен его применить. Это касается участков, которые имеют видимые признаки освоения или сведения о расположении которых внесены в кадастр. Иск подлежит защите, только если его удовлетворение прямо возвращает участок в публичную собственность или в состав неразграниченных земель, и эти последствия должны быть указаны в решении. Так Конституционный Суд РФ истолковал абз. 14 ст. 12, ст. 304 ГК РФ и ч. 5 ст. 1 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» в постановлении от 29 октября 2026 г. № 63-П, развив позицию постановления от 28 января 2025 г. № 3-П. Заявительница оспаривала и ч. 2 ст. 61 ГПК РФ о преюдиции, но в этой части производство прекращено: КС РФ напомнил, что обязательность обстоятельств, установленных ранее по делу с участием тех же лиц, – одна из гарантий права на судебную защиту.

Инвалид, передвигающийся на кресле-коляске, вправе получить жилье вне очереди

Малоимущий инвалид, передвигающийся на кресле-коляске, может получить жилье по договору социального найма во внеочередном порядке (п. 1 ч. 2 ст. 57 ЖК РФ), если его единственное жилье – комната в общежитии – признано непригодным для его проживания, приспособить его невозможно, а другого подходящего помещения в общежитии нет. Условие – инвалид продолжает работать на основании, по которому ему предоставлено общежитие, или не может быть выселен из него без предоставления другого жилья (ст. 103 ЖК РФ). Если инвалид не признан малоимущим, но сам обеспечить себя пригодным жильем не может, органы власти обязаны содействовать ему, а суд вправе с согласия инвалида и членов его семьи обязать их совершить конкретные действия – например, обменять жилье или предоставить равноценное пригодное помещение в том же населенном пункте. Такой смысл ч. 3 ст. 49, п. 1 ч. 2 ст. 57 ЖК РФ и ч. 3 ст. 17 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» выявил Конституционный Суд РФ в постановлении от 5 ноября 2026 г. № 64-П.

Выходное пособие из трудового договора выплачивается и при увольнении по собственному желанию

Если трудовым договором предусмотрено выходное пособие (компенсация) при увольнении по собственному желанию, суд не вправе отказать работнику во взыскании со ссылкой на то, что такая выплата не установлена законом или локальными актами работодателя: пособие взыскивается в размере, определенном договором. Такой смысл ч. 8 (ныне ч. 9) ст. 178 ТК РФ выявил Конституционный Суд РФ в постановлении от 13 октября 2026 г. № 59-П. Отказ нельзя обосновать и злоупотреблением правом со стороны работника: условия договора фактически определяет работодатель как более сильная сторона. Если выплата причинила организации ущерб, это

может стать основанием для ответственности руководителя, подписавшего такой договор, но не для отказа работнику.

Проценты по ст. 395 ГК РФ на межтарифную разницу не начисляются

Взыскивая с субъекта РФ или муниципального образования в пользу ресурсоснабжающей организации убытки от установления тарифа ниже экономически обоснованного, суды впредь до изменения закона не должны начислять на них проценты по ст. 395 ГК РФ за несвоевременную компенсацию межтарифной разницы. Так определил Конституционный Суд РФ в постановлении от 22 октября 2026 г. № 61-П по запросу Правительства Амурской области. Как следует из позиции КС РФ, ст. 395 ГК РФ во взаимосвязи с п. 1 и 2 ст. 242.1, п. 3 и 6 ст. 242.2 Бюджетного кодекса РФ признана неконституционной из-за неопределенности: неясно, начисляются ли проценты в этих случаях и за какие периоды – до вступления решения в силу, до поступления исполнительного листа в финансовый орган или в течение срока его исполнения. Законодателю поручено устранить пробел. Регионы же вправе сами предусмотреть повышенные выплаты за просрочку компенсации.

Оплата юристов: уступка права на возмещение расходов и «гонорар успеха»

Если выигравшая сторона уступила своему представителю право на возмещение судебных расходов в счет оплаты его услуг, суд должен признать расходы на представителя понесенными этой стороной и не вправе отказать во взыскании со ссылкой на то, что сама сторона ничего не заплатила. Правило о взыскании расходов лишь в разумных пределах при этом сохраняется. Такой смысл ч. 1 ст. 98 ГПК РФ выявил Конституционный Суд РФ в постановлении от 20 октября 2026 г. № 60-П.

В постановлении от 27 октября 2026 г. № 62-П КС РФ допустил, что цена договора с потребителем может определяться не твердой суммой, а формулой – например, процентом от суммы, которую клиент получит в результате работы юриста. Это возможно, если исполнение договора увеличивает имущество потребителя, а условие на момент заключения отвечало его интересам и позволяло без затруднений определить предельный размер затрат. Доказывать это в споре должен исполнитель. Абзац четвертый п. 2 ст. 10 Закона РФ «О защите прав потребителей» в истолковании, исключавшем такую возможность, признан неконституционным.

Считаю, что граждане и юридические лица наших стран должны быть уверены, что их права получат надежную правовую защиту независимо от того, в какой из стран они учатся, работают или занимаются предпринимательской деятельностью, –

отметил **Игорь Викторович Краснов**, Председатель Верховного Суда Российской Федерации, в ходе визита в КНР.

DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.11.12-21

Автор статьи

Максим Тимофеевич Шелкович

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация

shelkovich_mt@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8401-8985

Научная статья

Российское правосудие. 2026. № 11. С. 12–21

Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 11. P. 12–21

УДК 347.94:347.234

Предмет и бремя доказывания по делам о восстановлении публичных имущественных интересов Российской Федерации

В практике защиты публичных интересов особое место занимают иски органов прокуратуры и иных уполномоченных ведомств, направленные на обращение имущества физических и юридических лиц в доход РФ. Данные споры, инициируемые как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных судах, носят экстраординарный характер. Они напрямую затрагивают сферу действия конституционных гарантий стабильности гражданского оборота и неприкосновенности частной собственности.

В арбитражные суды, как правило, передается наиболее сложная, экономически значимая часть указанных требований. Иски прокуроров в арбитражном процессе связаны с оспариванием итогов приватизации крупных индустриальных объектов, признанием недействительными договоров природопользования, а также с принудительным изъятием акций и долей в уставных капиталах юридических лиц.

Главной практической задачей в таких спорах выступает детальный правовой анализ, классификация и верификация доказательств, представляемых истцами. Каждое материально-правовое основание – будь то Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Закон № 273-ФЗ), Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (далее – Закон № 230-ФЗ), Федеральный закон от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» (далее – Закон № 57-ФЗ) или

© Шелкович М. Т., 2026

Аннотация. В статье исследуются ключевые материально-правовые элементы предмета доказывания и специфика распределения бремени убеждения суда в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства по экстраординарным искам уполномоченных ведомств. Речь идет о принудительном изъятии частных активов для защиты имущественных интересов Российской Федерации. Автор подробно разбирает практические нюансы применения федеральных законов № 273-ФЗ, № 230-ФЗ, № 57-ФЗ, а также доктрину антисоциальных сделок по ст. 169 ГК РФ. Работа опирается на актуальные правовые позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, включая знаковые определения 2026 г. по делам о картелях и законодательные новеллы о предельных объективных сроках давности. На основе анализа сформированы прикладные рекомендации для судей по верификации доказательственной базы.

Ключевые слова: восстановление публичных интересов, деприватизация, бремя доказывания, предмет доказывания, антикоррупционное законодательство, стратегические предприятия, антисоциальная сделка, исковая давность

Для цитирования: Шелкович М. Т. Предмет и бремя доказывания по делам о восстановлении публичных имущественных интересов Российской Федерации // Российское правосудие. 2026. № 11. С. 12–21. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.11.12-21.

Subject Matter and Burden of Proof in Cases of Restoration of Public Property Interests of the Russian Federation

Maksim T. Shelkovich, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article examines the key substantive elements of the subject of proof and the specifics of allocating the burden of proof in civil and arbitration proceedings regarding extraordinary lawsuits filed by authorized agencies. These suits aim to forfeit private assets to restore the property interests of the Russian Federation. The author analyzes the practical nuances of applying Federal Laws No. 273-FZ, No. 230-FZ, No. 57-FZ, and the doctrine of anti-social transactions under Art. 169 of the Civil Code of the Russian Federation. The paper is based on the current legal positions of the Constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation, including the landmark 2026 rulings on cartel cases and recent legislative updates regarding ultimate objective statutes of limitations. Based on this analysis, practical guidelines for judges on verifying the evidence base are formulated.

Keywords: restoration of public interests, asset deprivatization, burden of proof, subject of proof, anti-corruption legislation, strategic enterprises, anti-social transaction, statute of limitations

For citation: Shelkovich M. T. Subject matter and burden of proof in cases of restoration of public property interests of the Russian Federation. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2026;(11):12-21. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.11.12-21.

ст. 169 ГК РФ – обладает уникальным предметом доказывания.

В теории процессуального права распределение доказательственного бремени выступает ключевым регулятором состязательного процесса. Как обосновывается в исследовании Е. А. Наховой и Д. В. Царьковой, в современной доктрине необходимо четко разграничивать категории «предмет доказывания» (совокупность юридически значимых фактов) и «стандарт доказывания» (модель и критерий достаточности доказательств, на основе которых суд признает требования обоснованными) [1]. В экстраординарных процессах, где истцом выступает государство, это разграничение приобретает первостепенное значение: прокурор обязан полностью наполнить предмет доказывания базовыми фактами, прежде чем активируются процессуальные критерии перераспределения обязанностей.

Материально-правовые основания обращения имущества в доход государства

В рамках Закона № 273-ФЗ к ответственности привлекаются публичные должностные лица и связанные с ними субъекты. Предметом изъятия выступает любое имущество, в отношении которого не представлены доказательства при-

обретения на законные доходы. Закон № 230-ФЗ сужает субъектный состав до лиц, замещающих государственные или муниципальные должности, их супругов и несовершеннолетних детей, прямо ограничивая перечень изымаемых объектов недвижимостью, транспортными средствами, ценными бумагами, долями в капиталах. цифровыми финансовыми активами и цифровой валютой. Особенности процедуры доказывания в отношении последней были подробно рассмотрены в работе О. Н. Тисен [2]. Квалифицирующим признаком здесь является превышение стоимости активов над совокупным легальным доходом указанных лиц за три года, предшествующих сделке.

Закон № 57-ФЗ регулирует отношения с участием иностранных инвесторов или групп лиц, устанавливающих контроль над стратегическими предприятиями РФ без предварительного согласия уполномоченного правительственного органа. Предметом изъятия в этом случае становятся акции, доли или основные производственные средства стратегических обществ. Наконец, ст. 169 ГК РФ носит универсальный характер. Она применяется к любым участникам гражданского оборота, совершившим сделку с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, где ключевым элементом выступает наличие прямого или косвенного умысла на посягательство на фундаментальные ценности государства.

Временное управление объектами критической инфраструктуры

Особое место в системе мер, направленных на обеспечение публичных интересов, заняли регуляторные новеллы конца лета – начала осени 2026 г. Указом Президента России от 24 августа 2026 г. № 604 «О мерах по обеспечению безопасности объектов критической инфраструктуры Российской Федерации»[1] был имплементирован новый правовой институт внесудебного реагирования. В целях реализации Указа принято постановление Правительства РФ от 26 августа 2026 г. № 1077, учредившее постоянно действующую Подкомиссию по обеспечению бесперебойного функционирования отдельных отраслей экономики[2].

На первом заседании указанного правительственного органа, состоявшемся 27 августа 2026 г., был утвержден сформированный Минпромторгом России совместно с представителями делового сообщества специализированный перечень из 167 площадок, отнесенных к категории критически важной торговой и логистической инфраструктуры (публично не раскрывается)[3]. Процедура применения данного перечня предусматривает, что в случае фиксации уполномоченными органами нарушений стандартов безопасности на указанных объектах (включая неэффективность мер по защите от воздушных угроз), функции временного администратора по решению Правительства РФ по умолчанию возлагаются на Федеральное агентство по управлению государственным имуществом (Росимущество). С позиций материального и процессуального права данный институт существенно отличается от классической деприватизации активов или «конфискационных» санкций по ст. 169 ГК РФ. В официальном заявлении Д. Мантурова от 24 августа 2026 г. было подчеркнуто, что государство в рамках этого механизма получает не право собственности, а право управления, что исключает квалификацию данных мер как

[1] Указ Президента РФ от 24 августа 2026 г. № 604 «О мерах по обеспечению безопасности объектов критической инфраструктуры Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2026. № 35. Ст. 4755.

[2] Постановление Правительства РФ от 26 августа 2026 г. № 1077 «О подкомиссии по обеспечению бесперебойного функционирования отдельных отраслей экономики» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2026. № 35. Ст. 4782.

[3] Состоялось первое заседание подкомиссии по обеспечению бесперебойного функционирования отдельных отраслей экономики. URL: http://government.ru/news/59704 (дата обращения: 20.09.2026).

формы национализации[4]. Назначение временной администрации Росимущества представляет собой специальную превентивную меру публично-правового характера. Тем не менее введение временного управления трансформирует бремя доказывания в случае последующего оспаривания таких решений собственниками в судебном порядке. При оспаривании такого решения по правилам гл. 24 АПК РФ обязанность доказывания его законности и обстоятельств, послуживших основанием для его принятия, возлагается на принявший его орган (ч. 5 ст. 200 АПК РФ). Собственник же, опровергая доводы органа, заинтересован представить доказательства надлежащего исполнения им нормативных требований к технической и физической защите объекта. Прокурорский же надзор и контроль со стороны профильных ведомств смещаются в плоскость верификации инженерно-технических решений и оценки своевременности устранения последствий инцидентов.

Антикоррупционные иски: перераспределение бремени доказывания

При доказывании нарушений антикоррупционного законодательства в рамках законов № 273-ФЗ и № 230-ФЗ действует особый процессуальный режим. Общие правила доказывания, закрепленные в ч. 1 ст. 65 АПК РФ и ч. 1 ст. 56 ГПК РФ, претерпевают существенную модификацию. Происходит перераспределение бремени доказывания, которое в доктрине нередко характеризуется как применение элементов презумпции виновности в публично-правовом деликте.

Истец, в роли которого выступает прокурор, согласно с ч. 1 ст. 65 АПК РФ (или ч. 1 ст. 56 ГПК РФ соответственно) обязан доказать лишь строго ограниченный круг обстоятельств: факт нахождения ответчика на публичной службе в проверяемый период, факт совершения сделки по приобретению конкретного объекта собственности и факт математического превышения стоимости этого объекта над официальными доходами должностного лица и членов его семьи за три предшествующих года. Как только прокурор подтверждает данные обстоятельства, бремя доказывания полностью переходит на ответчика.

Этот юридический алгоритм тесно связан с концепцией асимметричных стандартов убеждения суда, подробно исследованной в фундаментальном труде А. Г. Карапетова и А. С. Косарева [3]. Специфика споров с участием публичного элемента (государственных органов) часто требует применения стандарта *prima facie* (доказывания первичной убедительности) со стороны истца. Как только прокурор доказывает базовый факт математического несоответствия расходов доходам, активируется законная презумпция, и бремя «полного убеждения суда» переносится на ответчика.

Доказательственная база, формируемая прокурором по антикоррупционным делам, основывается на материалах досудебных проверок и официальных сведениях контролирующих органов. В первую группу доказательств входят справки о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. Вторую группу составляют правоустанавливающие и регистрационные документы (выписки из ЕГРН, данные органов ГИБДД, выписки из реестров акционеров). Третью группу образуют фискальные документы – справки по формам 2-НДФЛ и 3-НДФЛ, полученные от налоговых органов. Четвертая группа включает в себя банковские документы, содержащие сведения об оборотах по счетам и движении денежных средств.

Судебная оценка данных доказательств сопряжена с необходимостью глубокого мате-

[4] Мантуров сообщил, что указ о временном управлении предприятий будет применяться точечно. URL: https://www.interfax.ru/business/1111030 (дата обращения: 20.09.2026).

риально-правового анализа. Судья не должен подменять квалификацию коррупционного правонарушения формальным установлением ошибок в декларировании. Президиум ВС РФ в Обзоре судебной практики по делам, связанным с применением законодательства о противодействии коррупции[5], прямо ориентирует суды на проверку реальной рыночной стоимости активов. Если в договоре купли-продажи указана явно заниженная цена, суд должен поставить на обсуждение сторон вопрос о назначении судебной оценочной экспертизы (ст. 82 АПК РФ, ст. 79 ГПК РФ). Неустановление действительной стоимости актива создает риск отмены судебного акта.

Данные государственных информационных систем как доказательства

Следует особо остановиться на доказательственном значении новых информационных систем. Базис формирования указанной доказательственной базы сейчас изменяется благодаря прежде всего внедрению прежде всего ГИС «Посейдон» [4]. Ключевым фактором автоматизации сбора первичных сведений государственными органами выступает сопряжение аналитических мощностей названной государственной информационной системы со сквозными технологиями анализа больших данных.

Правовой основой для глубокой модернизации подобных систем стал принятый Федеральный закон от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации»[6] (далее – Закон № 243-ФЗ). Имплементация указанных стандартов в архитектуру ГИС «Посейдон» позволяет осуществлять автоматизированный перекрестный анализ многовекторных массивов информации (включая банковские транзакции, сведения органов фискального контроля и реестры прав на недвижимое имущество) без привлечения сторонних зарубежных (небезопасных) программных решений. Более того, появляются отечественные программные продукты, способные содействовать судейскому корпусу при проверке сведений об имуществе, в частности, в РГУП им. В. М. Лебедева разработана автоматизированная система мониторинга криптовалютных кошельков[7].

Включение алгоритмических выводов ГИС в состав доказательственной базы отражает общую тенденцию технологизации права. Как подчеркивает С. А. Курочкин в своих исследованиях влияния современных сквозных технологий на гражданский процесс [5], внедрение элементов искусственного интеллекта оптимизирует аналитическую стадию сбора информации, однако не должно подменять собой исключительную прерогативу суда по оценке достоверности фактов. Доктрина настаивает на том, что автоматизированные отчеты систем сквозной аналитики обладают признаками иных письменных доказательств и должны проверяться в рамках классического принципа состязательности сторон, исключая возникновение «цифрового детерминизма» в правосудии.

С позиций процессуального права результаты работы данных ИИ-платформ, оформленные в виде официальных аналитических

---

5 Тематический обзор Верховного Суда РФ № 14/2026 «О рассмотрении судами дел, связанных с применением законодательства о противодействии коррупции и обращением в доход Российской Федерации имущества, приобретенного в результате нарушения требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции» (утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 1 июля 2026 г. № 17А/2026) (п. 15). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

6 Собрание законодательства Российской Федерации. 2026. № 31. Ст. 4712.

7 *Тисен О. Н.* Изобретение РГУП поможет судьям анализировать криптовалютные операции // Российское агентство правовой и судебной информации. 08.10.2026. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20261008/312269774.html.

заключений и справок уполномоченных ведомств, приобретают в гражданском и арбитражном процессе статус иных письменных доказательств. Документы, подтверждающие математически выверенный факт диспропорции между легальным заработком публичного служащего и его фактическими имущественными расходами, могут служить подобным доказательством. Однако, как и иные письменные доказательства, подлежат оценке в совокупности с другими материалами дела. Таким образом, технологический потенциал суверенных моделей ИИ, легализованный Законом № 243-ФЗ, напрямую оптимизирует процесс формирования предмета доказывания по делам о восстановлении публичных имущественных интересов, минимизируя субъективные факторы на досудебной стадии верификации активов конкретных участников судебного разбирательства.

Актуальность данного технологического вектора существенно возросла в связи с утверждением 3 сентября 2026 г. профильного Порядка внедрения систем искусственного интеллекта в отечественное судопроизводство[8]. Согласно Приложению № 2 к указанному документу, целевая точность автоматизированного анализа доказательственной базы алгоритмическими комплексами должна составить не менее 90%. Подобный нормативный стандарт призван кардинально снизить рутинную нагрузку на судей, оптимизировать досудебную верификацию многовекторных фискальных массивов и кратно повысить общую эффективность и скорость отправления правосудия по рассматриваемой категории споров.

Следует согласиться с И. В. Решетниковой в том, что современные технологии позволяют создавать программы, способные проверять подаваемые в суд заявления на предмет соблюдения сроков подачи, к примеру, апелляционных или кассационных жалоб; проверять, есть ли основания для восстановления пропущенного процессуального срока и есть ли ходатайство об этом. Судье останется только проверить правильность уже сформированных решений [6].

Споры о стратегических предприятиях

Процедура доказывания по спорам, связанным с нарушением законодательства о стратегических предприятиях на основании Закона № 57-ФЗ, имеет иную специфику. Иски здесь могут заявляться не только Генеральной прокуратурой, но и ФАС России. В предмет доказывания входят три обязательных компонента: наличие у хозяйственного общества статуса стратегического предприятия (ст. 6 Закона № 57-ФЗ); наличие признаков иностранного инвестора или подконтрольной ему группы лиц у покупателя акций; факт перехода контроля над стратегическим обществом к иностранному субъекту без получения обязательного согласия Правительственной комиссии.

Документальное обоснование со стороны государственных органов включает в себя акты проверок Федеральной антимонопольной службы, официальные заключения отраслевых министерств (Минпромторга, Минприроды России), аналитические материалы ФТС и ФНС России. В состав доказательств обязательно включается внутренняя корпоративная документация: списки аффилированных лиц, уставы, акционерные соглашения, протоколы заседаний советов директоров и общих собраний акционеров. На основе этих документов суд устанавливает возможность иностранного инвестора прямо или косвенно определять решения, принимаемые российским юридическим лицом.

[8] Приказ Верховного Суда РФ от 3 сентября 2026 г. № 59-П 2 «Об утверждении Концепции внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Картельный сговор как антисоциальная сделка

Наиболее динамично развивающимся и сложным элементом правоприменительной практики является особый порядок обращения имущества и доходов в бюджет государства на основании ст. 169 ГК РФ. В современной практике органы прокуратуры стали использовать ее в качестве универсального материально-правового основания для истребования доходов, полученных коммерческими организациями в результате совершения сделок, признанных антиконкурентными (картельными). В предмет доказывания по ст. 169 ГК РФ входит установление антисоциального характера, цели сделки, ее заведомой противоположности основам правопорядка или нравственности, а также обязательного наличия умысла как минимум у одной из сторон.

Особое значение для судейского корпуса имеет правильное понимание и применение выводов, сформированных Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ в определении от 22 мая 2026 г. № 309-ЭС25-15678 по делу № А47-10662/2024[9]. Суды трех нижестоящих инстанций отказали прокуратуре в удовлетворении иска о взыскании в бюджет денежных средств с участников картельного сговора на торгах. Нижестоящие суды исходили из вывода о том, что картель представляет собой не сделку, а лишь неправомерное действие (административное правонарушение), в связи с чем нормы ст. 169 ГК РФ к нему неприменимы в принципе. Верховный Суд РФ полностью отменил судебные акты нижестоящих инстанций, признав их выводы незаконными, и вынес новый судебный акт об удовлетворении требований прокурора и солидарном взыскании дохода с участников сговора в бюджет.

Высшая судебная инстанция разъяснила, что картельное соглашение, даже при отсутствии единого письменного документа и заключении его в устной форме путем совершения фактических действий на электронной торговой площадке, в полной мере является сделкой для целей гражданского права. Верховный Суд РФ подчеркнул, что антиконкурентный сговор на торгах представляет собой одну из наиболее опасных и деструктивных форм противоправного поведения, направленную на ограничение конкуренции и искусственное поддержание цен (в данном случае на минимальном значении, близко к НМЦК). Цель такой сделки заведомо противна основам правопорядка, поскольку она направлена на извлечение неправомерного обогащения за счет средств публично-правового образования и бюджетов различных уровней. Соответственно, доход, полученный участниками картеля в результате исполнения заключенных государственных и муниципальных контрактов, имеет противоправную природу. Прокурор на основании ст. 52 АПК РФ обладает безусловным правом на предъявление иска о признании таких сделок недействительными и о применении последствий, предусмотренных ст. 169 ГК РФ, в виде изъятия всей выручки в доход государства.

Указанный правовой подход получил свое окончательное подтверждение в рамках последующего обжалования. Определением Верховного Суда РФ от 17 июля 2026 г. № 116-ПЭК26(2) по делу № А47-10662/2024[10] было отказано в передаче надзорной жалобы одного из участников сговора (ООО «СКС») для рассмотрения в судебном заседании Президиума Верховного Суда РФ. Высшая судебная инстанция отклонила доводы заявителя об

[9] URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-22052026-n-309-es25-15678-po-delu-n-a47-106622024/.

[10] URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-17072026-n-116-pek262-po-delu-n-a47-106622024/.

ошибочности квалификации картеля в качестве антисоциальной сделки, тем самым окончательно закрепив сформированный Судебной коллегией по экономическим спорам правовой прецедент и подтвердив легитимность механизма обращения имущества в доход государства (гражданско-правового характера) в отношении участников антимонопольных нарушений на торгах.

При вынесении решений по данной категории дел суды обязаны оценивать в совокупности положения ст. 11 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» и нормы Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Верховный Суд РФ указал, что выводы антимонопольного органа о наличии картельного сговора, подтвержденные вступившим в законную силу решением арбитражного суда по другому делу, обладают свойством преюдициальности в силу ст. 69 АПК РФ (или ст. 61 ГПК РФ). Если факт картеля подтвержден, суду в рамках спора по ст. 169 ГК РФ не требуется заново устанавливать обстоятельства сговора. Достаточно проверить расчет полученного ответчиками дохода и применить «конфискационную» санкцию, предусмотренную гражданским законодательством. Игнорирование судами нижестоящих инстанций квалификации картеля как антисоциальной сделки влечет за собой отмену их решений.

Выводы для практиков

Проведенный анализ предмета и особенностей доказывания по делам о восстановлении публичных имущественных интересов РФ позволяет сформулировать методологические выводы.

В сфере антикоррупционного законодательства ключевым залогом стабильности судебного акта выступает тщательная проверка фактических обстоятельств приобретения имущества и реальной структуры доходов соответствующего должностного лица. Судам стоит избегать упрощенного подхода, при котором любое несоответствие цифр в декларации или полученных с использованием ГИС «Посейдон», автоматически трактуется как основание для изъятия актива. Необходимо разграничивать технические ошибки, допущенные при заполнении справок о доходах или формировании отчетов ГИС, и умышленное сокрытие нелегальных источников обогащения. В случае возникновения любых сомнений относительно действительной стоимости спорных объектов недвижимости, транспортных средств или ценных бумаг на момент совершения сделки суд обязан ставить на обсуждение сторон вопрос о назначении независимой рыночной экспертизы. Проверка законности источников средств членов семьи чиновника должна осуществляться индивидуально, с исследованием их самостоятельной коммерческой или трудовой деятельности, чтобы исключить неправомерное изъятие имущества, приобретенного за счет легального бизнеса родственников.

При рассмотрении споров, регулируемых Законом № 57-ФЗ, на судей возлагается важнейшая функция по защите добросовестных участников гражданского оборота и сохранению инвестиционной привлекательности российской экономики. Практика Верховного Суда РФ однозначно указывает на то, что защита интересов государства не должна превращаться в инструмент деструктивного воздействия на добросовестных миноритарных инвесторов, приобретавших ценные бумаги на открытых организованных торгах. Суд обязан осуществлять дифференцированный подход к различным группам ответчиков. Мажоритарные акционеры и иностранные инвесторы, умышленно обходившие требования о согласовании сделок с Правительственной комиссией и устанавливавшие скрытый контроль над оборонными, сырьевыми или

инфраструктурными предприятиями, должны нести всю полноту ответственности в виде обращения долей в доход государства.

Изменения в практике применения ст. 169 ГК РФ, ознаменованные определением Верховного Суда РФ по делу № А47-10662/2024, а также последующим отказом в пересмотре дела в порядке надзора, требуют от судей полного пересмотра подходов к антимонопольным спорам. Прежняя позиция, согласно которой картельные соглашения рассматривались исключительно в плоскости административного и публичного права с наложением штрафов ФАС России, полностью утратила актуальность. Суды обязаны принимать во внимание, что устный сговор на торгах, направленный на ограничение конкуренции и извлечение сверхприбыли за счет бюджетных средств, признается ничтожной антисоциальной сделкой. При рассмотрении таких исков прокуратуры судам первой и апелляционной инстанций следует исходить из принципа преюдициальности решений антимонопольных органов, если они уже прошли стадию судебного контроля. Главное внимание суда должно быть сосредоточено на проверке правильности математического расчета изымаемого дохода, определении круга лиц, участвовавших в сговоре, и применении к ним мер солидарной ответственности.

Важнейшим аспектом, гарантирующим защиту судебного акта от отмены, является правильное применение исковой давности. Здесь суду прежде всего необходимо верно квалифицировать требование прокурора. К антикоррупционным искам об обращении в доход РФ имущества, приобретенного вследствие нарушения лицом, занимающим публично значимую должность, требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, применяются сроки исковой давности, установленные ГК РФ[11]. Вместе с тем Конституционный Суд РФ подчеркнул, что этот вывод не может автоматически распространяться на иные требования прокуроров, в том числе связанные с нарушениями при приватизации. Для них Федеральным законом от 10 июня 2026 г. № 167-ФЗ «О внесении изменений в статьи 196 и 217 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»[12] установлен предельный десятилетний срок исковой давности, который не распространяется на требования об обращении имущества в доход государства по антикоррупционному и антиэкстремистскому законодательству. Новые правила применяются и к ранее заявленным требованиям, если на 10 июня 2026 г. судебные решения по ним не вступили в законную силу. Поэтому по делам о деприватизации суд обязан детально проверять заявления ответчиков о пропуске этого срока: его истечение является самостоятельным основанием для отказа в иске. По антикоррупционным искам, напротив, ссылка ответчика на давность такого основания не дает.

В целях минимизации рисков отмены или изменения судебных решений судьям рекомендуется неукоснительно следовать алгоритму верификации доказательств. Материалы уголовных дел, оперативно-розыскных мероприятий или проверок контролирующих органов, представленные истцом, не должны приниматься судом на веру как неопровержимые факты, если в отношении конкретных лиц отсутствует вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу. В рамках арбитражного или гражданского процесса все эти документы обладают лишь статусом иных

[11] Постановление Конституционного Суда РФ от 31 октября 2024 г. № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 46. Ст. 7029.

[12] Собрание законодательства Российской Федерации. 2026. № 24. Ст. 3099.

письменных доказательств и подлежат оценке в совокупности со всеми материалами дела согласно требованиям ст. 71 АПК РФ или ст. 67, 68 ГПК РФ.

Список источников

1. Нахова Е. А., Царькова Д. В. Становление понятия стандарта доказывания в российской правовой доктрине и соотношение с иными категориями доказательственного права // Ленинградский юридический журнал. 2024. № 2. С. 163–178.
2. Тисен О. Н. Проверка достоверности доказательств по делам о преступлениях, совершенных с использованием цифровых валют // Российское правосудие. 2026. № 10. С. 22–27.
3. Карапетов А. Г., Косарев А. С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к Ежемесячному журналу. 2019. № 5. Специальный выпуск. С. 3–96.
4. Шелкович М. Т. Цифровизация услуг инфраструктурных организаций финансового рынка Российской Федерации // Юридическая наука. 2025. № 8. С. 312–316.
5. Курочкин С. А. Искусственный интеллект в гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. 2024. № 2. С. 42–74.
6. Решетникова И. В. Современные тенденции развития доказывания в арбитражном, гражданском и административном процессуальном праве // Закон. 2025. № 2. С. 50–58.

Информация об авторе

М. Т. Шелкович – кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового права.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сроки утверждения

Статья поступила в редакцию 21.07.2026.

Одобрена после рецензирования 05.09.2026.

Принята к публикации 25.09.2026.

References

1. Nakhova E. A., Tsarkova D. V. The formation of the concept of the standard of proof in the Russian legal doctrine and its relation to other categories of evidentiary law. *Leningrad Legal Journal*. 2024;(2):163-178. (In Russ.)

2. Tisen O. N. Verifying the reliability of evidence in cases of crimes committed with the use of Digital currencies. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(10):22-27. (In Russ.)

3. Karapetov A. G., Kosarev A. S. Standards of proof: analytical and empirical research. *Herald of Economic Justice. Supplement to the Monthly Journal*. 2019;(5. Special Issue):3-96. (In Russ.)

4. Shelkovich M. T. Digitalization of services of infrastructure organizations of the financial market of Russian Federation. Legal Science. 2025;(8):312-316. (In Russ.)

5. Kurochkin S. A. Artificial intelligence in civil procedure. *Herald of Civil Procedure*. 2024;(2):42-74. (In Russ.)

6. Reshetnikova I. V. Modern trends in the development of evidence in arbitrazh, civil and administrative procedural law. *Statute.* 2025;(2):50-58. (In Russ.)

Information about the author

M. T. Shelkovich – Candidate of Science (Law), Associate Professor at the Financial Law Department.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Approval deadlines

The article was submitted 21.07.2026.

Approved after reviewing 05.09.2026.

Accepted for publication 25.09.2026.

DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.11.22-28

Автор статьи

Константин Сергеевич Рыжков

Уральский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Челябинск, Российская Федерация

knrz2006@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3882-6612

Научная статья

Российское правосудие. 2026. № 11. С. 22–28

Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 11. P. 22–28

УДК 347.941

Проблемы признания фактов общеизвестными при рассмотрении гражданских и административных дел

Наличие в процессуальном законе норм, исключающих общеизвестные факты из числа подлежащих доказыванию по делу (ч. 1 ст. 61 ГПК РФ, ч. 1 ст. 69 АПК РФ, ч. 1 ст. 64 КАС РФ), неизбежно создает проблемы, связанные с определением указанных фактов. Суд исключает общеизвестные факты из числа обсуждаемых в процессе доказывания, устанавливая их определенным образом (исходя из вывода об их общеизвестности). По этой причине для сторон затрудняется возможность опровергать такие факты, что существенным образом сказывается на реализации принципов диспозитивности и состязательности. Поэтому важно установить как правовую природу общеизвестных фактов, так и критерии общеизвестности, тем более что закон не регулирует подробно данный вопрос.

Ни в нормах процессуального права, ни в разъяснениях высших судебных инстанций не приводится сколько-нибудь конкретной дефиниции указанных фактов. Поэтому следует обратиться к доктринальным положениям и правоприменительной практике по рассматриваемой проблеме.

В одном из арбитражных дел суд признал общеизвестными следующие факты: «МВидео» является крупной федеральной сетью магазинов электроники и не реализует контрафактную продукцию[1]. В другом деле таковыми были признаны влияние санкций на курс рубля по отношению к доллару США и евро, а также на деловую активность в России в отношениях с иностранными компаниями[2]. Еще в одном деле суд посчитал общеизвестным, что компания Apple не производит запасных

[1] Решение Арбитражного суда Пензенской области от 9 апреля 2025 г. по делу № А49-6936/2024. Здесь и далее, если не указано иное, доступ с сайта федеральных арбитражных судов Российской Федерации. URL: https://ras.arbitr.ru.

[2] Определение Арбитражного суда Ростовской области от 7 апреля 2025 г. по делу № А53-453/2024.

© Рыжков К. С., 2026

Аннотация. Анализируются проблемы признания фактов общеизвестными при рассмотрении гражданских и административных дел. На материале практики арбитражных судов, судов общей юрисдикции и Верховного Суда РФ показано, что суды признают общеизвестными разнородные факты – события и деяния, их результаты и причинно-следственные связи. Разграничены критерии общеизвестности (известность факта широкому кругу лиц и суду) и условия признания факта общеизвестным: конкретность, достоверность источника получения и компетентность суда для его самостоятельного восприятия. Обосновывается целесообразность разъяснения этих вопросов на уровне Пленума Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: решение суда, доказывание, доказательство, предмет доказывания, бремя доказывания, общеизвестный факт

Для цитирования: Рыжков К. С. Проблемы признания фактов общеизвестными при рассмотрении гражданских и административных дел // Российское правосудие. 2026. № 11. С. 22–28. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.11.22-28.

Problems of Recognizing Facts as Generally Known in Civil and Administrative Cases

Konstantin S. Ryzhkov, Ural Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Chelyabinsk, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the problems of recognizing facts as generally known in civil and administrative cases. Based on the practice of arbitrazh courts, courts of general jurisdiction and the Supreme Court of the Russian Federation, it is shown that courts recognize heterogeneous facts as generally known: events and acts, their results and causal links. The criteria of general knowledge (the fact is known to a wide range of persons and to the court) are distinguished from the conditions for recognizing a fact as generally known: concreteness, reliability of the source and the competence of the court to perceive it independently. The advisability of clarifying these issues at the level of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation is substantiated.

Keywords: court decision, proof, evidence, subject of proof, burden of proof, generally known fact

For citation: Ryzhkov K. S. Problems of recognizing facts as generally known in civil and administrative cases. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(11):22-28. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.11.22-28.

частей[3]. Также арбитражные суды признавали общеизвестными наличие у каменного угля гигроскопических свойств[4], факт хищничества касаток[5], факт обнародования мультфильма[6], правовую природу ставки рефинансирования[7].

В актах судов общей юрисдикции встречаются ссылки как на конкретные общеизвестные факты (например, факт ремонта дорожного полотна по конкретному адресу[8]), так и на их значение для разрешения дела судом. В одном из апелляционных определений суд указал, что обоснованным решение следует признавать тогда, когда в нем отражены имеющие значение для данного дела факты, подтвержденные проверенными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или общеизвестными обсто-

[3] Решение Сызранского городского суда Самарской области от 30 июля 2024 г. по делу № 2-2011/2024. URL: https://sudrf.ru.

[4] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 9 апреля 2025 г. по делу № А56-31896/2024.

[5] Решение Арбитражного суда Сахалинской области от 8 апреля 2025 г. по делу № А59-5026/2024.

[6] Решение Арбитражного суда Ставропольского края от 9 апреля 2025 г. по делу № А63-21691/2024.

[7] Постановление Президиума ВАС РФ от 13 января 2011 г. № 11680/10 по делу № А41-13284/09; решение Арбитражного суда Саратовской области от 9 апреля 2025 г. по делу № А57-18873/2024.

[8] Апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 9 июля 2026 г. № 33-5058/2026. URL: https://sudrf.ru.

ятельствами[9]. Эта позиция основывается на п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении»[10], согласно которому решение является обоснованным, если имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании.

Верховный Суд РФ также квалифицировал некоторые конкретные факты как общеизвестные. К примеру, в гражданском деле общеизвестным был назван следующий факт: при незаконном уголовном преследовании каждый человек испытывает как нравственные, так и физические страдания[11]. Ранее в качестве общеизвестного также указывался факт того, что автомобильные ремни безопасности являются наиболее действенным техническим приспособлением, обеспечивающим безопасность пассажиров транспортного средства при дорожно-транспортном происшествии[12]. Таким образом, суды признают общеизвестными различные по своему содержанию факты, касающиеся законов природы и деятельности людей (т. е. как события, так и деяния). Последние могут касаться конкретных действий или бездействия (производство запасных частей), их результатов (обнародованная ставка рефинансирования) и причинно-следственных связей между действиями (бездействием) и их результатами (влияние санкций на курс рубля).

Критерии общеизвестности фактов

По справедливому замечанию Е. А. Наховой, «общеизвестные факты нет возможности зафиксировать в законе, их перечень достаточно широк» [1, с. 217]. Иными словами, невозможно нормативно или даже доктринально закрепить перечень конкретных фактов, которые являются общеизвестными. Во-первых, количество таких фактов огромно и вряд ли может быть исчислено. Во-вторых, постоянно появляются новые факты, обладающие свойством общеизвестности. Как следствие, можно лишь сформулировать признаки, характеризующие какой-либо факт как общеизвестный.

При признании факта общеизвестным традиционно применяются два критерия, соответствие которым позволяет отнести тот или иной факт к таковым. Первым из них является известность факта широкому кругу лиц. Второй же предполагает, что факт известен самому суду, т. е. судье или нескольким судьям, рассматривающим конкретное дело.

Относительно первого критерия М. К. Треушников отмечал, что «общеизвестность того или иного факта относительна и зависит от времени, истекшего после события, распространенности события в определенной местности» [2, с. 35]. Иными словами, известность факта широкому кругу лиц в каждом конкретном случае устанавливает суд.

Е. А. Нахова по этому поводу указывает, что «в мотивировочной части решения суд должен указать, на какой территории … на какой момент времени данный факт рассматривается как общеизвестный, иначе вышестоящим судом… приведенный факт не будет отнесен к основанию освобождения лица, участвующего в деле, от доказывания» [1, с. 217].

Закон не содержит указаний о том, на какие источники суду следует опираться в этом вопросе. Если доказательства общеизвестности

---

[9] Апелляционное определение Ростовского областного суда от 4 августа 2026 г. № 33-12655/2026. URL: https://sudrf.ru.

[10] Российская газета. 2003. 26 дек.

[11] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 5 марта 2019 г. № 78-КГ18-82. URL: https://www.vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/1755498.

[12] Решение Верховного Суда РФ от 26 августа 1998 г. № ГКПИ98-357. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

факта (как и доказательства обратного) будут представлены сторонами, то факт общеизвестности становится спорным, что уже противоречит правовой природе фактов, не подлежащих доказыванию. Поэтому полагаем, что суд должен устанавливать соответствие указанному критерию исходя из собственных знаний о распространенности информации, касающейся такого факта. Стороны же вправе в своих объяснениях не согласиться с судом, реализовав свое несогласие, в том числе, в рамках апелляционного обжалования.

В ряде случаев суды, определяя общеизвестность факта, ссылаются на расчеты, не приводя их. Само существование таких расчетов ставит общеизвестность факта под сомнение, хотя иногда правота суда очевидна с позиции здравого смысла. Так, в одном из дел суд отметил, что временные и пространственные ограничения, препятствующие отбору параллельной пробы, являются общеизвестным фактом, поскольку подтверждаются логистическими расчетами времени на дорогу и подготовку процедуры отбора[13]. Впрочем, суд установил, что телеграмма о параллельной пробе поступила в учреждение через 3 минуты после начала отбора основной пробы, т. е. речь шла не столько о возможности успеть к месту отбора, сколько о невозможности совершить действие в момент, который уже прошел.

Второй критерий общеизвестности (известность суду) также неоднозначен с точки зрения доктрины и правоприменительной практики.

Известность факта суду может возникать как до начала рассмотрения дела, так и в ходе процесса. С. П. Ворожбит по этому поводу справедливо отмечает, что незнание судом широко известного факта не придает ему спорный характер [3, с. 32].

Обращение суда к открытым источникам, включая публикации средств массовой информации, официальные сообщения органов власти, справочную литературу и т. д., позволяет сделать подобные факты известными для суда. Так, в одном из дел суд посчитал общеизвестным факт смены юридическим лицом наименования, данные о чем имеются в открытом доступе[14].

По мнению М. А. Мазуренко, судебная практика в настоящее время трактует указанные факты в новом формате, относя к не подлежащим доказыванию не только общеизвестные, но и содержащиеся в общедоступных источниках [4, с. 96]. Иными словами, актуальным становится вопрос о роли суда в контексте принципа состязательности.

КАС РФ наделяет суд полномочием самостоятельно получать необходимые для рассмотрения и разрешения административного дела сведения из открытых источников (п. 7.1 ч. 3 ст. 135 КАС РФ). ГПК РФ и АПК РФ такого полномочия не предусматривают. Как следствие, на первый взгляд неясно, является ли правомерным самостоятельное (без ходатайства сторон) обращение суда к таким источникам для установления общеизвестности факта.

Полагаем, что вопрос об общеизвестности факта находится за пределами вопросов о предмете и бремени доказывания и, следовательно, общеизвестность факта может устанавливаться судом по собственной инициативе.

Условия признания фактов общеизвестными

Помимо критериев общеизвестности фактов следует выделить не менее значимые условия признания факта общеизвестным. Иными словами, важно не только установить, известен ли факт широкому кругу лиц и самому суду, но и можно ли положить в основу выно-

[13] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 9 апреля 2025 г. по делу № А56-118614/2024.

[14] Заочное решение Ленинского районного суда г. Тюмени от 26 августа 2024 г. по делу № 2-7712/2024. URL: https://sudrf.ru.

симого по делу решения тот или иной общеизвестный факт.

С одной стороны, в данном случае возможно применить хорошо известные из действующего правового регулирования, правоприменительной практики и доктрины критерии оценки доказательств, в частности относимость (способность подтверждать или опровергать значимые для дела обстоятельства) и достоверность (отсутствие разумных сомнений).

С другой же стороны, учитывая, что общеизвестные факты исключаются судом из числа спорных по делу, следует все же рассмотреть специфику их применения с точки зрения возможности использовать тот или иной общеизвестный факт в тексте судебного решения.

Одной из существенных проблем при определении фактов судом в качестве общеизвестных является проблема оценочного характера отдельных фактов. К примеру, в одном из дел суд установил, что общеизвестным является следующий факт: «При разливе после таяния льда река Зея занимает большую площадь русла (если не выходит из границ)»[15].

Очевидно, что сформулированный судом факт имеет в данном случае неконкретный, оценочный характер. Как следствие, он не должен признаваться как общеизвестный, поскольку для каждого отдельного субъекта его значение может быть различным.

В приведенном примере интересно и другое: суд, опираясь на вышеуказанный факт, определенный им как общеизвестный, отклонил доводы истца о том, что обстоятельства затопления участка в теплое время года не подтверждены.

Обратный пример изложен в ином деле. Суд признал общеизвестным факт периода половодья реки Подкаменная Тунгуска с начала мая до конца июня[16], что уже предполагает точные характеристики (временной период).

Следовательно, в качестве важного условия признания факта судом общеизвестным следует признать его конкретность, не допускающую субъективного толкования.

Другим условием признания факта общеизвестным следует считать достоверность источников, из которых указанный факт получен судом, что неразрывно связано с такими критериями оценки доказательств, как достоверность и допустимость. В частности, публикация информации о факте в сети Интернет может свидетельствовать о его известности широкому кругу лиц, но не гарантирует сама по себе его достоверности. Примером служит сложившаяся в последние годы судебная практика, не всегда признающая достоверными источниками информации интернет-ресурсы, содержание которых зачастую формируется самими пользователями и не подвергается при этом предварительному рецензированию (в отличие от научных словарей, справочников и т. п.).

Так, в одном из дел суд пришел к выводу о том, что доводы, основанные на публикациях в сети «Интернет», не могут быть отнесены к числу общеизвестных фактов, поскольку их известность широкому кругу лиц основана на «искусственном» продвижении данной информации авторами описываемых событий, с отражением их личной оценки происходящего. При этом большинство сайтов в интернете не являются средствами массовой информации (в частности, Википедия), а потому информация из таких источников не только не является общеизвестной, но также не является определенно достоверной[17].

В другом деле суд апелляционной инстанции посчитал необходимым отметить, что

[15] Решение Арбитражного суда Амурской области от 8 апреля 2025 г. по делу № А04-10094/2024.

[16] Решение Арбитражного суда Тюменской области от 9 апреля 2025 г. по делу № А70-22090/2024.

[17] Определение Арбитражного суда Самарской области от 16 января 2023 г. по делу № А55-20746/2018.

статью из интернет-энциклопедии «Википедия», на которую сослался истец в суде первой инстанции, апелляционный суд не рассматривает в качестве бесспорного доказательства как общеизвестный или научно установленный факт, а расценивает ее как иной документ (ст. 89 АПК РФ), на который ссылается сторона спора как на доказательство[18].

На общеизвестность факта может влиять не только качество источников, но и их количество: чем больше источников, тем больше оснований говорить о широкой известности факта. Однако прямой корреляции здесь нет, поскольку качество источников приоритетно. Официальная информация, опубликованная только на сайте органа исполнительной власти, с большей вероятностью будет признана судом общеизвестной, нежели ничем не подкрепленные сведения, многократно воспроизведенные на множестве интернет-ресурсов. Оценка общеизвестности конкретного факта в любом случае остается за судом, который должен учитывать как число источников, так и достоверность каждого из них.

По замечанию М. А. Фокиной, одним из векторов развития современного доказательственного права является расширение использования в судопроизводстве знаний, относящихся к различным научным сферам [5, с. 37]. Поэтому еще одним условием, касающимся возможности получения судом информации об общеизвестных фактах, является компетентность суда для его самостоятельного восприятия. В частности, в деятельности судов возможны случаи, когда общеизвестными могут быть признаны факты, отраженные в официальной информации, исходящей от международных организаций и публичных органов зарубежных государств (источником ее получения служат, к примеру, тексты иностранных нормативных правовых актов, сведения с официальных сайтов таких органов и организаций и т. д.).

Поскольку русский язык является государственным или имеет иной официальный статус лишь в нескольких государствах, для получения такой информации судье придется прибегнуть к собственному знанию иностранного языка, к программному обеспечению для перевода или к помощи лиц, содействующих осуществлению правосудия (переводчика, специалиста). В первом случае встает вопрос об уровне владения судьей языком, поскольку это требование не является значимым для замещения должности судьи. Во втором – сомнения вызывает точность автоматического перевода с учетом контекста и специфики толкования. В третьем – неясно, как судья может привлечь переводчика или специалиста к установлению факта, доказывание которого не происходит в силу его общеизвестности. Во всех трех случаях признание факта общеизвестным путем обращения к иноязычному источнику сомнительно. Суду следует либо поставить такой факт на обсуждение, допустив его доказывание сторонами, либо найти русскоязычный источник, в котором он отражен (научная и справочная литература, материалы средств массовой информации и т. д.).

Выводы

Условия признания факта общеизвестным отличаются от критериев общеизвестности фактов, дополняя их. Если к последним относят только известность факта суду и его известность широкому кругу лиц, то условиями признания факта общеизвестным будут являться конкретность, достоверность источника получения и компетентность суда для его самостоятельного восприятия.

[18] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18 декабря 2023 г. № 09АП-66702/2023-ГК по делу № А40-120683/2023.

Представляется, что закреплению на практике как самих этих условий, так и специфики их применения способствовали бы разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, касающиеся определения общеизвестности фактов по гражданским и административным делам. В них могли бы получить освещение и иные вопросы, неизбежно возникающие при применении судами норм об освобождении сторон от доказывания общеизвестных фактов.

Список источников

1. Нахова Е. А. К вопросу о концепции бесспорных обстоятельств в цивилистическом и административном судопроизводстве Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 1. С. 216–229.
2. Треушников М. К. Судебные доказательства. 5-е изд., доп. М. : Городец, 2018. 304 с.
3. Ворожбит С. П. Тенденции развития понятия «общеизвестный факт» в гражданском процессе России, Германии и США // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 7. С. 32–36.
4. Мазуренко М. А. Роль общеизвестных фактов в современном арбитражном судопроизводстве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021. № 4. С. 89–97.
5. Фокина М. А. Применение судами логико-психологических методов в гражданском и арбитражном процессах // Российское правосудие. 2022. № 11. С. 36–46.

Информация об авторе

К. С. Рыжков – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сроки утверждения

Статья поступила в редакцию 30.09.2025.

Одобрена после рецензирования 29.10.2025.

Принята к публикации 25.09.2026.

References

1. Nakhova E. A. On the concept of indisputable circumstances in civil and administrative proceedings of the Russian Federation. *Leningrad Legal Journal*. 2017;(1):216-229. (In Russ.)
2. Treushnikov M. K. *Judicial evidence.* 5th ed. Moscow: Gorodets; 2018. 304 p. (In Russ.)
3. Vorozhbit S. P. Trends in the development of the concept of a “generally known fact” in the civil procedure of Russia, Germany and the USA. *Arbitrazh and Civil Procedure*. 2010;(7):32-36. (In Russ.)
4. Mazurenko M. A. The role of common knowledge facts in modern arbitration litigation. *Legal Bulletin of Kuban State University.* 2021;(4):89-97. (In Russ.)
5. Fokina M. A. Application by vessels of logiko-psychological methods in civil and arbitration processes. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2022;(11):36-46. (In Russ.)

Information about the author

K. S. Ryzhkov – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Civil Law Disciplines Department.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Approval deadlines

The article was submitted 30.09.2025.

Approved after reviewing 29.10.2025.

Accepted for publication 25.09.2026.

DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.11.29-33

Автор статьи

Татьяна Федоровна Моисеева

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация

moiseevatf@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6414-7990

Научная статья

Российское правосудие. 2026. № 11. С. 29–33

Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 11. P. 29–33

УДК 343.148

Дополнительная судебная экспертиза: вопросы правового регулирования и использования в судопроизводстве

Основания назначения дополнительной экспертизы

Процессуальное законодательство предусматривает во всех видах судопроизводства особые формы организации и проведения судебных экспертиз: комиссионную (ст. 200 УПК РФ, ст. 83 ГПК РФ, ст. 84 АПК РФ, ст. 80 КАС РФ), комплексную (ст. 201 УПК РФ, ст. 82 ГПК РФ, ст. 85 АПК РФ, ст. 81 КАС РФ), дополнительную и повторную (ст. 207 УПК РФ, ст. 87 ГПК РФ, ст. 87 АПК РФ, ст. 83 КАС РФ) экспертизы.

Проблемы их использования связаны прежде всего с недостаточно четким и неединообразным изложением соответствующих норм процессуальных кодексов [1].

В научных публикациях нами уже отмечалась необходимость уточнить основания назначения комиссионной экспертизы, правовые основания и порядок проведения комплексной [2; 3; 4].

Представляется также, что требуют уточнения и основания назначения дополнительной экспертизы.

Во всех процессуальных кодексах к ним относятся недостаточная ясность и неполнота заключения эксперта. И только УПК РФ и АПК РФ называют еще одно основание – возникновение новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств дела (ч. 1 ст. 207 УПК РФ, ч. 1 ст. 87 АПК РФ). Именно оно, на наш взгляд, и является реальной и практически значимой причиной назначения дополнительной экспертизы.

Сам термин «дополнительная экспертиза» предполагает наличие основной. Новые вопросы в отношении исследованных объектов могут возникнуть в связи с обстоятельствами, установленными в ходе расследования или рассмотрения дела. Для их разрешения можно назначить новую экспертизу с полным исследованием объектов, но целесообразнее назначить дополнительную: эксперт использует свойства объекта,

© Моисеева Т. Ф., 2026

Аннотация. Неоднозначная интерпретация правовой сущности дополнительной судебной экспертизы негативно сказывается на единообразии судебно-экспертной практики. Раскрыто содержание этого процессуального института и аргументировано положение, согласно которому такие дефекты заключения, как неясность и неполнота, не могут служить самостоятельными основаниями для назначения дополнительной экспертизы: они устраняются иными процессуальными средствами – допросом эксперта или назначением повторной экспертизы. Показано, что дополнительная экспертиза не может использоваться для проверки достоверности заключения эксперта. Обоснована необходимость унифицировать основания назначения дополнительной экспертизы в процессуальных кодексах, закрепив в качестве определяющего возникновение новых вопросов в отношении ранее исследованных объектов.

Ключевые слова: дополнительная судебная экспертиза, основания назначения, неполнота заключения, неясность заключения, повторная экспертиза, допрос эксперта, унификация процессуальных норм

Для цитирования: Моисеева Т. Ф. Дополнительная судебная экспертиза: вопросы правового регулирования и использования в судопроизводстве // Российское правосудие. 2026. № 11. С. 29–33. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.11.29-33.

Additional Forensic Examination: Issues of Legal Regulation and Use in Legal Proceedings

Tatiana F. Moiseeva, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation

Abstract. The ambiguous interpretation of the legal nature of additional forensic examination negatively affects the uniformity of forensic practice. The article reveals the content of this procedural institution and substantiates the position that such defects of an expert report as lack of clarity and incompleteness cannot serve as independent grounds for ordering an additional examination: they are remedied by other procedural means – questioning the expert or ordering a repeat examination. It is shown that an additional examination cannot be used to verify the reliability of an expert report. The need to unify the grounds for ordering an additional examination in the procedural codes is substantiated, with new questions concerning previously examined objects established as the decisive ground.

Keywords: additional forensic examination, grounds for ordering, incompleteness of the report, lack of clarity of the report, repeat examination, questioning of the expert, unification of procedural rules

For citation: Moiseeva T. F. Additional forensic examination: issues of legal regulation and use in legal proceedings. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(11):29-33. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.11.29-33.

установленные в основной экспертизе, дополнив их необходимыми исследованиями, что существенно экономит время и снижает трудоемкость. Такую экспертизу вправе провести как эксперт, выполнивший основную, так и любой другой компетентный эксперт; обязательное условие – предоставление ему заключения основной экспертизы с информацией о выявленных свойствах объекта.

Неясность заключения: предмет допроса эксперта

Понятия недостаточной ясности и неполноты заключения эксперта раскрыты в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»[1] (далее – постановление Пленума № 28): «Под недостаточной ясностью следует понимать невозможность уяснения смысла и значения терминологии, используемой экспертом, методики исследования, смысла и значения признаков, выявленных при изучении объектов, критериев оценки выявленных признаков, которые невозможно устранить путем допроса в судебном заседании эксперта, производившего экспертизу».

Из этого разъяснения видно, что возникшие вопросы касаются специальных знаний

[1] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 2.

эксперта и требуют пояснения, а не нового исследования материальных объектов – носителей информации о расследуемом событии, которое и отличает судебную экспертизу от других форм использования специальных знаний. Согласно п. 1 постановления Пленума № 28 экспертизу рекомендуется назначать, когда для разрешения возникших вопросов необходимо исследование с использованием специальных знаний. Если исследование не нужно и компетентное лицо может ответить на вопросы без него, проводится допрос (ст. 282 УПК РФ). Трудно представить ситуацию, когда эксперту, чтобы пояснить использованные им термины или методику, нужно проводить исследование. Если же эксперт при допросе не может ответить на вопросы или его ответы вызывают сомнения, это свидетельствует о его недостаточной компетентности и ставит под сомнение научную обоснованность заключения, что служит основанием назначения не дополнительной, а повторной экспертизы другому эксперту.

Анализ судебной практики показывает, что суды нередко назначают дополнительную экспертизу там, где достаточно допроса эксперта[2]; в литературе обсуждается необходимость выработать критерии разграничения предмета допроса эксперта и дополнительной экспертизы [5].

Неполнота заключения: дополнительная или повторная экспертиза

Согласно тому же п. 13 постановления Пленума № 28 «неполным является такое заключение, в котором отсутствуют ответы на все поставленные перед экспертом вопросы, не учтены обстоятельства, имеющие значение для разрешения поставленных вопросов». Эксперт обязан ответить на все поставленные вопросы[3], и если он этого не сделал либо не учел обстоятельства, влияющие на результаты экспертизы, это свидетельствует о нарушении требований закона и может повлечь признание заключения недопустимым доказательством. Если эксперт не ответил на все вопросы, не исследовал все объекты и не может обосновать это при допросе, возникает сомнение в его компетентности и обоснованности выводов, а значит, основание для повторной экспертизы.

Если же обстоятельства, имеющие значение для экспертизы, установлены после ее назначения, возникшие вопросы действительно целесообразно решать в рамках дополнительной экспертизы. Но основанием ее назначения тогда служит не неполнота исследования, а появление новых вопросов в отношении уже исследованных объектов. Таким образом, ссылка на неполноту заключения сама по себе не определяет вид экспертизы – существенно содержание выявленного недостатка. Если нужно дать ответы на новые вопросы в отношении ранее исследованных объектов, допустима дополнительная экспертиза. Если же под видом устранения неполноты ставится вопрос о правильности уже сделанных выводов, о необходимости заново исследовать разрешенные вопросы или проверить примененную методику, такое исследование имеет признаки повторной экспертизы.

Дополнительная экспертиза не проверяет достоверность заключения

Неопределенность понятия дополнительной экспертизы порождает и некорректные ее трактовки как средства проверки достовер-

[2] Обзор судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам (утв. Президиумом ВС РФ 14 декабря 2011 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] Статья 16 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; ст. 57 УПК РФ, ст. 85 ГПК РФ, ст. 55 АПК РФ, ст. 49 КАС РФ.

ности заключения эксперта [6]. Разграничению дополнительной и повторной экспертиз в этом аспекте посвящен ряд публикаций[4]. Анализ практики показывает, что суды в некоторых случаях пытаются «перепроверить» эксперта через дополнительную экспертизу[5], а ошибка в определении вида экспертизы влечет неверное решение вопроса о том, можно ли поручить ее тому же эксперту. Например, судебная коллегия, принимая во внимание сомнения в правильности и обоснованности повторной судебной экспертизы, назначила дополнительную судебную экспертизу, хотя обоснованные сомнения в выводах эксперта являются самостоятельным основанием для назначения повторной экспертизы, а не дополнительной (апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда от 13 апреля 2026 г. по делу № 33-210/2026).

Дополнительная экспертиза призвана восполнить пробелы и уточнить уже данное заключение, а не проверить его правильность. Кроме того, она, как правило, поручается тому же эксперту и не может служить объективным инструментом проверки его же выводов. Оценка достоверности заключения – исключительная компетенция суда (следователя, дознавателя), который оценивает доказательства по внутреннему убеждению (ст. 17 УПК РФ, ст. 67 ГПК РФ, ст. 71 АПК РФ). При сомнениях в обоснованности заключения или противоречиях в выводах закон предусматривает повторную экспертизу (ч. 2 ст. 207 УПК РФ, ч. 2 ст. 87 ГПК РФ, ч. 2 ст. 87 АПК РФ), производство которой поручается другому эксперту (комиссии экспертов), заново исследующему те же вопросы.

Выводы

Проведенный анализ показывает, что основания назначения дополнительной судебной экспертизы нуждаются в уточнении.

Категории «неясность» и «неполнота» заключения на практике не позволяют достаточно определенно разграничить дополнительную и повторную экспертизы и установить, когда требуется новое экспертное исследование. Их применение создает предпосылки для использования дополнительной экспертизы в целях, не соответствующих ее процессуальному статусу, – для проверки правильности и обоснованности уже сделанных выводов, хотя такие задачи по своей природе решаются повторной экспертизой либо допросом эксперта.

Представляется целесообразным унифицировать в процессуальных кодексах основания назначения дополнительной экспертизы, отказавшись от категорий «неясность» и «неполнота» как самостоятельных оснований и закрепив в качестве определяющего критерия возникновение новых вопросов в отношении ранее исследованных объектов или обстоятельств. Это позволит четче разграничить дополнительную и повторную экспертизы и обеспечить соответствие экспертных исследований их действительному процессуальному назначению.

Список источников

1. Моисеева Т. Ф. Проблемы процессуальной регламентации судебно-экспертной деятельности // Российское правосудие. 2012. № 7. С. 72–77.
2. Моисеева Т. Ф. Методологические и процессуальные проблемы комплексных иссле-

[4] См.: [7]. См. также: *Смирнов А. В., Калиновский К. Б.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А. В. Смирнова. (Комментарии к ст. 207.) Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[5] См., например, постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 26 мая 2023 г. № 07АП-3930/2023 по делу № А45-130/2022; апелляционные определения судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда от 13 апреля 2026 г. по делу № 33-210/2026, Самарского областного суда от 13 июня 2024 г. по делу № 33-7418/2024, Свердловского областного суда от 13 марта 2026 г. по делу № 33-3239/2026. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

дований в судебной экспертизе // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 449. С. 241–245.
3. Моисеева Т. Ф. Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы // Российское правосудие. 2019. № 12. С. 95–100.
4. Моисеева Т. Ф. Порядок назначения судебной экспертизы: проблемы правового регулирования и правоприменительной практики // Российское правосудие. 2024. № 10. С. 77–85.
5. Ефимовых И. Н. Дополнительная и повторная экспертизы в судебном следствии: ошибки при назначении // Уголовный процесс. 2020. № 1. С. 86–92.
6. Немира С. В. Дополнительная экспертиза как способ проверки достоверности заключения эксперта в уголовном процессе // Закон и право. 2020. № 12. С. 146–154.
7. Жегет В. С. Методы проверки достоверности заключения эксперта в уголовном судопроизводстве: сравнительный анализ дополнительной и повторной экспертиз // Epomen Global. 2025. № 59. С. 149–155.

Информация об авторе

Т. Ф. Моисеева – доктор юридических наук, кандидат биологических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз и криминалистики.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сроки утверждения

Статья поступила в редакцию 10.08.2026.

Одобрена после рецензирования 01.09.2026.

Принята к публикации 02.10.2026.

References

1. Moiseeva T. F. Problems of procedural regulation of forensic expert activity. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2012;(7):72-77. (In Russ.)

2. Moiseeva T. F. Methodological and procedural problems of integrated research in forensic examination. *Tomsk State University Journal*. 2019;(449):241-245. (In Russ.)

3. Moiseeva T. F. Discussion of the theory and practice of forensic examination. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2019;(12):95-100. (In Russ.)

4. Moiseeva T. F. The procedure for appointing a forensic examination: problems of legal regulation and law enforcement practice. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2024;(10):77-85. (In Russ.)

5. Efimovykh I. N. Additional examination and re-examination in the judicial investigation: errors in the appointment. *Ugolovnyj protsess = Criminal Procedure*. 2020;(1):86-92. (In Russ.)

6. Nemira S. V. Additional expertise as a verification method reliability of the expert opinion in criminal proceedings. *Law and Legislation*. 2020;(12):146-154. (In Russ.)

7. Zheget V. S. Methods of verifying the reliability of an expert's opinion in criminal proceedings: comparative analysis of additional and repeated examination. *Epomen Global*. 2025;(59):149-155. (In Russ.)

Information about the author

T. F. Moiseeva – Doctor of Science (Law), Candidate of Science (Biology), Professor, Head of the Forensic Examination and Criminalistics Department.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Approval deadlines

The article was submitted 10.08.2026.

Approved after reviewing 01.09.2026.

Accepted for publication 02.10.2026.

DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.11.34-43

Автор статьи

Майя Михайловна Савченко

Калининградский государственный технический университет, Калининград, Российская Федерация

maya.savchenko@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-7528-8577

Научная статья

Российское правосудие. 2026. № 11. С. 34–43

Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 11. P. 34–43

УДК 343.1

Пределы преюдиции судебных решений по экономическим спорам в уголовном судопроизводстве

Обращение к преюдициальному значению судебных актов по экономическим спорам для доказывания по уголовным делам экономической направленности обусловлено тесной связью гражданского оборота и преступлений в сфере экономики. Диспозиции большинства статей УК РФ о преступлениях в сфере экономической деятельности бланкетные, поэтому установить признаки состава преступления невозможно без обращения к гражданскому, налоговому, банкротному и корпоративному законодательству [1, с. 56]. Многие обстоятельства, значимые для уголовного дела, – действительность сделки, наличие и размер задолженности, правомерность корпоративного решения, размер налоговых обязательств – еще до начала уголовного преследования становятся предметом рассмотрения в гражданском, арбитражном или административном судопроизводстве. В этих условиях институт преюдиции (ст. 90 УПК РФ) приобретает во многом предопределяющее значение для уголовно-правовой оценки тех же фактических обстоятельств.

Преюдиция как правило освобождения от доказывания

Согласно ст. 90 УПК РФ обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки; при этом такие приговор или решение не могут предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле. Обратное правило о преюдициальном значении приговора закреплено в ч. 4 ст. 69 АПК РФ, ч. 4 ст. 61 ГПК РФ и ч. 3 ст. 64 КАС РФ. Это направление преюдициальной связи имеет иной объем и составляет предмет отдельного исследования.

© Савченко М. М., 2026

Аннотация. Преюдициальное значение судебных актов по экономическим спорам для доказывания по уголовным делам экономической направленности сопряжено с нерешенными проблемами, прежде всего с несовпадением стандартов доказывания в арбитражном и уголовном процессе. На материале эволюции ст. 90 УПК РФ, правовых позиций Конституционного Суда РФ и практики по налоговым, банкротным и корпоративным делам определены пределы межотраслевой преюдиции: она распространяется лишь на обстоятельства, входившие в предмет доказывания и установленные по итогам разрешения спора по существу, и не предрешает ни состава преступления, ни виновности. Обосновано, что для квалификации преднамеренного банкротства необходимо решение арбитражного суда о признании должника банкротом. Предложено дифференцировать преюдициальную силу арбитражных решений в зависимости от процедуры их вынесения и закрепить критерии, при совокупности которых обстоятельства, установленные арбитражным судом, признаются без дополнительной проверки.

Ключевые слова: преюдиция, арбитражный суд, экономические споры, экономические преступления, стандарт доказывания, доказывание, налоговые преступления, банкротство

Для цитирования: Савченко М. М. Пределы преюдиции судебных решений по экономическим спорам в уголовном судопроизводстве // Российское правосудие. 2026. № 11. С. 34–43. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.11.34-43.

The Limits of the Preclusive Effect of Judicial Decisions in Economic Disputes in Criminal Proceedings

Maya M. Savchenko, Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russian Federation

Abstract. The preclusive effect of judicial acts rendered in economic disputes for proof in economic criminal cases raises unresolved problems, primarily due to the divergence between the standards of proof in arbitrazh (commercial) and criminal proceedings. Based on the evolution of Article 90 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and case law in tax, bankruptcy and corporate matters, the article defines the limits of inter-branch preclusion: it covers only the circumstances that formed part of the subject of proof and were established when the dispute was resolved on the merits, and it predetermines neither the elements of a crime nor guilt. It is argued that a decision of an arbitrazh court declaring the debtor bankrupt is necessary for qualifying an act as deliberate bankruptcy, whereas the interim manager's report on signs of deliberate bankruptcy has the status of an "other document". It is proposed to differentiate the preclusive effect of arbitrazh court decisions depending on the procedure by which they were rendered and to establish criteria under which circumstances established by an arbitrazh court are accepted without additional verification.

Keywords: preclusion, arbitrazh court, economic disputes, economic crimes, standard of proof, proof, tax crimes, bankruptcy

For citation: Savchenko M. M. The limits of the preclusive effect of judicial decisions in economic disputes in criminal proceedings. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2026;(11):34-43. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.11.34-43.

Для целей исследования принципиально разграничение внутриотраслевой и межотраслевой преюдиции. Первая связывает суд, рассматривающий уголовное дело, выводами другого приговора, вторая распространяет преюдициальную силу на решения, вынесенные в ином виде судопроизводства – гражданском, арбитражном, административном. Межотраслевая преюдиция судебных актов по экономическим спорам представляет наибольшую сложность, поскольку арбитражный и уголовный процессы существенно различаются по предмету доказывания, распределению его бремени и, как будет показано далее, по уровню достаточности доказательств.

Преюдиция не является самостоятельным видом доказательств – это специальное правило освобождения от доказывания конкретных фактических обстоятельств. Такой подход последовательно развивается в доктрине

применительно к соотношению преюдиции с институтом «дела решенного» [2, с. 118]. В литературе подчеркивается и материально-правовое измерение преюдиции: она затрагивает не только процессуальную экономию, но и содержательную уголовно-правовую оценку деяния [3, с. 88]. Одновременно преюдиция рассматривается в системной связи с иными правилами доказывания, прежде всего с презумпциями, от которых она отличается неопровержимым либо ограниченно опровержимым характером установленных фактов [4, с. 84].

Эволюция ст. 90 УПК РФ

Первоначальная редакция ст. 90 УПК РФ 2001 г. распространяла преюдициальное значение исключительно на приговор и прямо не допускала межотраслевого заимствования выводов, установленных в порядке гражданского или арбитражного судопроизводства [5, с. 682]. Положение изменилось с принятием Федерального закона от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ[1], который распространил преюдициальное значение на решения, принятые в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства: с этого момента решения арбитражных судов по экономическим спорам формально приобрели преюдициальную силу для уголовных дел. Новая редакция породила устойчивую дискуссию о соотношении состязательности уголовного процесса с неопровержимостью выводов, сделанных в ином, менее строгом по стандарту доказывания виде судопроизводства [6, с. 71].

Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 191-ФЗ[2] лишил преюдициальной силы приговоры, постановленные в особом порядке судебного разбирательства, в том числе в отношении лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве. Эти изменения не затронули решений по экономическим спорам, но отразили общую тенденцию дифференцировать преюдициальную силу судебных актов в зависимости от процедуры их вынесения. Представляется, что она значима и для решений арбитражных судов, принятых в порядке упрощенного производства или на основании признания иска [7, с. 29].

Исследователи справедливо отмечают, что становление межотраслевой преюдиции в отечественном праве не сопровождалось выработкой достаточных теоретико-правовых предпосылок ее реализации, что впоследствии закономерно потребовало вмешательства Конституционного Суда РФ [8, с. 59].

Пределы преюдиции в позициях Конституционного Суда РФ

Ключевое значение для понимания пределов межотраслевой преюдиции имеет постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П[3]. Поводом к нему послужила ситуация, в которой суд общей юрисдикции удовлетворил иск о признании права собственности, после чего это решение со ссылкой на его преюдициальную силу было использовано для отмены постановления о возбуждении уголовного дела о мошенничестве. Признав положения ст. 90 УПК РФ не противоречащими Конституции РФ, Конституционный

---

[1] Федеральный закон от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 1. Ст. 4.

[2] Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 191-ФЗ «О внесении изменения в статью 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 27. Ст. 3982.

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Д. Власенко и Е. А. Власенко» (далее – постановление № 30-П) // Российская газета. 2012. 11 янв.

Суд указал, что фактические обстоятельства, установленные решением по гражданскому делу, сами по себе не предопределяют выводов о виновности обвиняемого. Обстоятельства, не входившие в предмет доказывания по гражданскому делу (например, фальсификация доказательств), подлежат самостоятельной проверке в уголовном судопроизводстве; преюдиция может быть преодолена путем пересмотра судебного акта по новым или вновь открывшимся обстоятельствам.

В решениях, принятых после постановления № 30-П, Конституционный Суд РФ указывал также и на то, что обстоятельство, установленное судебными актами других судов, не может расцениваться как обязательное для уголовного судопроизводства, если этими актами дело не было разрешено по существу, а выводы промежуточных решений подлежат исследованию и оценке по общим правилам доказывания[4].

Методологически значимо и постановление Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2024 г. № 53-П[5]. В нем сформулирован общий подход: преюдициальное значение может придаваться лишь факту, который по результатам исследования и оценки доказательств признан вступившим в законную силу судебным актом имевшим либо не имевшим места, вывод о недоказанности факта такого значения не порождает. Применительно к экономическим спорам это означает, что отказ арбитражного суда в иске ввиду недоказанности обстоятельств не может трактоваться органами расследования как преюдициально установленный факт отсутствия события или состава экономического преступления. Преюдициальное значение решений по экономическим спорам ограничено пределами предмета доказывания по конкретному делу [9, с. 8].

Разные стандарты доказывания

Одна из главных проблем – различие стандартов доказывания в арбитражном и уголовном процессе. Под стандартом доказывания понимается степень убедительности совокупности доказательств, достаточная для признания факта установленным. Преюдиция переносит в уголовное дело именно вывод о факте, сделанный по правилам иных отраслей права (гражданского, административного). При формальном единстве принципа оценки доказательств по внутреннему убеждению уровень достаточности доказательств, необходимый для установления факта, в уголовном и других видах судопроизводства объективно не совпадает [10, с. 148]. В англо-американской традиции, где это понятие разработано наиболее детально, разграничиваются стандарт «за пределами разумных сомнений» для уголовных дел и стандарт «баланса вероятностей» для гражданских, и это различие объясняется разной социальной ценой судебной ошибки [11, с. 39]. Отечественному праву эта терминология исторически чужда, однако термин «стандарт доказывания» был использован в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 мая 2014 г. № 1446/14[6], а затем развит Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ, выстроившей для дел о банкротстве дифференцированные стандарты доказывания в зависимости от статуса

[4] См., например, определения Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2020 г. № 1958-О, от 30 марта 2023 г. № 489-О. Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

[5] Постановление Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2024 г. № 53-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е. В. Боголюбской» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 48. Ст. 7405.

[6] Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 мая 2014 г. № 1446/14 по делу № А41-36402/2012.

кредитора и информационной асимметрии сторон[7].

Германское право, как и российское, относится к континентальной системе, но решает этот вопрос иначе. Если наказуемость деяния зависит от гражданского правоотношения, уголовный суд оценивает его сам по правилам уголовного процесса, хотя вправе дождаться решения гражданского суда[8]. Приоритет отдается самостоятельной оценке доказательств судом, рассматривающим уголовное дело, даже при наличии вступившего в силу решения по гражданскому или коммерческому спору [12, с. 8]. Этот опыт подкрепляет идею дифференциации, при которой обязательность выводов неуголовного суда зависит от условий их получения.

Досудебная стадия и налоговые преступления

Практическое значение преюдиции судебных актов по экономическим спорам проявляется уже на стадии предварительного расследования. Специфика субъектного состава этих преступлений – руководители и участники хозяйствующих субъектов, индивидуальные предприниматели, лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих организациях [13, с. 207], – предопределяет то, что значительная часть обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (заключение и исполнение сделки, размер задолженности, наличие либо отсутствие недоимки), ранее уже становилась предметом проверки арбитражного суда. Поэтому судебные акты, вынесенные по тем же фактическим обстоятельствам, необходимо оценивать еще до принятия решения о возбуждении уголовного дела [14, с. 85], а преюдиция на этой стадии имеет не только доказательственное, но и организационно-процессуальное значение, поскольку определяет объем и направление дальнейшей проверки [15, с. 87].

Острее всего проблема проявляется по налоговым преступлениям [16, с. 162]. Представители адвокатского сообщества отмечают, что на досудебной стадии решениям не в пользу налогоплательщика придается большее значение, чем решениям, подтверждающим отсутствие недоимки[9]. Эта оценка основана на отдельных делах и не может характеризовать практику в целом, но она обозначает процессуальную проблему. Повторная проверка установленных арбитражным судом обстоятельств без указания причин, по которым судебный акт не учтен, расходится с целями преюдиции – процессуальной экономией и предотвращением противоречивых судебных актов.

Суды при этом исходят из того, что решение арбитражного суда об отсутствии недоимки само по себе не предрешает вопроса о событии налогового преступления: доказательства в совокупности оцениваются в уголовно-процессуальных процедурах самостоятельно[10]. Третий кассационный суд общей юрисдикции также признал несостоятельным довод о том, что арбитражные акты, подтвердившие расчет налоговых обязательств, предопределяют размер ущерба бюджетной системе и выводы по уголовному делу[11].

Следовательно, влияние арбитражного решения на уголовное дело о налоговом пре-

---

7 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 4 июня 2018 г. № 305-ЭС18-413 по делу № А40-163846/2016.

8 Strafprozeßordnung in der Fassung der Bekanntmachung vom 7. April 1987 (BGBl. I S. 1074, 1319), § 262.

9 *Пашкевич Т.* Проблемы применения межотраслевой преюдиции // Адвокатская газета. 2022. 22 нояб. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/problemy-primeneniya-mezhotraslevoy-preyuditsii/ (дата обращения: 14.09.2026).

10 Апелляционное постановление Московского городского суда от 8 июня 2017 г. № 10-9934/2017.

11 Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 28 октября 2025 г. № 77-1955/2025.

ступлении зависит от оснований его принятия. Если арбитражный суд установил отсутствие налоговой обязанности или недоимки по тем же операциям, налоговому периоду и виду налога, это способно исключить фактическую основу обвинения. Если же решение налогового органа отменено исключительно из-за процедурных нарушений, вопрос о наличии налогового преступления сохраняет самостоятельное уголовно-процессуальное значение.

Банкротство и недействительные сделки

Особую группу составляют дела о неправомерных действиях при банкротстве и преднамеренном банкротстве (ст. 195, 196 УК РФ). Практика исходит из того, что применение этих норм не связано с наличием решения арбитражного суда о признании должника банкротом: признаки банкротства рассматриваются как экономические, а не процессуальные и могут быть установлены на любой стадии – до обращения в арбитражный суд или в ходе наблюдения. Так, Первый кассационный суд общей юрисдикции оставил в силе обвинительный приговор по ч. 1 ст. 195 УК РФ за отчуждение имущества должника «при наличии признаков банкротства», не поставив законность осуждения в зависимость от последующего признания должника банкротом[12].

Этот подход, однако, нельзя признать бесспорным. В доктрине уголовного права вопрос о необходимости решения арбитражного суда о банкротстве как преюдициального акта для привлечения к ответственности по ст. 196 УК РФ характеризуется как дискуссионный, а позиция, согласно которой неспособность должника удовлетворить требования кредиторов может быть установлена и помимо такого решения, хотя и воспринимается большинством современных комментаторов как верная, не снимает всех сомнений [17, с. 22; 18, с. 47]. Критики указывают, что отказ от преюдициального значения решения о банкротстве возлагает на следователя и суд общей юрисдикции самостоятельную оценку экономических по своей природе признаков несостоятельности, которая требует специальных знаний и по общему правилу отнесена к компетенции арбитражного суда. Это создает риск расхождения выводов уголовного и арбитражного судопроизводства об одном и том же факте несостоятельности должника.

В отсутствие решения о банкротстве основой для вывода о признаках несостоятельности может служить заключение временного управляющего о наличии признаков преднамеренного банкротства, которое составляется по Временным правилам[13] и направляется в органы расследования. Оно не является ни судебным актом, ни заключением эксперта (ст. 80 УПК РФ): его составляет участник процедуры банкротства, не предупреждаемый об уголовной ответственности. В уголовном деле такое заключение может быть лишь иным документом (ст. 84 УПК РФ), подлежащим оценке наряду с другими доказательствами.

Представляется, что применительно к ст. 196 УК РФ решение арбитражного суда обязательно, так как бланкетная диспозиция этой нормы связывает преступность деяния с неспособностью должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов и (или) уплатить обязательные платежи, а Закон о банкротстве определяет несостоятельность как такую неспособность, признанную арби-

[12] Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14 октября 2021 г. № 77-3903/2021.

[13] Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 52 (ч. II). Ст. 5519.

тражным судом[14]. Поэтому ее наступление должно подтверждаться решением арбитражного суда о признании должника банкротом, обладающим в этой части преюдициальной силой. Заключение временного управляющего и другие материалы дела о банкротстве позволяют проверить сообщение о преступлении, но не заменяют судебного установления несостоятельности. Иначе органы расследования самостоятельно устанавливают факт, отнесенный законом к компетенции арбитражного суда, и становится возможным осуждение за преднамеренное банкротство должника, неплатежеспособность которого не установлена. Для ч. 1 ст. 195 УК РФ, где говорится о деянии «при наличии признаков банкротства», такое решение не требуется.

Решения о недействительности сделок, принятые в делах о банкротстве и в отдельных исковых делах, часто используются для установления умысла по делам о мошенничестве. Однако вывод арбитражного суда о недействительности (ничтожности) сделки сам по себе не тождествен установлению преступного умысла, хотя и может служить одним из доказательств по уголовному делу [19, с. 3].

Избирательность применения преюдиции и риск злоупотреблений

По результатам анализа практики судов первой и вышестоящих инстанций исследователи отмечают, что преюдиция, формально являясь объективным правилом доказывания, применяется непоследовательно [20, с. 265]. Ряд авторов говорит в этой связи о «двойных стандартах» межотраслевой преюдиции, при которых признание обстоятельств, установленных другим судом, фактически остается на усмотрение органа, ведущего производство [21, с. 101]. Причина видится прежде всего в том, что ст. 90 УПК РФ не содержит критериев преюдициальности арбитражного акта и не обязывает мотивировать отказ в его учете.

Суды общей юрисдикции в одних случаях признавали преюдициальное значение решения арбитражного суда, положенного в основу оправдательного приговора[15], в других – выносили оправдательный приговор вопреки невыгодным для обвиняемого арбитражным решениям о признании совершенных им сделок недействительными, иначе оценив те же обстоятельства[16]. Такая асимметрия, в отличие от описанной выше избирательности, закономерна и соответствует презумпции невиновности: обвиняемый вправе ссылаться на благоприятный для него судебный акт по экономическому спору, а виновность во всех случаях доказывается самостоятельно, по правилам уголовного процесса.

Внимания заслуживает риск использования преюдиции в схемах недружественного поглощения. Решение арбитражного суда, полученное на основании сфальсифицированных доказательств или в результате сговора формально противостоящих сторон, может стать инструментом легализации противоправного завладения корпоративным контролем [22, с. 28]. Правоприменительная практика фиксирует типовые способы рейдерского завладения имуществом: внесение недостоверных сведений в ЕГРЮЛ; регистрация права собственности на основании поддельных документов, злоупотребления в сфере банкротства [23, с. 12]. Часто такие схемы реализуются через получение формально законного, но по существу порочного решения арбитражного суда.

Средства преодоления такой преюдиции в законе есть. Обстоятельства корпоративного конфликта могут одновременно исследовать-

[14] Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ст. 2) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

[15] Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 22 марта 2016 г. № 22-488/2016.

[16] Апелляционное определение Ленинградского областного суда от 2 июля 2015 г. № 22-1442/2015.

ся и в арбитражном процессе, например при оспаривании записей в ЕГРЮЛ, внесенных на основании ничтожных документов[17]. Согласованность двух производств здесь обеспечивается точным определением пределов преюдиции.

Выводы

Представляется, что регулирование и практика могли бы развиваться в следующих направлениях.

Во-первых, целесообразно закрепить в ст. 90 УПК РФ дифференцированный подход к решениям арбитражных судов в зависимости от процедуры их вынесения, отграничив решения, принятые по итогам полного состязательного разбирательства, от решений, вынесенных на основании признания иска, в порядке упрощенного производства либо при отсутствии возражений ответчика, – по аналогии с приговорами, постановленными в особом порядке. Во-вторых, для квалификации деяния по ст. 196 УК РФ необходимо решение арбитражного суда о признании должника банкротом, поскольку именно им устанавливается несостоятельность должника. Заключение временного управляющего о признаках преднамеренного банкротства является иным документом, который позволяет проверить сообщение о преступлении, но не подменяет судебного акта. В-третьих, в ст. 90 УПК РФ целесообразно закрепить критерии, при совокупности которых обстоятельства, установленные арбитражным судом, признаются без дополнительной проверки, а именно: тождество фактических обстоятельств (те же операции, период и участники), вхождение их в предмет доказывания, разрешение спора по существу и состязательный характер разбирательства. Отказ учесть такой акт должен мотивироваться указанием на отсутствующий критерий, что делает его проверяемым в порядке ст. 124, 125 УПК РФ. В-четвертых, обоснованным представляется правило, согласно которому судебный акт по экономическому спору, которым в иске отказано ввиду недоказанности обстоятельств, не может расцениваться как устанавливающий преюдициальный факт отсутствия события или состава экономического преступления. Это прямо вытекает из постановления Конституционного Суда РФ № 53-П.

Список источников

1. Савченко М. М. Бланкетные уголовно-правовые нормы и межотраслевые коллизии в сфере экономики // Безопасность бизнеса. 2025. № 4. С. 56–61.
2. Клепицкий И. А. Преюдиция и «дело решенное» в современном уголовном процессе // Закон. 2021. № 12. С. 115–134.
3. Есаков Г. А. Преюдиция в уголовном процессе: материально-правовой взгляд // Закон. 2022. № 1. С. 87–94.
4. Трофимов Д. В. Презумпции и преюдиция как правила доказывания в уголовном процессе // Наука и образование сегодня. 2018. № 12. С. 84–85.
5. Рыбачук Э. В. История становления межотраслевой преюдиции в уголовном судопроизводстве России // Теория и практика современной науки : электрон. журн. 2017. № 5. С. 680–685.
6. Варда В. В., Купцова М. А. Межотраслевая преюдиция в уголовном судопроизводстве: ретроспектива и современность // THEORIA: педагогика, экономика, право. 2022. Т. 3, № 2. С. 68–75.
7. Колесник В. В. Проблемы трансформации особого порядка принятия судебного решения в системе мер оптимизации уголовного

[17] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14 мая 2025 г. № 307-ЭС24-24176 по делу № А56-47370/2023, постановление Арбитражного суда Московского округа от 26 августа 2025 г. № Ф05-6808/2025 по делу № А40-198343/2023.

процесса // Юридическое образование и наука. 2023. № 12. С. 27–30.
8. Воробьёв В. А. Теоретико-правовые предпосылки реализации межотраслевой преюдиции в уголовном процессе // Законность и правопорядок. 2015. № 2. С. 58–62.
9. Каландаришвили Х. А., Иванов В. В., Днепровская М. А. Преюдициальное значение решений в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2. С. 5–15.
10. Халиков А. Н. Иерархия или равенство стандартов доказывания в уголовном процессе и в других отраслях права // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 2. С. 146–151.
11. Будылин С. Л. Внутреннее убеждение или баланс вероятностей? Стандарты доказывания в России и за рубежом // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 4. С. 34–67.
12. Крылова Н. Е., Харламов Д. Д. Пределы действия межотраслевой преюдиции при квалификации преступлений в России и Германии // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2019. № 4. С. 3–14.
13. Шкунов А. Д. Некоторые вопросы дифференциации ответственности за преступления в сфере экономической деятельности по признакам их субъекта // Демидовский юридический журнал. 2024. Т. 14, № 2. С. 200–213.
14. Шагунова В. М. Особенности реализации уголовно-процессуальных норм на стадии предварительного расследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности в Российской Федерации // Вестник. Государство и право. 2022. № 2. С. 80–87.
15. Михайленко Н. В., Мамий А. Х. Роль преюдиции в предварительном следствии // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 86–91.
16. Шарипова А. Р. Преюдиция в механизме конвергенции процессуальных отраслей (на примере производства по уголовным делам о налоговых преступлениях) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 1. С. 161–167.
17. Ляскало А. Н. Уголовно-правовая оценка некоторых объективных признаков криминальных банкротств // Законность. 2012. № 12. С. 18–24.
18. Яни П. С. Криминальное банкротство. Статья первая. Неправомерные действия при банкротстве // Законодательство. 2000. № 2. С. 42–50. Доступ из СПС «Гарант».
19. Долгушина Л. В., Литвинов Р. В., Ступина С. А. Недействительность сделок при мошенничестве: некоторые вопросы теории и судебной практики // Human Progress : электрон. сетевое изд. 2025. Т. 11, вып. 10. С. 25.
20. Стародубова Г. В. Преюдиция в уголовном процессе – объективное правило, субъективно применяемое (анализ практики судов первой и вышестоящих инстанций) // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2021. № 1. С. 257–267.
21. Король В. А. Некоторые проблемы применения преюдиции в сфере уголовного судопроизводства // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2019. № 4. С. 97–102.
22. Бурынин С. С. Институт преюдиции и его использование в рейдерских захватах имущества // Мировой судья. 2019. № 10. С. 27–32.
23. Кочедыкова В. М. Наиболее распространенные способы реализации рейдерских захватов собственности // Российский следователь. 2023. № 8. С. 11–14.

Информация об авторе

М. М. Савченко – доктор юридических наук, профессор кафедры экономической безопасности.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сроки утверждения

Статья поступила в редакцию 16.09.2026.

Одобрена после рецензирования 02.10.2026.

Принята к публикации 02.10.2026.

References

1. Savchenko M. M. Blanket criminal law norms and inter-branch conflicts in the economic sphere. *Business Security*. 2025;(4):56-61. (In Russ.)

2. Klepitskiy I. A. Issue estoppel and res judicata in contemporary criminal procedure. *Statute*. 2021;(12):115-134. (In Russ.)

3. Esakov G. A. Res judicata in criminal procedure taken from substantive criminal law viewpoint. *Statute.* 2022;(1):87-94. (In Russ.)

4. Trofimov D. V. Presumptions and preclusion as rules of proof in criminal procedure. *Science and Education Today*. 2018;(12):84-85. (In Russ.)

5. Rybachuk E. V. The history of the formation of inter prejudice in criminal proceedings of Russia. *Teoriya i praktika sovremennoj nauki = Theory and Practice of Modern Science*. E-journal. 2017;(5):680-685. (In Russ.)

6. Varda V. V., Kuptsova M. A. Intersectoral prejudice in criminal proceedings: retrospective and modernity. *THEORIA: Pedagogy, Economics, Law.* 2022;3(2):68-75. (In Russ.)

7. Kolesnik V. V. Problems of the transformation of the special court ruling adoption procedure in the system of criminal procedure optimization means. *Juridical Education and Science*. 2023;(12):27-30. (In Russ.)

8. Vorobiyov V. A. Theoretical and legal prerequisites for implementation of inter-branch prejudice in criminal procedure. *Zakonnost' i pravoporyadok = Legality and Law and Order*. 2015;(2):58-62. (In Russ.)

9. Kalandarishvili Kh. A., Ivanov V. V., Dneprovskaya M. A. The prejudicial significance of decisions in Russian judicial proceedings. *Vestnik IKBFU. Humanities and Social Sciences.* 2021;(2):5-15. (In Russ.)

10. Khalikov A. N. Hierarchy or equality of standards of proof in criminal proceedings and other branches of law. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*. 2022;(2):146-151. (In Russ.)

11. Budylin S. L. Inner conviction or balance of probabilities? Standards of proof in Russia and abroad. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federatsii = Herald of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation*. 2014;(4):34-67. (In Russ.)

12. Krylova N. E., Kharlamov D. D. The limits of inter-branch preclusion in the qualification of crimes in Russia and Germany. *Moscow University Bulletin. Series 11. Law.* 2019;(4):3-14. (In Russ.)

13. Shkunov A. D. Some issues of differentiation of responsibility for criminals in the sphere of economic activity, taking into account their subjects. *Demidov Law Journal.* 2024;14(2):200-213. (In Russ.)

14. Shagunova V. M. Features of the implementation of criminal procedure rules at the stage of preliminary investigation in cases of crimes in the sphere of economic activity in the Russian Federation. *Vestnik. State and Law*. 2022;(2):80-87. (In Russ.)

15. Mikhaylenko N. V., Mamiy A. Kh. The role of prejudice in the preliminary investigation. *Criminological Journal*. 2025;(4):86-91. (In Russ.)

16. Sharipova A. R. Prejudice in the mechanism of convergence of procedural branches (on the example of criminal proceedings on tax crimes). *Saratov State Law Academy Bulletin.* 2021;(1):161-167. (In Russ.)

17. Lyaskalo A. N. Criminal law evaluation of certain objective features of criminal bankruptcies // *Zakonnost' = Legality*. 2012;(12):18-24. (In Russ.)

18. Yani P. S. Criminal bankruptcy. Article one. Unlawful actions in bankruptcy. *Zakonodatel'stvo = Legislation*. 2000;(2):42-50. (In Russ.) Access from the RLS «Garant».

19. Dolgushina L. V., Litvinov R. V., Stupina S. A. Invalidity of transactions in case of fraud: some issues of theory and judicial practice. *Human Progress*. E-edition. 2025;11(10):25. (In Russ.)

20. Starodubova G. V. Prejudice in criminal process is an objective rule that is applied subjectively (analysis of the practice of courts of first and higher instances). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2021;(1):257-267. (In Russ.)

21. Korol V. A. Some problems of the application of prejudice in the field of criminal proceedings. *Vestnik of Saint Petersburg Juridical Academy*. 2019;(4):97-102. (In Russ.)

22. Burynin S. S. The institution of prejudice and its use in illegal takeovers of property. *Magistrate Judge*. 2019;(10):27-32. (In Russ.)

23. Kochedykova V. M. The most common ways of hostile takeover of property. *Rossiyskij sledovatel' = Russian Investigator*. 2023;(8):11-14. (In Russ.)

Information about the author

M. M. Savchenko – Doctor of Science (Law), Professor at the Economic Security Department.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Approval deadlines

The article was submitted 16.09.2026.

Approved after reviewing 02.10.2026.

Accepted for publication 02.10.2026.

DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.11.44-49

Автор статьи

Ольга Николаевна Тисен

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация

olga-tisen@yandex.ru

Научная статья

Российское правосудие. 2026. № 11. С. 44–49

Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 11. P. 44–49

УДК 347.97/.99:004.8

Мифы о внедрении технологий искусственного интеллекта в судопроизводство

Вопросы, поступившие в редакцию от судов:

1. *Не приведет ли внедрение технологий искусственного интеллекта к тому, что ИИ со временем заменит судью и сам будет принимать решения по делам?*
2. *Если судьи станут пользоваться разными нейросетями, каждая из которых работает по собственной политике разработчика, не нарушит ли это единообразие судебной практики?*
3. *Как исключить риск того, что из-за «галлюцинаций» ИИ судья при вынесении решения сошлется на несуществующие нормы или судебные акты?*
4. *Кто будет нести ответственность за ошибку, допущенную с использованием ИИ, – или за нее не будет отвечать никто?*
5. *Не сведется ли внедрение ИИ в российское судопроизводство к копированию зарубежных решений без учета отечественной специфики?*
6. *Не перечеркнет ли применение ИИ при назначении наказания принцип его индивидуализации – не станут ли всех «стричь под одну гребенку»?*

© Тисен О. Н., 2026

Аннотация. Рассматриваются распространенные мифы о внедрении технологий искусственного интеллекта в судопроизводство в свете Концепции, утвержденной приказом Председателя Верховного Суда РФ от 3 сентября 2026 г. № 59-П. Раскрываются цели, принципы и этапы применения ИИ на всем жизненном цикле судебного дела. Показано, что Концепция закрепляет вспомогательный характер ИИ и сохраняет окончательное решение за судьей, предусматривает единое платформенное решение в закрытом контуре, требует использования данных из официальных источников и верификации результатов работы ИИ-систем, возлагает ответственность на человека, применяющего технологию, и учитывает опыт более 80 государств с поправкой на отечественную специфику. Обосновывается, что применение ИИ при назначении наказания не противоречит его индивидуализации, а освобождение судей от рутинных задач позволит уделять больше внимания обстоятельствам конкретного дела и повысит доступность правосудия.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровизация правосудия, Концепция внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство, вспомогательный характер искусственного интеллекта, единое платформенное решение, верификация результатов, ответственность, индивидуализация наказания

Для цитирования: Тисен О. Н. Мифы о внедрении технологий искусственного интеллекта в судопроизводство // Российское правосудие. 2026. № 11. С. 44–49. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.11.44-49.

Myths About the Introduction of Artificial Intelligence Technologies into Judicial Proceedings

Olga N. Tisen, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article examines common myths about introducing artificial intelligence into judicial proceedings in light of the Concept approved by Order No. 59-P of the Chairman of the Supreme Court of Russia of 3 September 2026. The goals, principles and stages of AI use throughout the life cycle of a court case are outlined. The Concept is shown to establish the auxiliary role of AI, leaving the final decision to the judge; to provide for a single closed-circuit platform; to require official data sources and verification of AI output; to place responsibility on the person using the technology; and to draw on the experience of over 80 countries adapted to national specifics. It is argued that AI-assisted sentencing does not contradict the individualisation of punishment, and that relieving judges of routine tasks will let them focus on the case at hand and improve access to justice.

Keywords: artificial intelligence, digitalisation of justice, Concept for the Introduction of Artificial Intelligence Technologies into Judicial Proceedings, auxiliary nature of artificial intelligence, single platform solution, verification of results, responsibility, individualisation of punishment

For citation: Tisen O. N. Myths about the introduction of artificial intelligence technologies into judicial proceedings. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(11):44-49. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.11.44-49.

Как отметил Председатель Верховного Суда РФ И. В. Краснов, «искусственный интеллект никогда не заменит судью. Принимать решения должен только человек»[1], и это, пожалуй, ключевое послание относительно опасений использования ИИ в судопроизводстве. Тема использования ИИ[2] в правосудии является одной из самых популярных в последние годы как среди ученых, так и в профессиональном сообществе. Можно встретить суждения, опасения и откровенные ложные утверждения. Жаркие дискуссии о цифровизации судопроизводства, в первую очередь, вызваны сакральным отноше-

[1] «Судья должен обладать способностью не соглашаться с искусственным интеллектом»: Игорь Краснов об опыте Китая, преимуществах России и роли ИИ в судопроизводстве. 25.10.2026. URL: https://www.kommersant.ru/doc/9060119.

[2] Согласно п. 1 ст. 3 Федерального закона от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая способность самостоятельно совершенствовать свои функции, повышать точность решений за счет анализа новых данных и выполнять поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их.

нием народа к тематике правосудия. Издавна именно суд принимал судьбоносные решения, которые играли решающую роль в жизни людей, касались вопросов жизни и смерти, предопределяли дальнейшую судьбу. До сих пор в российском судопроизводстве сохранились традиции, которые отсылают к сакральным ритуалам: судейская мантия, церемониальность процесса, напрямую закрепленная в УПК РФ, ГПК РФ и АПК РФ; его символичность – отождествление с Фемидой – богиней правосудия с завязанными глазами, с весами в руках, символизирующими справедливость в принятии решений. Само обращение к судье – «Ваша честь!» – отражает связь правосудия в понимании народа с высшими идеалами и придание ему особого духовного смысла.

Многие воспринимают цифровизацию правосудия как посягательство на справедливость, попытку лишишь суд души и совести. Однако во многом эти предубеждения обусловлены мифами о внедрении технологий ИИ в судопроизводство и противоречат реальной действительности.

Приказом Председателя ВС РФ И. В. Краснова от 3 сентября 2026 г. № 59-П утверждена Концепция внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство Российской Федерации[3] (далее – Концепция).

В документе кратко и емко отражены цели, принципы, этапы и задачи внедрения ИИ в судопроизводство. Важно, что разработчики Концепции не «закрывают глаза» на вероятные проблемы, не скрывают их, а открыто смотрят в лицо возможным угрозам, опубликовав матрицу рисков из 12 пунктов, которые могут возникнуть при внедрении технологий ИИ в судопроизводство в качестве приложения к документу.

Согласно п. 4 Концепции, целью внедрения технологий ИИ в судопроизводство является повышение потенциала судебной системы и эффективности работы судов с применением современных технологий на основе лучших мировых практик с учетом отечественной специфики и при безусловном сохранении ключевой роли судьи в принятии решений.

Среди ключевых принципов внедрения и использования ИИ в судопроизводстве закреплены: защита прав и свобод человека, вспомогательный характер ИИ, законность, прозрачность, объяснимость и контролируемость использования ИИ, качество и достоверность, публичный порядок и этика, конфиденциальность и защита персональных данных, технологическая независимость.

Красной нитью в Концепции проходит указание на то, что ИИ является инструментом помощи судье, а не его заменой. В Концепции четко прописано, что окончательное решение всегда остается за человеком. При этом, согласно Концепции, применяемые в судопроизводстве алгоритмы должны быть понятны, проверяемы и при необходимости аудируемы, а каждое взаимодействие ИИ-системой должно фиксироваться. При этом при построении ИИ-систем используются исходные данные из официальных источников опубликования, принимаются все меры по исключению возможных ошибок, результаты работы ИИ-систем должны быть верифицированными и качественными, а применение ИИ не должно противоречить общественным интересам и этическим нормам.

Важно, что внедрение и использование ИИ согласно Концепции предполагает сквозное применение технологических решений на всем жизненном цикле судебного дела – от подачи документов до исполнения судебного акта и проверки вышестоящими инстанциями.

В частности, ИИ будет внедряться на следующих этапах:

1) подача и первичная обработка документов, поданных гражданином;

[3] Концепция внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство Российской Федерации. URL: https://www.vsrf.ru/about/info/documents_regulations/37649.

2) интеллектуальный анализ и классификация дел по подсудности и категориям;

3) интеллектуальная поддержка судебного заседания (автоматическое протоколирование, создание протокола судебного заседания, автоматический перевод с иностранных языков, предоставление судье актуальных норм права и судебной практики по рассматриваемым вопросам, выделение ключевых аспектов дела и его пересказ);

4) помощь судье при работе с делом (анализ материалов, пересказ содержания показаний и доказательств, выявление противоречий и пробелов, системный анализ позиций сторон, ответы на вопросы по материалам дела с указанием страниц в томе);

5) интеллектуальный поиск по материалам судебной практики;

6) предупреждение об отклонении проекта решения от складывающейся практики;

7) интеллектуальная помощь при назначении наказания;

8) интеллектуальная генерация проектов судебных актов;

9) автоматизация сбора и анализа статистических данных.

Миф 1. Искусственный интеллект заменит судью

Это самый распространенный миф о внедрении технологий ИИ в правосудие. Однако в подп. 2 п. 5 Концепции прямо закреплен вспомогательный характер ИИ, указано, что он является инструментом помощи судье, а не его заменой; окончательное решение всегда остается за человеком.

Председатель ВС РФ И. В. Краснов не раз отмечал, что ИИ должен экономить время судьи, а не заменять судебное усмотрение[4].

Прежде всего, использование технологий ИИ обусловлено необходимостью повышения эффективности судопроизводства и сокращения сроков рассмотрения дел посредством освобождения судей от решения рутинных задач. В 2025 г. российские суды рассмотрели свыше 34 млн дел[5]. В докладе на итоговом совещании за 2025 г. Председатель Верховного Суда Российской Федерации И. В. Краснов отметил, что такой масштаб подтверждает, что судебная власть остается ключевым звеном обеспечения правовой стабильности, защиты гарантированных государством прав, свобод, частных и публичных законных интересов[6]. Тем не менее нагрузка на судей в настоящее время в прямом смысле несопоставима с человеческими возможностями. Так, средняя нагрузка на одного мирового судью в г. Москве составляет 761 дело в месяц[7], т. е. судья рассматривает более 35 дел в день. Искусственный интеллект используется в приказном производстве мировой юстиции Москвы еще с 2019 г.[8] Именно технологические решения во многом позволяют справиться мировой юстиции столицы с колоссальной нагрузкой.

Технологии ИИ будут использоваться в судопроизводстве для решения рутинных задач, на которые работники судебной системы тратят много часов в день. Освободившееся

---

4 URL: https://www.kommersant.ru/doc/9060119?nav_id=chapter2.

5 URL: https://cdep.ru/?id=79.

6 Доклад Председателя Верховного Суда на итоговом совещании за 2025 год. 19.02.2026. URL: https://www.vsrf.ru/files/35517/?ysclid=mvzb9hrkkf362116568.

7 Верховный суд создаст единую цифровую среду правосудия. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2026/05/21/1198792-verhovnii-sud-sozdast-edinuyu-tsifrovuyu-sredu-pravosudiya?ysclid=mvzbgqsmol107314278.

8 Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”».

время судьи смогут использовать для более детального анализа обстоятельств дела, погружения в ситуацию простого человека, личная беда которого стала предметом судебного разбирательства.

Миф 2. Нейросети имеют разную политику разработчика, судебная практика будет не единообразной

В Концепции закреплено, что технология ИИ внедряется в судопроизводство посредством использования единого платформенного решения в закрытом контуре. То есть судьи не будут использовать открытые нейросети, находящиеся в свободном доступе, а смогут пользоваться ИИ, встроенным в защищенный внутренний контур единого платформенного решения для судебной системы. Одним из 8 принципов внедрения ИИ в судопроизводство, закрепленных в п. 5 Концепции, является технологическая независимость, которая заключается в преимущественном использовании отечественных технологий и решений.

Миф 3. Поскольку ИИ может «галлюцинировать», судьи станут основывать решения на несуществующих нормах

Одним из важнейших принципов внедрения технологий ИИ в судопроизводство, напрямую закрепленных в п. 5 Концепции, является качество и достоверность. При построении ИИ-систем используются исходные данные из официальных источников опубликования. При этом разработчиками принимаются все необходимые меры по исключению возможных ошибок, а результаты работы ИИ-систем должны быть верифицируемы и качественны.

В матрице рисков, являющейся приложением к Концепции, этот риск признается и оценивается как высокий. В качестве мер по минимизации риска предусмотрены обязательная RAG-архитектура со ссылками на источник, верификация результата судьей, запрет на использование в судебной системе публичных ИИ-сервисов и стресс-тестирование моделей.

Миф 4. За ошибку ИИ никто не несет ответственность

В отличие от других стран, в России избрана концепция презумпции ответственности за решения, принимаемые при ассистировании ИИ, человеком, который использует эту технологию. В Концепции прямо указано: участники процесса должны декларировать использование ИИ при подаче документов, а результаты его работы подлежат верификации. Так, определением Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14 мая 2026 г. по делу № А27-7831/2025 общество с ограниченной ответственностью получило судебный штраф в размере 50 тыс. руб. за включение в текст жалобы ссылки на несуществующие судебные дела, информация о которых была сгенерирована ИИ. В Концепции предусмотрено введение запрета на выбор предлагаемого варианта решения по умолчанию, а ответственность за принимаемые решения несет человек, так же как и раньше.

Миф 5. Мы просто скопируем то, что есть у других

В п. 4 Концепции закреплено, что технологии ИИ в судопроизводство внедряются на основе лучших мировых практик, но с учетом отечественной специфики. При разработке Концепции был изучен аналогичный опыт свыше 80 стран мира, проанализированы просчеты иностранных коллег, выявлены лучшие практики и технологические решения.

Российский народ обладает особенной самобытностью, широкой душой и чутким сердцем. А потому слепое копирование иностранных решений, чуждых национальному

мировоззрению и интересам, неприемлемо в вопросах правосудия, носящего особый сакральный смысл для наших граждан. Именно поэтому, в отличие от, например, казахстанских и китайских коллег, российское правосудие не спешит переходить на повсеместное рассмотрение с использованием ВКС уголовных дел, допуская такую возможность лишь в исключительных случаях.

Миф 6. Использование ИИ перечеркивает идею индивидуализации наказания, поскольку суд будет использовать одни и те же правила

Прежде всего, технологии ИИ будут использоваться для математического подсчета размера санкций в установленных законом пределах: $^{2}/_{3}$, $^{1}/_{2}$ и т. д. Ведь в большинстве случаев причиной изменения приговоров становятся «наказательные» ошибки. Внедрение технологий ИИ будет способствовать повышению справедливости при назначении наказания, поскольку технологические решения за считанные секунды позволяют получить краткий анализ доказательств, выделить противоречия в доказательственной базе и подготовить справку о позиции сторон. У судьи остается время на погружение в ситуацию конкретного человека, изучение каждого доказательства в отдельности. В итоге внедрение ИИ в судопроизводство будет способствовать повышению уровня защиты прав граждан и доступа к правосудию. Так, уже на этапе подачи заявления в суд граждане могут воспользоваться интеллектуальным помощником, который сгенерирует заявление, автоматически определит вид спора и подсудность, установит наличие или отсутствие минимального набора документов, что снизит число фактов оставления дела без движения, возвратов заявлений и поможет простым гражданам обращаться в суд без расходов на юристов. Интеллектуальная система предложит для ознакомления информацию о вероятном исходе дела на основе анализа судебной практики, что будет способствовать решению проблемы псевдоюристов, обманывающих граждан. Для реализации Концепции в ВС РФ создан Центр судебных компетенций в сфере ИИ. К работе Центра привлекаются в том числе сотрудники РГУП им. В. М. Лебедева. Повышение цифровых компетенций судей и государственных служащих судов осуществляется на базе РГУП с привлечением Центра судебных компетенций.

Информация об авторе

О. Н. Тисен – доктор юридических наук, ректор Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сроки утверждения

Статья поступила в редакцию 01.11.2026.

Одобрена после рецензирования 05.11.2026.

Принята к публикации 05.11.2026.

Information about the author

O. N. Tisen – Doctor of Science (Law), Rector of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Approval deadlines

The article was submitted 01.11.2026.

Approved after reviewing 05.11.2026.

Accepted for publication 05.11.2026.

DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.11.50-59

Автор статьи

Станислав Владимирович Щепалов

Верховный Суд Республики Карелия, Петрозаводск, Российская Федерация

Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация

schepalov@mail.ru, https://orcid.org/0009-0004-8835-247X

Научная статья

Российское правосудие. 2026. № 11. С. 50–59

Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 11. P. 50–59

УДК 342.9

Административно-деликтное судопроизводство в Российской Федерации: проблемы и перспективы унификации

Множественность порядков судебного реагирования на административные деликты

С 2019 г. идет третья кодификация законодательства об административных правонарушениях[1]. За время действия КоАП РФ судебная компетенция по таким делам постоянно расширялась: уже на следующий год после вступления Кодекса в силу число дел выросло на 70% и превысило 3 млн, а в 2025 г. достигло почти 6 млн. В ч. 1 ст. 23.1 КоАП РФ изменения вносились более чем 150 законами, сам Кодекс пережил свыше тысячи редакций. При этом не все категории дел, пополнившие компетенцию судов, являются делами именно об административных правонарушениях, а урегулированный Кодексом судебный порядок вышел за пределы понятия «производство по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции» (далее – Производство). Он требует нового наименования.

Завершить третью кодификацию планировалось к 2021 г.[2], но работа растянулась. Одна из причин – неясность соотношения Производства с иными формами административной юрисдикции и с административным процессом в целом: само понятие «административный процесс», вошедшее в научную терминологию с 1908 г. [1. с.11], до сих пор толкуется неединообразно. Функция судебного рассмотрения дел об административных правонарушениях также понимается противоречиво: ее связывают и с обеспечением судебной защиты, и с борьбой с правонарушаемостью. Без решения этой проблемы судебное рассмотрение

[1] Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. URL: http://government.ru/news/36971 (дата обращения: 10.05.2024).

[2] *Самтынова Е.* Разработан проект Процессуального КоАП РФ. URL: https://www.garant.ru/news/1325207/.

© Щепалов С. В., 2026

Аннотация. Суды рассматривают в порядке КоАП РФ и гл. 25 АПК РФ не только дела об административных правонарушениях. Выделены три категории связанных с административными деликтами дел: об административных правонарушениях; о разрешении отдельных вопросов по делам, находящимся в производстве несудебных органов; о мерах реагирования на административные деликты в отсутствие производства по делу. На практике суда общей юрисдикции, арбитражных судов и позициях Верховного Суда РФ показано, что для второй и третьей категорий нет собственного порядка: суды применяют то КоАП РФ, то КАС РФ, то гл. 24 АПК РФ. Для обсуждения в ходе третьей кодификации предложена концепция административно-деликтного судопроизводства как единого порядка рассмотрения таких дел.

Ключевые слова: административная ответственность, правосудие, административное правонарушение, презумпция невиновности, административный процесс, административная юрисдикция

Благодарности: автор выражает благодарность профессорам Ю. П. Соловью, А. И. Стахову и П. И. Кононову за поддержку и ценные наставления при осмыслении судебного административного процесса.

Для цитирования: Щепалов С. В. Административно-деликтное судопроизводство в Российской Федерации: проблемы и перспективы унификации // Российское правосудие. 2026. № 11. С. 50–59. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.11.50-59.

Administrative-Tort Proceedings in the Russian Federation: Problems and Prospects for Unification

Stanislav V. Schepalov, Supreme Court of the Republic of Karelia, Petrozavodsk, Russian Federation; Siberian Law University, Omsk, Russian Federation

Abstract. Under the Code of Administrative Offences and Chapter 25 of the Arbitration Procedure Code, courts hear more than administrative offence cases. Three categories of cases related to administrative torts are identified: administrative offence cases; cases on particular issues in cases pending before non-judicial bodies; and cases on measures responding to administrative torts where no offence proceedings exist. Case law of general jurisdiction courts, arbitration courts and the Supreme Court shows that the second and third categories have no procedure of their own: courts apply the Code of Administrative Offences, the Code of Administrative Procedure or Chapter 24 of the Arbitration Procedure Code. The concept of administrative-tort proceedings as a single procedure for such cases is proposed for discussion in the third codification.

Keywords: administrative responsibility, justice, presumption of innocence, administrative offence, administrative process, administrative jurisdiction

Acknowledgements: the author expresses his gratitude to Professors Yu. P. Solovyov, A. I. Stakhov and P. I. Kononov for their support and valuable guidance in understanding the judicial administrative process.

For citation: Schepalov S. V. Administrative-tort proceedings in the Russian Federation: problems and prospects for unification. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(11):50-59. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.11.50-59.

административно-деликтных дел – и общими, и арбитражными судами – остается без специализированного порядка и вынуждено опираться на модели, предназначенные для иных целей: рассмотрения административных и экономических споров [2] либо несудебного административного преследования [3, с. 264]. Возможно, изучаемое явление считается недостаточно значительным, чтобы иметь собственное место в административном процессе. Доктрина же нередко исходит из того, что оно должно быть частью уже осмысленного процессуального феномена, а не нового, контуры которого еще предстоит очертить.

Процессуальную часть КоАП РФ в последние годы совершенствуют точечно, вслед за актуальными направлениями государственного контроля и надзора. Нормы Кодекса приходится корректировать год от года, и судебная практика, пытаясь успеть за изменениями, не может стабилизироваться.

Процессуальная часть КоАП РФ ориентирована на несудебную юрисдикцию, тогда как Конституция РФ обязывает суд и по делам об административных правонарушениях обеспе-

чить справедливое и беспристрастное разрешение дела в условиях состязательности сторон[3]. Однако процессуальная часть КоАП РФ построена на обвинительной модели и таких условий не создает, поэтому вносимые новеллы оказываются лишь частичной подгонкой процессуального порядка под потребности судопроизводства.

Конституционный Суд РФ признал возможным обжалование выраженного в ненадлежащей форме отказа в возбуждении дела как в порядке КоАП РФ, так и по правилам КАС РФ[4]. Для восполнения пробелов по аналогии применяются нормы ГПК РФ[5], хотя институты разных процессуальных отраслей аналогичными назвать трудно. Статья 25.5 КоАП РФ дает защитнику право обжаловать меры обеспечения, но порядка такого обжалования Кодекс не содержит[6]. Если лицо не согласно с отказом возбудить дело, с доказательствами или с мерами обеспечения, Верховный Суд РФ разъясняет судам в одних процессуальных ситуациях руководствоваться КоАП РФ, в других – КАС РФ[7]. Наконец, рассмотрение дел об административных правонарушениях в двух автономных порядках – по КоАП РФ и по АПК РФ – тормозит осмысление и развитие обоих. Имея единое предназначение, они разделены границами двух кодексов, лишены единства и выглядят периферийными институтами самостоятельных процессуальных явлений.

Производство само по себе не имеет потенциала стать самостоятельной системной единицей административного процесса и поэтому не находит места в ряду видов судопроизводства, предусмотренных ст. 118 Конституции РФ. Оно действительно является структурной единицей более крупного процессуального явления, но это не правосудие по административным спорам. Разрешить этот узел проблем в пределах сложившегося понятийного аппарата административно-процессуальной науки вряд ли возможно. Поэтому автор в ряде монографий и статей предложил переосмыслить судебные порядки применения мер правового реагирования на административные деликты и пересмотреть взгляды на перечень видов судопроизводства; в статье тезисно изложены выводы из этой работы.

Три категории административно-деликтных дел

Со времени появления в РСФСР судебных порядков применения «мер административного воздействия»[8] Производство – часть более крупного явления, охватывающего судебные формы применения административно-де-

[3] Определение Конституционного Суда РФ от 6 июля 2010 г. № 1086-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ющенко Александра Валерьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 8 части 2 статьи 30.6 КоАП Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 30 марта 2021 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 28.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и части 3 статьи 201 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О. С. Яковенко» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 15 (ч. IV). Ст. 2658.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (абз. 4 п. 8) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 6.

[6] Исключение – казуистичные нормы ч. 17, 18 ст. 27.19.1 КоАП РФ, распространяющиеся лишь на одну меру обеспечения по делам о нарушении миграционного законодательства.

[7] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» (п. 8) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2022. № 9.

[8] Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 декабря1956 г. «Об ответственности за мелкое хулиганство» // Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. М., 1959. Т. 5. Ст. 103.

ликтного права. Автор предложил называть его административно-деликтным судопроизводством (далее – АДС) [4]. Оно является и истоком, и закономерным результатом эволюции участия суда в правоприменительной деятельности, связанной с административными деликтами. Сегодня АДС представлено двумя процессуальными формами правосудия – по КоАП РФ и по гл. 25 АПК РФ. Такую систематизацию законодательства вряд ли можно признать корректной: обе формы относятся к одному виду административного процесса – судебному [5, с. 4], и к одному подвиду – судебному административно-деликтному процессу. Предмет АДС давно вышел за пределы дел именно об административных правонарушениях, что особенно заметно в последние три года[9].

В рамках КоАП РФ и гл. 25 АПК РФ, а также за их пределами суды рассматривают три категории дел: а) об административных правонарушениях; б) о разрешении отдельных вопросов по делам об административных правонарушениях, находящимся в производстве несудебных органов; в) о принятии мер реагирования на административные деликты вне производства по делу об административном правонарушении (далее – производство по делу).

Вопросы по делам, находящимся в производстве несудебных органов

Ко второй категории относятся, во-первых, дела о продлении сроков содержания иностранных граждан и лиц без гражданства в специальных учреждениях: продление 48-часового срока помещения в спецучреждение, необходимого для рассмотрения дела, влекущего выдворение (ч. 3.1–3.13 ст. 27.19 КоАП РФ), и продление 90-дневного срока содержания лица, уже подлежащего принудительному выдворению (ст. 27.19.1 КоАП РФ).

Во-вторых, это разрешение вопросов исполнения назначенных несудебными органами наказаний (гл. 31–32 КоАП РФ). Например, обращение постановления об административном выдворении к немедленному исполнению (ч. 2, 3 ст. 32.9 КоАП РФ). Суд здесь проверяет лишь наличие у лица документов, удостоверяющих личность, и средств на проездные документы, но не доказанность состава и правильность наказания.

В-третьих, это пересмотр определений административных органов, вынесенных по ст. 31.8 КоАП РФ по вопросам исполнения их же постановлений, в том числе о восстановлении сроков, предусмотренных ч. 1.3–1.3-3 ст. 32.2 КоАП РФ. Суд проверяет только правильность корректировки порядка исполнения; на привлечение к ответственности такие производства не влияют.

В-четвертых, это обжалование мер обеспечения по гл. 27 КоАП РФ. Часть 5 ст. 25.5 КоАП РФ дает защитнику и представителю право обжаловать их применение, но Кодекс содержит порядок судебной проверки лишь содержания нелегального мигранта в спецучреждении (ч. 17, 18 ст. 27.19.1). Этот вполне уместный для предмета регулирования КоАП РФ институт находится в начале своего развития. На практике нередко оспариваются и иные меры, чаще всего – задержание транспортного средства[10]. Из-за отсутствия порядка в КоАП РФ такие жалобы рассматриваются по КАС РФ с учетом руководящего разъяснения[11].

---

[9] Федеральный закон от 25 декабря 2023 г. № 649-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 1 (ч. I). Ст. 30.

[10] См. решения Верховного Суда Республики Карелия от 13 марта 2019 г. № 21-73/2019, от 17 марта 2021 г. № 12-41/2021; решение судьи Верховного Суда Республики Карелия от 9 июня 2021 г. № 12-132/2021. URL: https://sudact.ru/.

[11] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 г. № 28 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел и дел об административных правонарушениях, связанных

Вместе с тем по общему смыслу разъяснений Верховного Суда РФ[12] законность мер обеспечения по возможности проверяется в рамках КоАП РФ, а оспаривание по КАС РФ допускается как исключение, когда проверка в основном процессуальном порядке невозможна.

В-пятых, это обжалование представлений об устранении причин и условий, способствовавших совершению правонарушения (ст. 29.13 КоАП РФ). Представление – самостоятельная форма реагирования на деликт, иногда относимая к мерам административного принуждения [6]. В арбитражном процессе представление можно оспорить отдельно по гл. 24 АПК РФ[13]; в практике судов общей юрисдикции такие суждения тоже высказывались[14]. Однако Верховный Суд РФ исходит из того, что ст. 29.13 и гл. 30 КоАП РФ не предусматривают отдельного обжалования представления, неразрывно связанного с конкретным делом[15]: оно обжалуется вместе с постановлением в порядке гл. 30 КоАП РФ[16]. Поэтому обжалование представления остается в рамках Производства и возможно лишь одновременно с обжалованием постановления – даже если с самим постановлением лицо согласно. Арбитражные суды тоже разрешают такие вопросы. По § 2 гл. 25 АПК РФ и гл. 31–32 КоАП РФ оспариваются определения административных органов по вопросам исполнения назначенных ими наказаний[17]. Меры обеспечения по делу, еще находящемуся в производстве несудебного органа, тоже могут оспариваться отдельно. Глава 25 АПК РФ, как и гл. 29 КоАП РФ, порядка их оспаривания не содержит, поэтому арбитражные суды с учетом руководящего разъяснения рассматривают по гл. 24 АПК РФ заявления об оспаривании изъятия вещей и документов, ареста товаров, транспортных средств (ст. 27.10, 27.14 КоАП РФ). Если дело передано в арбитражный суд или орган уже вынес постановление, такие заявления объединяются с делом об административном правонарушении. Если орган дело еще рассматривает, суд проверяет только обеспечительную меру, параллельно и без приостановления производства по делу (п. 3.1 постановления Пленума ВАС РФ № 10). Критерии проверки – разумность и соразмерность, необходимость меры для пресечения правонарушения, соответствие ее целям[18]; сами дела именуются делами о признании незаконными действий по изъятию имущества[19], аресту товаров[20] и т. п. Представления по ст. 29.13 КоАП РФ арбитражные суды обычно пересматривают

с применением законодательства о публичных мероприятиях» (п. 40) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 8.

12 См., например: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 7 апреля 2021 г. (п. 52) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2021. № 7.

13 См.: Постановление Пленума ВАС РФ от 2 июня 2004 г. № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» (с изм. и доп.) (далее – постановление Пленума ВАС РФ № 10) (п. 20.1) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 1.

14 См. апелляционное определение Московского городского суда от 16 февраля 2018 г. по делу № 33а-1019/2018. URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases?ysclid=muzjzejmc697724093.

15 См. постановление Верховного Суда РФ от 12 ноября 2021 г. № 5-АД21-90-К2. Доступ из СПС «Гарант».

16 См. постановление Верховного Суда РФ от 14 февраля 2023 г. № 64-АД22-4-К9. Доступ из СПС «Гарант».

17 См., например, решение Арбитражного суда Тюменской области от 5 февраля 2020 г. по делу № А70-22499/2020. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/YZ2QqEkGXCUh/.

18 См.: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 31 мая 2011 г. № 145 (п. 9) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. № 8.

19 См. определение ВАС РФ от 17 марта 2008 г. № 1903/08. Доступ из СПС «Гарант».

20 См. постановления Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13 февраля 2008 г. по делу № А32-17396/2007-59/276, Десятого арбитражного апелляционного суда от 18 декабря 2012 г. по делу № А41-1310/12. URL: https://ras.arbitr.ru/.

Представления по ст. 29.13 КоАП РФ арбитражные суды пересматривают вместе с постановлением по гл. 25 АПК РФ

вместе с постановлением по гл. 25 АПК РФ, но возможен и отдельный пересмотр по гл. 24 АПК РФ – благодаря позиции Высшего Арбитражного Суда РФ (п. 20.1 постановления Пленума ВАС РФ № 10), получившей развитие в практике Верховного Суда РФ[21].

Дела в отсутствие производства по делу

Третья категория включает две подкатегории. Первая – обжалование определений несудебных органов об отказе в возбуждении дела (ч. 4 ст. 30.1 КоАП РФ). Дело не возбуждено, поэтому к производству по делу эти отношения не относятся. Судья не вправе подменять орган административного преследования и предрешать наличие состава, а может лишь указать на неполноту проверки или отсутствие оценки доказательств, значимых для решения вопроса о поводе к возбуждению дела[22]. Отмена определения в судебном порядке не может быть продиктована лишь целями совершенствования проверочных мероприятий[23]. С точки зрения автора, такие правовые позиции судов, проверяющих не административную юрисдикцию, а позитивную процедуру, нехарактерны для дела о привлечении к административной ответственности и говорят о другом предмете судебного рассмотрения.

Специфичен и состав участников. Заявитель не отвечает статусу потерпевшего по ст. 25.2 КоАП РФ, поскольку дело не возбуждено. В практике его наделяют правами потерпевшего, чтобы реализовать право на обжалование по ч. 4 ст. 30.1 КоАП РФ[24]. Иного, более подходящего для заявителя статуса в Кодексе нет. Лицо, в отношении которого заявитель просит возбудить дело, участвует с правами по ст. 25.1 КоАП РФ, но не может именоваться лицом, в отношении которого возбуждено дело, поэтому указывается как «заинтересованное лицо» либо его статус не определяется вовсе[25].

Вторая подкатегория – обжалование постановлений несудебных органов о прекращении производства по делу, вынесенных как до передачи дела на рассмотрение (ст. 28.9 КоАП РФ), так и по результатам несудебного рассмотрения (ст. 29.10 КоАП РФ). Производство к моменту принятия жалобы уже прекращено, и по существу такое постановление аналогично определению об отказе в возбуждении дела. Поэтому пересмотр такого постановления юридически некорректно считать производством по делу или Производством.

---

[21] См. определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26 сентября 2017 г. № 307-АД17-6188. Доступ из СПС «Гарант».

[22] См., например: Дело по жалобе Т. на определение старшего инспектора по ИАЗ ГИБДД ОМВД России по Медвежьегорскому району от 19 июня 2025 г. об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении // Архив Медвежьегорского районного суда Республики Карелия. Дело № 12-35/2025.

[23] См.: Дело по жалобе Б. на определение заместителя прокурора г. Петрозаводска от 10 июля 2025 г. об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении, предусмотренном ст. 5.59 КоАП РФ // Архив Петрозаводского городского суда Республики Карелия. Дело № 12-4/2026.

[24] См. постановления Верховного Суда РФ от 10 апреля 2020 г. № 69-АД20-5, от 5 ноября 2020 г. № 87-АД20-4. Доступ из СПС «Гарант».

[25] См. решения Верховного Суда Республики Карелия от 5 марта 2025 г. № 21-44/2025, от 8 октября 2025 г. № 21-161/2025. URL: https://sudact.ru/.

Отмена постановления не требует повторно решать вопрос о возбуждении дела: она возвращает юридическую силу совершенным процессуальным действиям, а их участникам – прежние статусы. В приведенных институтах суд проверяет на соблюдение исключительно административно-процессуального законодательства решение несудебного органа, принятое по вопросу противодействия административным правонарушениям. Однако суд не инициирует и не продолжает административное преследование: его деятельность направлена только на выявление и исправление допущенных несудебным органом нарушений процессуальных норм КоАП РФ и законодательства о государственном контроле (надзоре). Даже отмена судом постановления о прекращении производства не направлена на продолжение административного преследования: она указывает лишь на необходимость исправить процессуальные ошибки при повторном решении вопроса о продолжении или прекращении производства по делу.

В арбитражной практике третья категория также распространена. По § 2 гл. 25 АПК РФ оспариваются определения об отказе в возбуждении дел в пределах подведомственности, установленной ст. 30.1 КоАП РФ. Суд проверяет соблюдение органом подведомственности (ч. 5 ст. 28.1 КоАП РФ) и наличие поводов к возбуждению дела; круг юридически значимых обстоятельств, таким образом, нехарактерен для производства по делу; состав участников определяется как в исковом производстве, а дело именуется «делом о признании незаконным и отмене» определения[26]. По тому же порядку оспариваются постановления о прекращении производства по делу: при их отмене материалы направляются органу для рассмотрения (п. 19 Постановления Пленума ВАС РФ № 10), а дело именуется делом «о признании незаконным и отмене постановления». Перечни категорий дел в судах общей юрисдикции и арбитражных судах не идентичны[27], но поддаются одной классификации.

Административно-деликтное судопроизводство: предложения к третьей кодификации

В отличие от Производства, АДС встраивается в перечень видов судопроизводства, предусмотренный ч. 2 ст. 118 Конституции РФ. Административное судопроизводство реализуется посредством нескольких видов, что верно подчеркнул А. И. Стахов [5, с. 4]: их модели положены в основу КАС РФ, АПК РФ, КоАП РФ и Федерального закона от 1 декабря 2006 г. № 199-ФЗ «О судопроизводстве по материалам о грубых дисциплинарных проступках при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста и об исполнении дисциплинарного ареста»[28]. Таким образом, административное судопроизводство, в отличие от уголовного или гражданского, является собирательным понятием. Две из этих форм – по КоАП РФ и по гл. 25 АПК РФ – и образуют АДС. Собирательным понятием сегодня является и само АДС. Оно представлено двумя автономными видами – административно-деликтным судопроизводством в судах общей юрисдикции и в арбитражных судах. Оба предназначены для реализации одного подвида административного процесса – судебно-

[26] См. постановления Арбитражного суда Северо-Западного округа от 12 января 2024 г. № Ф07-17285/2023; Арбитражного суда Поволжского округа от 10 августа 2023 г. № Ф06-6323/2023; Арбитражного суда Московского округа от 22 сентября 2020 г. № Ф05-9034/2020; Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 1 июня 2018 г. № Ф08-3826/2018. URL: https://ras.arbitr.ru/.

[27] Например, практика отдельного пересмотра районными судами представлений не была поддержана. См. постановление Верховного Суда РФ от 29 октября 2010 г. № 4-АД10-4. Доступ из СПС «Гарант».

[28] Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 49 (ч. I). Ст. 5089.

Слияние оправдания и прекращения производства по делу, характерное для обвинительного процесса, не может иметь места в правосудии правового государства

го административно-деликтного процесса и по сути необоснованно дублируют друг друга. Сложившаяся система административно-процессуального законодательства идет вразрез с системой административного процесса, не обеспечивает участникам судебных производств одинакового объема гарантий и нарушает единообразие судебной практики.

АДС не только реализует самостоятельный подвид административного процесса, но и имеет собственное предназначение, предопределенное стандартами правового государства: судебный контроль инициативы публичной администрации по борьбе с административно наказуемым неповиновением порядку управления – проверку принятых ею мер на соответствие закону в свете конституционных ценностей. Поэтому оно автономно и от административного судопроизводства по КАС РФ, и от несудебного производства по делу: суд в силу ч. 1, 2 ст. 118 Конституции РФ осуществляет не исполнительную власть, а правосудие. С этих позиций вряд ли можно поддержать идею урегулировать АДС в действующем КоАП РФ, в КАС РФ или в разрабатываемом Процессуальном кодексе об административных правонарушениях, где судебные и несудебные порядки подчинялись бы общим принципам, решали бы общие задачи и представляли бы по сути единую модель. Такое решение проблемы третьей кодификации оказалось бы полумерой: арбитражные суды по-прежнему рассматривали бы дела об административных правонарушениях по АПК РФ, основанному на несвойственной административной юрисдикции модели разрешения экономических споров.

П. И. Кононов, ссылаясь на ч. 5 ст. 1 КАС РФ, относит Производство к отдельному виду административного судопроизводства, регулируемому специальными федеральными законами [7]; созвучные суждения высказывает Ю. Н. Старилов [8, с. 27]. Однако эти взгляды остались недооцененными, и одна из причин – незрелость Производства и его неравнозначность формам правосудия, закрепленным собственными процессуальными законами. Масштабирование Производства до АДС позволяет поставить тот же вопрос с более весомых позиций. Интеграция АДС в судах общей юрисдикции и в арбитражных судах сформирует явление, отвечающее статусу самостоятельного вида административного судопроизводства. Тогда и ответ на вопрос о варианте третьей кодификации становится ясным. По убеждению автора, для устранения конкуренции норм КАС РФ, АПК РФ и КоАП РФ и приведения законодательства в соответствие с системой административного процесса следует исключить из КоАП РФ только судебные производства, а из АПК РФ – производства по делам, связанным с административными правонарушениями, и урегулировать их в самостоятельном федеральном законе.

Процессуальная форма такого судопроизводства, по мнению автора, должна строиться на принципах законности и справедливости, объективной истины, сочетания активности суда с состязательностью сторон, распределения бремени доказывания на основе презумпции невиновности и процессуального равноправия сторон. Ограничение в Производстве состязательности и равноправия затрудняет установление объективной истины, искажает действие презумпции невиновности и придает судебному правоприменению избыточно дискреционный характер [9]. Чтобы

в АДС обеспечивались условия для установления объективной истины, в него следует внедрить институт сторон, от иных процессуальных форм правосудия неотъемлемый. Поскольку в АДС должны уравновешиваться административное преследование и защита, сторонами представляется правильным признать орган административного преследования и лицо, подвергаемое административному преследованию. Отдельный статус для несудебного юрисдикционного органа, если он не совпадает с органом преследования, не нужен: его участие выглядит примерно так же, как участие судьи, вынесшего обжалуемое постановление, в заседании суда вышестоящей инстанции.

Процессуальную форму АДС целесообразно дифференцировать по характеру дел, а не по виду судебного контроля (предварительного или последующего), как это сделано в действующем Кодексе: 1) по делам об административных правонарушениях; 2) по разрешению отдельных вопросов по делам, находящимся в производстве административных органов; 3) по принятию мер реагирования на административные деликты в отсутствие производства по делу.

В каждый из этих видов встроятся два подвида: применение мер судебного административного принуждения (мер административной ответственности, мер обеспечения и др.) и разрешение судом иных вопросов административного преследования в связи с совершением административных деликтов. Особенности рассмотрения дел арбитражными судами достаточно отразить в общих положениях. Выделять их в отдельный вид производства нет необходимости: это вернуло бы проблему дублирования одних и тех же процессуальных норм для общих и арбитражных судов. АДС, по убеждению автора, необходимо построить как единую инстанционную систему стадий с характерными для форм правосудия наименованиями – производство в судах первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, а вид разрешающего дело судебного акта унифицировать до постановления суда, которое выносится именем Российской Федерации и может быть не только обвинительным, но и оправдательным.

Слияние оправдания и прекращения производства по делу, характерное для обвинительного процесса, не может иметь места в правосудии правового государства. Предложенные институты, по мнению автора, могут стать основой для разработки федерального закона «Об административно-деликтном судопроизводстве в Российской Федерации».

Список источников

1. Михайловский И. В. Судебное право как самостоятельная юридическая наука (к вопросу о системе юридических наук). СПб. : Общественная польза, 1908. 16 с.
2. Стахов А. И. Интегративная концепция административного процесса в Российской Федерации : моногр. М. : РГУП, 2024. 492 с.
3. Каплунов А. И. Современные подходы к пониманию административного процесса как результат и основа развития отечественного административно-процессуального законодательства // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 3. С. 261–276.
4. Щепалов С. В. Административно-деликтное судопроизводство как самостоятельный вид административного судопроизводства // Административное право и процесс. 2026. № 6. С. 67–74.
5. Стахов А. И. Административное правосудие как несущая основа судебного административного процесса в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2026. № 3. С. 3–12.
6. Ландерсон Н. В. О классификации административных деликтов, выявляемых в правовой системе Российской Федерации // Административное право и процесс. 2024. № 3. С. 17–23.

7. Кононов П. И. Производство в судах по делам об административных правонарушениях как составная часть административного судопроизводства // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5, № 3. С. 60–84.
8. Старилов Ю. Н. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и «судьба» административно-деликтного права: два новейших вопроса в современной правовой теории // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2020. № 2. С. 14–41.
9. Щепалов С. В. Теоретический разбор проблемы «обвинительного уклона» судьи, рассматривающего дело об административном правонарушении // Административное право и процесс. 2025. № 1. С. 59–65.

Информация об авторе

С. В. Щепалов – кандидат юридических наук, доцент, судья, доцент кафедры конституционного и административного права.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сроки утверждения

Статья поступила в редакцию 17.06.2026.

Одобрена после рецензирования 30.06.2026.

Принята к публикации 25.09.2026.

References

1. Mikhailovsky I. V. *Judicial law as an independent legal science (on the system of legal sciences)*. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za; 1908. 16 p. (In Russ.)

2. Stakhov A. I. *Integrative concept of the administrative process in the Russian Federation*. Monograph. Moscow: Russian State University of Justice; 2024. 492 p. (In Russ.)

3. Kaplunov A. I. Modern approaches to understanding the administrative process as a result and the basis for the development of domestic administrative procedural legislation. *Siberian Law Review*. 2021;18(3):261-276. (In Russ.)

4. Schepalov S. V. Administrative tort proceedings as an independent type of administrative proceedings. *Administrative Law and Procedure*. 2026;(6):67-74. (In Russ.)

5. Stakhov A. I. Administrative justice as the fundamental framework of judicial administrative procedure in the Russian Federation. *Administrative Law and Procedure*. 2026;(3):3-12. (In Russ.)

6. Landerson N. V. On the classification of administrative torts identified in the legal system of the Russian Federation. *Administrative Law and Procedure*. 2024;(3):17-23. (In Russ.)

7. Kononov P. I. Proceedings in courts on cases of administrative offenses as an integral part of administrative proceedings. *Pravosudie/Justice*. 2023;5(3):60-84. (In Russ.)

8. Starilov Yu. N. The concept of the new Code of the Russian Federation about administrative offenses and the "fate" of administrative-tort law: two newest issues in modern legal theory. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Pravo*. 2020;(2):14-41. (In Russ.)

9. Shchepalov S. V. A theoretical analysis of the problem of the prosecutorial bias of a judge reviewing an administrative offense case. *Administrative Law and Procedure*. 2025;(1):59-65. (In Russ.)

Information about the author

S. V. Schepalov – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Judge, Associate Professor at the Constitutional and Administrative Law Department.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Approval deadlines

The article was submitted 17.06.2026.

Approved after reviewing 30.06.2026.

Accepted for publication 25.09.2026.

DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.11.60-67

Автор статьи

Виталий Владимирович Ванин

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация

vaninvv@rsuj.ru, https://orcid.org/0000-0002-7301-0838

Научная статья

Российское правосудие. 2026. № 11. С. 60–67

Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 11. P. 60–67

УДК 346.32

Неприменение исковой давности как санкция за злоупотребление правом в судебной практике

Исковая давность традиционно рассматривается как один из важнейших институтов гражданского права, обеспечивающих устойчивость и определенность гражданского оборота. Как отмечал И. Б. Новицкий, давность служит целям устранения неопределенности в отношениях участников оборота и придания этим отношениям необходимой ясности и устойчивости[1].

Вместе с тем формально-догматическое применение правил о давности способно приводить к результатам, несовместимым с представлениями о справедливости. Прежде всего тогда, когда сам должник (ответчик) своим недобросовестным поведением создал препятствия для своевременного предъявления иска, а затем ссылается на пропуск срока как на основание для отказа в иске. В подобной ситуации возражение о давности превращается из легитимного средства защиты в инструмент извлечения преимуществ из собственного неправомерного поведения, что прямо противоречит принципу добросовестности, закрепленному в п. 4 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации[2].

Постановка проблемы: коллизия давности и добросовестности

Действующее законодательство не содержит специальной нормы, которая позволяла бы суду отклонить заявление ответчика о пропуске исковой давности по мотиву недобросовестности заявителя. Напротив, абзац второй п. 2 ст. 199 ГК РФ устанавливает, что истечение срока исковой давности, о применении которой заявлено стороной в споре, является основанием к вынесению судом решения об отказе

[1] *Новицкий И. Б.* Сделки. Исковая давность : учеб. пособие. М. : Госюриздат, 1954. С. 150.

[2] Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

© Ванин В. В., 2026

Аннотация. Гражданское законодательство обязывает суд применить исковую давность по заявлению стороны, однако формальное применение этого правила способно легализовать поведение ответчика, который сам создал препятствия для своевременного обращения истца в суд. Прослежено становление конструкции отказа в применении давности как санкции за злоупотребление правом: от постановлений Президиума ВАС РФ по вещным спорам к определениям Верховного Суда РФ по корпоративным и договорным спорам и к постановлению Конституционного Суда РФ по спорам о земельных участках. Выделены две модели достижения одного результата – санкционная (блокирование возражения о давности) и интерпретационная (смещение начала течения срока). Из практики выведен фактический состав, при котором санкция допустима: недобросовестное поведение ответчика, причинная связь между ним и невозможностью своевременного иска, отсутствие недобросовестности в поведении истца и исключительность меры.

Ключевые слова: исковая давность, злоупотребление правом, добросовестность, отказ в защите права, начало течения срока давности

Для цитирования: Ванин В. В. Неприменение исковой давности как санкция за злоупотребление правом в судебной практике // Российское правосудие. 2026. № 11. С. 60–67. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.11.60-67.

The Non-Application of the Statute of Limitations as a Sanction for Abuse of Rights in Judicial Practice

Vitalii V. Vanin, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation

Abstract. Civil legislation requires the court to apply the statute of limitations upon a party's request; however, a formal application of this rule can legitimize the conduct of a defendant who themselves created obstacles preventing the plaintiff from filing a timely lawsuit. The article traces the evolution of the concept of refusing to apply the statute of limitations as a sanction for the abuse of rights – moving from rulings by the Presidium of the Supreme Arbitration Court in property disputes to rulings by the Supreme Court of the Russian Federation in corporate and contractual disputes, and finally to a ruling by the Constitutional Court of the Russian Federation regarding land disputes. Two models for achieving this outcome are identified: the sanction-based model (blocking the statute-of-limitations defense) and the interpretive model (shifting the start date of the limitation period). Based on case law, the article outlines the factual elements required for such a sanction to be permissible: bad-faith conduct by the defendant, a causal link between that conduct and the inability to file a timely lawsuit, the absence of bad faith on the part of the plaintiff, and the exceptional nature of the measure.

Keywords: statute of limitations, abuse of rights, good faith, denial of legal protection, commencement of the statute of limitations

For citation: Vanin V. V. The non-application of the statute of limitations as a sanction for abuse of rights in judicial practice. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(11):60-67. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.11.60-67.

в иске. Пленум Верховного Суда РФ в п. 15 постановления от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности»[3] подтвердил, что истечение давности – самостоятельное и достаточное основание для отказа в иске.

Влияние тех или иных обстоятельств на течение срока исковой давности опосредуется лишь установленными ГК РФ правовыми основаниями (приостановление течения срока, перерыв, восстановление срока по уважительным причинам, связанным с личностью истца-гражданина, субъективный критерий начала течения срока). Ни одно из них не рассчитано прямо на ситуацию, когда препятствия к предъявлению иска созданы недобросовестными действиями ответчика.

[3] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 12.

Реализация любого субъективного гражданского права, включая охранительные правомочия и средства защиты, имеет пределы. Классическая работа В. П. Грибанова заложила понимание злоупотребления правом как особого типа гражданского правонарушения [1, с. 43]. Если заявление о применении давности есть осуществление секундарного права ответчика, то оно подчинено общим пределам осуществления гражданских прав, установленным ст. 10 ГК РФ [2].

Компаративный анализ также говорит в пользу допустимости такого ограничения [2, с. 1063].

Доктринальные основания: злоупотребление правом и отказ в защите

Применительно к давности отказ в защите права означает следующее: право ответчика заявить о пропуске срока формально существует, однако суд, констатировав, что это право осуществляется заведомо недобросовестно (ответчик сам создал невозможность своевременного иска), лишает такое заявление юридического эффекта. Причина в том, что субъективное право, осуществляемое или защищаемое недобросовестно, может потерять правомочие на судебную защиту, со ссылкой на ст. 10 ГК РФ [3, с. 49], ибо право не может санкционировать осуществление правомочий, направленное на цели, несовместимые с его социальным назначением [1, с. 46, 49].

Ряд авторов полагают возможным разрешение этого вопроса на уровне судебного толкования [4, с. 91]; другие полагают необходимым дополнение норм ГК РФ об исковой давности [2, с. 1065].

Таким образом, доктрина в целом признает допустимость неприменения давности как санкции за злоупотребление правом, но настаивает на исключительном характере этой меры: давность – институт публично значимый, и его «размывание» ad hoc может угрожать правовой определенности.

Практика ВАС РФ: вещные споры

Отправной точкой рассматриваемой конструкции стало постановление Президиума ВАС РФ от 22 ноября 2011 г. № 17912/09 по делу № А54-5153/2008/С16[4]. В этом деле Президиум ВАС РФ впервые прямо указал, что суд вправе отказать в применении исковой давности в качестве санкции за злоупотребление правом на основании п. 2 ст. 10 ГК РФ, учитывая отсутствие у заинтересованного лица реальной возможности обратиться в суд: именно недобросовестные действия ответчика сделали своевременную судебную защиту невозможной или существенно затруднительной. Принципиально важно, что отказ в применении давности был мотивирован поведением ответчика, создавшего препятствия для иска.

Этот подход получил развитие в постановлении Президиума ВАС РФ от 24 мая 2012 г. № 17802/11. По обстоятельствам дела юридическое лицо – собственник нежилого помещения было незаконно ликвидировано, его имущество похищено, что впоследствии установлено приговором суда. Президиум указал, что незаконная ликвидация общества являлась непреодолимым препятствием для защиты им своих прав, поэтому применение давности без учета этого обстоятельства лишило бы истца доступа к правосудию. Здесь отчетливо проявляются два подхода: прямой отказ в применении давности (санкция по ст. 10 ГК РФ) и корректировка момента начала течения срока с учетом реальной возможности защиты права.

Это направление продолжено в постановлениях Президиума ВАС РФ от 26 февраля

[4] Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

2013 г. № 12913/12 и от 24 сентября 2013 г. № 10715/12, в которых недобросовестное поведение стороны, препятствовавшее своевременному предъявлению иска (в том числе по причинам, вызванным корпоративными конфликтами, сопровождавшимися утратой корпоративного контроля и фальсификацией документов), признавалось основанием для нейтрализации возражения о давности.

Корпоративные споры: практика Верховного Суда РФ

Существенный вклад в определение пределов рассматриваемой санкции внесло определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18 ноября 2024 г. № 305-ЭС24-9873 по делу № А40-238905/2020. Спор касался требования о признании права на долю в уставном капитале общества как способа восстановления утраченного корпоративного контроля. Суды апелляционной и кассационной инстанций отказались применить последствия пропуска давности, сославшись на п. 1 и 2 ст. 10 ГК РФ.

Верховный Суд РФ с таким подходом не согласился и сформулировал ограничительный стандарт: отказ в применении последствий пропуска срока исковой давности должен использоваться в крайних случаях, когда судом непосредственно установлено, что своевременное обращение в суд стало невозможным либо затруднительным для истца в результате недобросовестных действий ответчика, который препятствовал заявлению соответствующего иска. Неприменение давности в частноправовых спорах возможно лишь в порядке исключения при установлении особых обстоятельств, в том числе препятствий, создаваемых истцу самим ответчиком.

Применительно к требованию о восстановлении корпоративного контроля коллегия указала: такое требование само по себе не лишает ответчика права защищаться ссылкой на истечение давности, за исключением ситуации, когда объективная невозможность предъявления иска возникла по обстоятельствам, за которые отвечает сам ответчик. Таким образом, для отказа в применении исковой давности недостаточно абстрактной ссылки на недобросовестность ответчика в материальном правоотношении (например, на неправомерность завладения долей): в юридико-фактическое основание такого отказа входит причинно-следственная связь между недобросовестным поведением ответчика и невозможностью своевременного предъявления иска. Злоупотребление, санкционируемое неприменением давности, – это злоупотребление, направленное против самой возможности судебной защиты, а не любое нарушение, лежащее в основании иска.

Такое разграничение представляется догматически точным. В противном случае давность вообще не могла бы применяться к требованиям из умышленных правонарушений, что противоречило бы и закону, и назначению института исковой давности.

Заслуживает внимания и более ранняя окружная практика: еще в постановлении Федеральной антимонопольной службы Северо-Кавказского округа от 7 ноября 2006 г. № Ф08-5243/2006 по делу № А63-420/2005-С2 был сформулирован тезис о том, что, если ответчик своими действиями препятствовал своевременной подаче иска, суд может отказать в применении срока исковой давности, поскольку на заявление о давности распространяется правило об отказе в судебной защите лицу, злоупотребляющему своими правами. Это свидетельствует, что конструкция вызревала «снизу», в практике окружных судов, и лишь затем была санкционирована высшей судебной инстанцией.

Земельные споры: позиция Конституционного Суда РФ

Конституционную оценку исследуемая проблема получила в 2025 г. применительно

к давности по искам о признании права в отношении земельных участков в постановлении Конституционного Суда РФ от 28 января 2025 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 12, 209 и 304 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 5 статьи 1 Федерального закона “О государственной регистрации недвижимости” в связи с жалобами граждан Н. И. Гришиной, Н. З. Гулордавы и других»[5] (далее – постановление КС РФ № 3-П). Согласно сложившейся в настоящее время судебной практике, такие иски доступны только владеющим собственникам[6], а потому на них не распространяются правила об исковой давности в силу ст. 208 ГК РФ.

Конституционный Суд РФ (далее также – КС РФ) подчеркнул конституционную ценность исковой давности как гарантии правовой определенности и стабильности гражданского оборота и ориентировал суды на недопустимость обхода давностных ограничений посредством выбора способа защиты, не соответствующего действительному характеру спорного правоотношения: если участок находится в фактическом владении гражданина, требование, направленное на лишение его зарегистрированного права, не может квалифицироваться как негаторное и рассматриваться вне давностных рамок. Для настоящего исследования эта позиция важна в двух значениях.

Во-первых, она демонстрирует «зеркальную» сторону проблемы: злоупотребление возможно не только со стороны ответчика (недобросовестная ссылка на давность), но и со стороны истца (недобросовестный обход давности через манипуляцию способами защиты), и в обоих случаях корректирующим инструментом выступает принцип добросовестности.

Во-вторых, КС РФ подтвердил, что применение и неприменение давности не есть формально-техническая операция: суд обязан оценивать реальное содержание правоотношения и поведение сторон.

Неприменение исковой давности в спорах из договора

Новейшим этапом развития конструкции стало ее распространение на договорные споры в определении Верховного Суда РФ от 24 июня 2025 г. № 18-КГ25-191-К4 (УИД 23RS0012-01-2023-001372-25). Фабула дела заслуживает подробного изложения.

Между заимодавцем и заемщиком были заключены два договора займа (от 6 июля 2018 г. и от 25 июля 2018 г.) на развитие проекта строительства коттеджного поселка; получение средств заемщиком не оспаривалось, сроки возврата –1 августа 2019 г. и 1 сентября 2019 г. Обязательства обеспечивались двумя договорами залога недвижимости (по три земельных участка каждый). Однако еще до наступления срока возврата, 28 сентября 2018 г., стороны заключили соглашение о новации, по которому первоначальные заемные обязательства заменялись обязательством о передаче заимодавцу права собственности на шесть земельных участков; переход права зарегистрирован 10 октября 2018 г.

Спустя несколько лет заемщик в рамках другого дела потребовал признания соглашения о новации ничтожным. Вступившим в законную силу судебным актом соглашение о новации признано недействительным с аннулированием регистрационных записей о переходе права на шесть участков.

Суд апелляционной инстанции исходил из того, что соглашение заключено до наступления срока возврата долга и при отсутствии нарушений со стороны заемщика, в связи с

[5] Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 6. Ст. 538.

[6] Пункт 58 Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума ВАС РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. № 7.

чем оснований для оставления заложенного имущества за залогодержателем не имелось.

После признания новации недействительной заимодавец предъявил иск о взыскании задолженности по договорам займа и об обращении взыскания на шесть заложенных участков. Суды трех инстанций в иске отказали по основанию пропуска исковой давности, формально исчислив ее с дат наступления сроков возврата займов (2019 г.) по правилу п. 2 ст. 200 ГК РФ.

Верховный Суд РФ отменил судебные акты и направил дело на новое рассмотрение, приведя два взаимосвязанных аргумента. Во-первых, сославшись на правовую позицию Президиума ВАС РФ № 17912/09, коллегия подтвердила допустимость отказа в применении давности как санкции за злоупотребление правом (п. 2 ст. 10 ГК РФ) при отсутствии у заинтересованного лица реальной возможности обращения в суд: такая санкция применяется, когда установлено, что в результате недобросовестных действий стороны своевременное обращение в суд стало невозможным либо затруднительным. Истец раскрывал и доказывал недобросовестность заемщика, однако суды этим доводам оценки не дали. Во-вторых, коллегия скорректировала исчисление давности: передача имущества в целях прекращения денежных обязательств давала заимодавцу основания рассчитывать на добровольное исполнение, и до признания новации недействительной обязательства считались прекращенными – оснований для иска о взыскании долга просто не существовало. Поэтому давность следовало исчислять с момента наступления правовой определенности относительно последствий недействительности соглашения от 28 сентября 2018 г., с учетом недобросовестности заемщика, лишившей залогодержателя возможности своевременной судебной защиты.

Данное дело демонстрирует недобросовестность должника. Последний сначала предоставляет суррогат исполнения (новацию с передачей имущества), «усыпляя бдительность» кредитора, затем – по истечении общего срока давности по первоначальному обязательству – добивается аннулирования суррогата и, наконец, противопоставляет реанимированному требованию кредитора возражение о давности. Формальное применение п. 2 ст. 200 ГК РФ здесь приводило бы к полной утрате кредитором и денежного требования, и обеспечения при сохранении должником и денег, и имущества, т. е. к результату, очевидно противоречащему п. 4 ст. 1 ГК РФ.

Правовая природа неприменения давности: санкция или правило исчисления срока

Анализ приведенной практики позволяет выделить две модели достижения одного и того же результата.

Первая модель – собственно санкционная: срок давности признается истекшим, однако заявление ответчика о его применении блокируется на основании п. 2 ст. 10 ГК РФ как злоупотребление правом. Эта модель прямо соответствует формуле «отказ в применении исковой давности в качестве санкции за злоупотребление правом». Ее достоинство выражается в том, что она не предполагает применение правил об исчислении срока давности contra legem, а точечно парализует недобросовестное возражение. Недостатки проявляются в известной коллизии с императивностью нормы абзаца второго п. 2 ст. 199 ГК РФ и риске правовой неопределенности при размытости критериев недобросовестности.

Вторая модель – интерпретационная: суд, учитывая созданные ответчиком препятствия, смещает начало течения срока по субъективному критерию п. 1 ст. 200 ГК РФ (момент, когда истец узнал или должен был узнать о нарушении права и о надлежащем ответчике) либо связывает его с моментом отпадения препятствий или наступления «правовой

определенности». Эта модель мягче: срок не игнорируется, а исчисляется с учетом реальной возможности защиты права, что согласуется с позицией КС РФ о том, что давность не может начинать течь ранее возникновения самой возможности эффективной судебной защиты.

Представляется, что вторая модель предпочтительна в качестве основной, а первая должна применяться в случаях, когда даже гибкое исчисление срока не устраняет несправедливость (например, при истечении объективного десятилетнего срока по абз. 2 п. 2 ст. 200 ГК РФ). Доктринально такое решение может быть обосновано тезисами о дисциплинирующей роли исковой давности и недопустимости неопределенности в гражданско-правовых отношениях [5, с. 27].

Из практики Верховного Суда РФ (определения № 305-ЭС24-9873 и № 18-КГ25-191-К4) можно вывести следующий фактический состав, необходимый для применения санкции: (1) недобросовестное поведение ответчика, предшествующее истечению срока или сопровождающее его течение; (2) причинная связь между этим поведением и невозможностью либо существенной затруднительностью своевременного предъявления иска; (3) отсутствие в поведении истца упречности, т. е. добросовестное заблуждение или вынужденное бездействие кредитора; (4) исключительность меры – недостаточность иных правовых средств. Отсутствие любого из элементов влечет отказ в применении санкции.

Выводы

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, неприменение исковой давности как санкция за злоупотребление правом является устоявшейся линией российской судебной практики. Во-вторых, ее нормативным основанием выступает системная связь п. 3, 4 ст. 1 и ст. 10 ГК РФ: возражение о давности есть субъективное гражданское право, осуществление которого подчинено принципу добросовестности. Его заведомо недобросовестное осуществление санкционируется отказом в защите. В-третьих, судебная практика справедливо придает данной мере исключительный характер, ограничивая ее случаями, когда именно ответчик создал невозможность или затруднительность своевременного иска.

На этой основе представляется возможным предложить следующие направления совершенствования судебной практики.

Вопрос о допустимости и условиях неприменения давности при злоупотреблении правом, как представляется, заслуживает разъяснения на уровне Пленума Верховного Суда РФ. Выработанный практикой стандарт включает: исключительность меры, необходимость установления причинной связи между недобросовестными действиями ответчика и невозможностью иска, распределение бремени доказывания (недобросовестность доказывает истец в силу презумпции добросовестности, установленной п. 5 ст. 10 ГК РФ).

Судам следует прежде всего проверять, не должен ли срок исчисляться с более позднего момента по п. 1 ст. 200 ГК РФ (момент реальной осведомленности и возможности защиты, момент «правовой определенности»), и лишь при невозможности такого решения применять п. 2 ст. 10 ГК РФ. Доводы истца о недобросовестности ответчика должны получать оценку суда. Применение давности вопреки таким доводам, равно как и отказ в ее применении со ссылкой на ст. 10 ГК РФ, должно основываться на конкретном анализе поведения сторон. Абстрактные ссылки на недобросовестность недопустимы.

Обобщение практики позволило бы выделить типичные случаи. В частности: предоставление впоследствии аннулируемого суррогата исполнения (новация, отступное); заверения и переговоры, удерживающие кредитора от иска; сокрытие надлежащего ответчика или имущества; незаконная ликвидация истца; процессуальные манипуляции с

целью истечения срока давности. Для каждого варианта могут быть указаны надлежащие средства реагирования – от смещения начала срока до отказа в применении давности.

Требует прямого разрешения вопрос о возможности блокирования по ст. 10 ГК РФ применения объективных сроков, предусмотренных п. 2 ст. 196 и п. 2 ст. 200 ГК РФ. Представляется, что и здесь при доказанном умышленном воспрепятствовании иску со стороны ответчика санкционная модель применима. Однако ввиду особого назначения объективной давности – с повышенным стандартом доказывания.

В развитие постановления КС РФ № 3-П судам следует пресекать и обратное злоупотребление – обход давности посредством искусственного выбора «бездавностных» способов защиты (ст. 208, 304 ГК РФ), квалифицируя требования по их действительной природе.

Список источников

1. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд. М. : Статут, 2001. 411 с.
2. Власов А. А., Двалишвили Л. З. Недобросовестность ответчика как основание неприменения судом срока исковой давности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12, вып. 4. С. 1056–1068.
3. Белов В. А. Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права // Законодательство. 1998. № 8. С. 49–52.
4. Сергеев А. П., Терещенко Т. А. Новое судебное толкование правил об исковой давности: комментарий к постановлению Пленума ВС РФ от 29.09.2015 № 43 // Закон. 2015. № 11. С. 87–95.
5. Кириллова М. Я., Крашенинников П. В. Сроки в гражданском праве. Исковая давность. 3-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2016. 80 с.

Информация об авторе

В. В. Ванин – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права, федеральный судья в отставке.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сроки утверждения

Статья поступила в редакцию 31.08.2026.

Одобрена после рецензирования 09.09.2026.

Принята к публикации 20.09.2026.

References

1. Gribanov V. P. *Exercise and protection of civil rights*. 2nd ed. Moscow: Statut; 2001. 411 p. (In Russ.)
2. Vlasov A. A., Dvalishvili L. Z. Defendant's bad faith as a basis for the court's non-application of limitation of action. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 2021;12(4):1056-1068. (In Russ.)
3. Belov V. A. Good faith, reasonableness and justice as principles of civil law. *Zakonodatel'stvo = Legislation*. 1998;(8):49-52. (In Russ.)
4. Sergeev A. P., Tereshchenko T. A. New judicial interpretation of the rules about limitation of actions: a commentary on the Plenary ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 29 September 2015 no. 43. *Statute*. 2015;(11):87-95. (In Russ.)
5. Kirillova M. Ya., Krasheninnikov P. V. *Time limits in civil law. Statute of limitations*. 3rd ed. Moscow: Statut; 2016. 80 p. (In Russ.)

Information about the author

V. V. Vanin – Doctor of Science (Law), Associate Professor, Professor at the Civil Law Department, Retired Federal Judge.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Approval deadlines

The article was submitted 31.08.2026.

Approved after reviewing 09.09.2026.

Accepted for publication 20.09.2026.

DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.11.68-74

Автор статьи

Елена Владимировна Сырых

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация

esforwork@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-7235-5033

Научная статья

Российское правосудие. 2026. № 11. С. 68–74

Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 11. P. 68–74

УДК 349.4

Споры о выделе земельных участков сельскохозяйственных угодий в счет земельных долей в период действия договора аренды

Откуда берутся споры о выделе в период аренды

Значительная часть споров о сельскохозяйственных угодьях возникает потому, что собственник земельного участка – «коллективный» собственник земельных долей – и сельхозпроизводитель, который этот участок использует, не совпадают в одном лице. Земельные доли появились в ходе земельной реформы 1990-х гг. как способ приватизации земель реорганизуемых колхозов и совхозов: земли распределялись в виде долей, в основном между работниками этих предприятий. На 1 января 2025 г. из 200 548,6 тыс. га сельскохозяйственных угодий в общей собственности граждан сохранялось 71 896,5 тыс. га, юридических лиц – 2272,2 тыс. га[1], т. е. 37% от общей площади.

Споры с участием собственников земельных долей – одна из самых сложных категорий земельных споров. Собственников долей в одном участке может быть 500–3000 человек [1], размер доли выражается дробями вида 34 700 / 41 982 655[2], а правовое регулирование складывалось без апробированных образцов. Г. Л. Землякова, анализируя нормы о формировании земельного участка, выделяемого в счет «земельной доли», пришла к выводу, что

[1] О состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2024 г. : Государственный (национальный) доклад. М. : Росреестр, 2025. С. 10, 27. URL: https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/informatsiya/%D0%9D%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%202024.pdf (дата обращения: 29.06.2026).

[2] Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 19 марта 2026 г. № 88-5540/2026. Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

© Сырых Е. В., 2026

Аннотация. Значительная часть сельскохозяйственных угодий находится в общей долевой собственности граждан и организаций – собственников земельных долей, а используют эти земли арендаторы-сельхозпроизводители. Выдел земельного участка без согласия арендатора закон прямо разрешает только собственнику, голосовавшему на общем собрании против аренды (п. 5 ст. 14 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»). Для остальных собственников специальных норм нет, что порождает споры о допустимости выдела и о судьбе договора аренды. Проанализированы правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации, изложенные в обзорах судебной практики № 3 (2017) и № 3 (2019), и практика кассационных судов. На их основе предложены решения для спорных ситуаций: совместный выдел долей собственников с разным статусом, выдел долей, докупленных после общего собрания, и выдел приобретателем долей собственника, голосовавшего против аренды.

Ключевые слова: земельные доли, сельскохозяйственные угодья, арендаторы, собственники земельных долей, оборот земель сельскохозяйственного назначения, выдел земельного участка в счет земельной доли, согласие арендатора на выдел, собственники земельных долей, не голосовавшие против аренды

Для цитирования: Сырых Е. В. Споры о выделе земельных участков сельскохозяйственных угодий в счет земельных долей в период действия договора аренды // Российское правосудие. 2026. № 11. С. 68–74. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.11.68-74.

Disputes over the Allotment of Agricultural Land Plots Against Land Shares During a Lease Term

Elena V. Syrykh, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation

Abstract. A significant share of agricultural land is held in common ownership by individuals and legal entities – land share owners, while the land is used by agricultural producers as lessees. The law expressly allows a land plot to be allotted without the lessee's consent only to an owner who voted against the lease at the general meeting (Article 14(5) of the Federal Law "On the Turnover of Agricultural Land"). There are no special rules for other owners, which gives rise to disputes over whether such an allotment is permissible and what happens to the lease. The article analyses the positions of the Supreme Court of Russia in the Reviews of Judicial Practice No. 3 (2017) and No. 3 (2019) and cassation practice. On this basis, solutions are proposed for disputed situations: a joint allotment by owners of different status, an allotment of shares bought after the general meeting, and an allotment by a person who acquired shares from an owner who voted against the lease.

Keywords: land shares, agricultural land, tenants, land share owners, agricultural land turnover, land allotment against a land share, tenant's consent to allotment, non-opposing land share owners

For citation: Syrykh E. V. Disputes over the allotment of agricultural land plots against land shares during a lease term. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(11):68-74. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.11.68-74.

их реализация «едва ли приведет к достижению… целей и задач, поставленных авторами Законопроекта», и верно предсказала неизбежность споров [2, с. 78, 86].

В спорах о выделе в период аренды заложен объективный конфликт интересов. Сельхозпроизводители вкладывают труд в высокорисковую отрасль экономики и нуждаются в стабильных и прогнозируемых отношениях по использованию земли – прежде всего в отношении сроков и площади доступных им земель. Собственники земельных долей хотят получить максимальную выгоду от своей собственности.

Выдел без согласия арендатора: кому это разрешено

Согласно п. 5 ст. 14 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»[3] (далее – Закон № 101-ФЗ) собственник земельной доли, «выразивший на общем собрании участников долевой собственности несогла-

[3] Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3018.

сие с передачей в аренду земельного участка, находящегося в долевой собственности, или с условиями договора аренды такого земельного участка, в случае передачи его в аренду» (далее – голосовавший против аренды), вправе выделить земельный участок в счет своих долей и распорядиться им по своему усмотрению. Согласие арендатора на такой выдел не требуется, а договор аренды в отношении выделенного участка прекращается.

Для собственника, не голосовавшего против аренды, специальных норм нет. Отсюда две группы споров: о допустимости выдела без согласия арендатора и о сохранении права аренды на выделенный участок.

Споры первой группы возникают между собственниками долей и арендаторами. Собственники, полагающие, что вправе выделить участок без согласия арендатора, просят признать необоснованными и снятыми возражения на проект межевания и установить границы участка[4]. Арендаторы оспаривают выдел: требуют признать его незаконным, прекратить право собственности, исключить сведения из ЕГРН и восстановить право общей долевой собственности[5]. Встречаются и административные иски к Росреестру – например, о признании незаконным приостановления регистрации до представления согласия арендатора[6].

Так, по одному из дел истец – собственник земельной доли, желающий выделить земельный участок, требовал в суде признания необоснованными и снятия возражений арендатора на выдел земельного участка. Свое требование обосновывал тем, что хоть изначально и не возражал против передачи земельного участка в аренду, но на одном из последующих общих собраний голосовал против увеличения арендной платы по действующему договору аренды и вследствие этого приобрел право на выдел земельного участка без согласия арендатора. Ответчик против иска возражал, полагая, что истец не имеет права на выдел без его письменного согласия, которое он не давал. Суд отказал в удовлетворении требования, сославшись в том числе на позицию Верховного Суда РФ, закрепленную в п. 4 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2017)[7], согласно которой право на выдел без согласия арендатора имеет лишь тот, кто голосовал против заключения договора аренды (а не отдельных его условий)[8].

Практика изначально была неоднородной[9]. Суды выбирали между ст. 13 Закона № 101-ФЗ, которая регулирует образование участков сельскохозяйственных угодий и не требует согласия арендатора, и общим правилом п. 4 ст. 11.2 ЗК РФ о согласии арендатора на образование участка – в системной связи с п. 5 ст. 14 Закона № 101-ФЗ как исчерпывающим исключением. Затруднения объяснялись тем, что спорные отношения в силу своей специфики требуют специальных норм Закона № 101-ФЗ, но норм, непосредственно их регулирующих, в нем нет, а иные его нормы не требуют согласия арендатора на выдел собственником, не голосовавшим против аренды. Применение к таким отношениям ст. 13, во-первых, нарушало бы заложенный законодателем общий баланс прав собственников земельных участков и арендаторов (п. 4 ст. 11.2 ЗК РФ), допускаю-

4 См., например, определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22 апреля 2026 г. № 88-9119/2026.

5 См., например, определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 19 ноября 2025 г. № 88-27789/2025.

6 Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 6 марта 2025 г. № 88а-2488/2025.

7 Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12 июля 2017 г.) (далее – Обзор № 3 (2017) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 9.

8 Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 11 февраля 2026 г. № 88-3359/2026.

9 *Жукова Т.* Арендатора не спросят? // ЭЖ-Юрист. 2015. № 22. С. 10.

В спорах о выделе в период аренды заложен объективный конфликт интересов

щий образование участков в период аренды только с согласия арендатора. Во-вторых, оно создавало бы существенный дисбаланс прав собственников долей и арендаторов: арендатор лишился бы возможности прогнозировать площадь и сроки очередных выделов и, следовательно, планировать хозяйственную деятельность.

Верховный Суд РФ поддержал второй подход. В п. 4 Обзора № 3 (2017) сформулирована позиция: «При наличии согласия всех участников долевой собственности земельного участка сельскохозяйственного назначения на передачу его в аренду выдел собственником земельной доли, обремененной правом аренды, не может осуществляться без согласия арендатора».

Спор шел между арендатором участка площадью 228 га, переданного в аренду на 10 лет, и несколькими собственниками долей, не голосовавшими против аренды. Через 5 лет они без согласия арендатора выделили участок площадью 36 га (15,8% всей площади) и продали его третьему лицу. Арендатор просил признать недействительными выдел и договор купли-продажи, исключить сведения о выделенном участке из ГКН. Суд первой инстанции требование удовлетворил, суд апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменил и принял новое решение, отказав в удовлетворении требования. Судебная коллегия Верховного Суда РФ апелляционное определение отменила, дело направила на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции[10].

Верховный Суд РФ опирался на ст. 252 ГК РФ, ст. 11, 11.2 ЗК РФ, которые по особенностям образования участков из земель сельскохозяйственного назначения отсылают к Закону № 101-ФЗ, и на п. 5 ст. 14 этого Закона: «…по смыслу указанной нормы, право на выдел земельного участка без согласия арендатора предоставлено лишь тому участнику долевой собственности, который на общем собрании участников долевой собственности голосовал против предоставления земельного участка в аренду. Во всех остальных случаях выдел земельного участка из арендованного земельного участка не может осуществляться без согласия арендатора» (п. 4 Обзора № 3 (2017). Тем самым п. 5 ст. 14 Закона № 101-ФЗ прочитан как исключающий выдел без согласия арендатора во всех иных случаях, а к спорным отношениям применяются общие нормы (п. 4 ст. 11.2 ЗК РФ), а не ст. 13 Закона № 101-ФЗ.

Такое толкование соответствует балансу прав участников. Собственник земельной доли ограничен в правах по сравнению с «обычным» участником общей долевой собственности, который владеет и пользуется имуществом «по соглашению всех ее участников, а при недостижении согласия – в порядке, устанавливаемом судом» (п. 1 ст. 247 ГК РФ), а распоряжается им «по соглашению всех ее участников» (п. 1 ст. 246 ГК РФ). Если участок находится в собственности более пяти лиц, решения принимает общее собрание: по общему правилу оно правомочно при присутствии собственников 50% долей, а решение принимается более чем 50% долей присутствующих (п. 1 ст. 14, п. 5, 8 ст. 14.1 Закона № 101-ФЗ). Как отмечает С. А. Липски, иное привело бы «к невозможности принятия

[10] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 32-КГ16-23.

каких-либо решений. А поскольку… речь идет примерно о половине площади плодородных земель, то определяющими выступают производственно-хозяйственные интересы аграрной отрасли» [3, с. 35].

Пункт 5 ст. 14 Закона № 101-ФЗ смещает баланс в пользу собственника, голосовавшего против аренды: он может «извлечь» свою долю из аренды, а арендатор заранее знает, сколько долей может быть выделено, и может учитывать это при планировании сельскохозяйственных работ, особенно если общим собранием участников долевой собственности был предварительно утвержден проект межевания подлежащих выделу участков. Для любого другого собственника такой баланс неприемлем.

Этот подход дает ориентир и для выдела «со сложным составом» участников – когда для выдела общего участка объединяются собственники, часть которых голосовала против аренды, а часть нет. Может быть рекомендовано исходить из того, что каждый из них должен подтвердить право на выдел: доказать, что голосовал против на общем собрании (п. 5 ст. 14 Закона № 101-ФЗ), либо представить согласие арендатора (п. 4 ст. 11.2 ЗК РФ). Поскольку выделяется один объект, отсутствие оснований для выдела хотя бы у одного собственника препятствует признанию выдела правомерным в целом.

Учет этой позиции необходим при разрешении всех споров о допустимости выдела без согласия арендатора собственником, не голосовавшим против аренды, и может быть рекомендован по иным спорам о применении п. 5 ст. 14 Закона № 101-ФЗ.

Та же логика применима к другим спорам об обороте земель сельскохозяйственного назначения, где нет специальной нормы: если применение общей нормы специального закона нарушает баланс прав участников, выбор может быть сделан в пользу общей нормы ЗК РФ или ГК РФ.

Сохраняется ли аренда на выделенный участок

Споры второй группы обычно возникают, когда Росреестр не усматривает оснований обременить выделенный участок правом аренды. Административные иски чаще подают арендаторы, требуя зарегистрировать обременение[11], но обращаются и собственники выделенных участков – как возражающие против обременения[12], так и настаивающие на нем[13]. Как правило, оспаривается бездействие по регистрации обременения либо приостановление регистрации. Встречаются и споры между собственниками образованного участка и арендатором о сохранении или прекращении договора аренды[14].

Практика формируется на основе позиции, изложенной в п. 31 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019)[15]: «Ранее заключенный договор аренды земельного участка не подлежит прекращению ввиду выделения части этого участка участниками общей долевой собственности, выразившими согласие на его

[11] См., например, кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 13 ноября 2025 г. № 8а-22878/2025.

[12] См., например, апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 9 апреля 2024 г. № 33а-675/2024, постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 15 февраля 2024 г. № Ф08-13615/2023 по делу № А32-2171/2023.

[13] См., например, кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 12 марта 2026 г. № 88а-5358/2026.

[14] См., например, определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 19 мая 2025 г. № 88-8319/2025.

[15] Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 ноября 2019 г. (далее – Обзор № 3 (2019)) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 4.

заключение. Одновременно с регистрацией права собственности на выделенный участок регистратор обязан внести запись в ЕГРН об обременении вновь образованного земельного участка правом аренды». Учет данной позиции судами по спорам рассматриваемой категории проверяется при разрешении вопроса о передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегией Верховного Суда РФ[16].

Позиция основана на том, что ни ЗК РФ (п. 2 ст. 22, п. 1 ст. 46), ни ГК РФ не содержат прямого указания на прекращение договора аренды в отношении участка, образованного при выделе земельной доли, а п. 5 ст. 14 Закона № 101-ФЗ действует только в прямо указанных в нем случаях. Поэтому применяется общее правило п. 4 ст. 11.8 ЗК РФ: при образовании земельных участков из участков, используемых на основании договоров аренды, арендатор сохраняет право аренды измененных участков и (или) имеет право на заключение договоров аренды образуемых участков, если иное не установлено соглашением сторон.

Общее регулирование здесь верно отражает баланс интересов: раз закон не запрещает собственнику, не голосовавшему против аренды, выделить участок в период аренды, обременение выделенного участка арендой не только целесообразно, но и необходимо. Иначе арендатор находился бы под постоянной угрозой утраты части арендованной земли, а с ней – стабильности сельскохозяйственного производства.

Подход должен служить ориентиром и в смежных спорах. Если участок выделяют совместно собственники, голосовавшие и не голосовавшие против аренды[17], но получившие согласие арендатора на выдел, может быть рекомендовано исходить из того, что при наличии среди них хотя бы одного, не голосовавшего против аренды в бытность собственником земельной доли, право аренды сохраняется на весь участок. Собственники, голосовавшие против, вправе выделить участки с прекращением аренды; объединяясь с теми, кто не голосовал против, они принимают последствием сохранение аренды – иначе были бы ущемлены права арендатора.

Споры возникают и тогда, когда собственник, голосовавший против аренды, скупает доли других собственников и полагает, что вправе выделить их все без согласия арендатора и с прекращением аренды, или когда приобретатель долей такого собственника считает, что вместе с долями получил и это право[18]. Пункт 5 ст. 14 Закона № 101-ФЗ не распространяет право на выдел без согласия арендатора на доли, приобретенные после общего собрания, и не предусматривает перехода этого права к приобретателю. Значит, в этих и аналогичных «комбинациях» действуют общие правила Земельного кодекса РФ: на выдел долей, приобретенных после собрания, требуется согласие арендатора (п. 4 ст. 11.2), а договор аренды в отношении всего выделенного участка не прекращается (п. 4 ст. 11.8).

Таким образом, для единообразной практики по спорам о сохранении аренды есть все предпосылки: п. 4 ст. 11.8 ЗК РФ применяется ко всем случаям выдела, кроме прямо указанных в п. 5 ст. 14 Закона № 101-ФЗ – когда собственник, голосовавший против аренды, выделяет доли, принадлежавшие ему в момент голосования, в том числе совместно с другими такими же собственниками.

---

[16] См., например, определения Верховного Суда РФ от 29 июля 2026 г. № 310-ЭС26-6953 по делу № А14-5776/2025, от 16 марта 2023 г. № 310-ЭС23-1134 по делу № А35-8348/2021 и др.

[17] См., например, постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 16 февраля 2016 г. № Ф08-10398/2015 по делу № А32-2622/2015.

[18] См., например, решение Арбитражного суда Краснодарского края от 1 сентября 2025 г. по делу № А32-63850/2022.

Выводы для судов

1. В основе споров о выделе земельных участков в счет земельных долей в период аренды лежит объективный конфликт интересов собственников долей и арендаторов, который должен быть разрешен на законодательном уровне закреплением справедливого баланса их прав.

2. Выдел участка собственником, не голосовавшим против аренды, возможен только с согласия арендатора (п. 4 ст. 11.2 ЗК РФ); п. 5 ст. 14 Закона № 101-ФЗ суды толкуют как единственное исключение. При совместном выделе может быть рекомендовано требовать от каждого собственника подтверждения либо голосования против аренды, либо согласия арендатора: отсутствие согласия хотя бы у одного из тех, кто не голосовал против, препятствует признанию выдела соответствующим закону.

3. Право аренды на участок, выделенный таким собственником, сохраняется (п. 4 ст. 11.8 ЗК РФ). При совместном выделе собственниками, голосовавшими и не голосовавшими против аренды, может быть рекомендовано исходить из сохранения аренды на весь выделенный участок.

4. Право на выдел без согласия арендатора с прекращением договора аренды по п. 5 ст. 14 Закона № 101-ФЗ ограничено долями, которые принадлежали собственнику на момент общего собрания, не распространяется на доли, приобретенные им впоследствии, и не переходит к приобретателям его долей.

Список источников

1. Жаркова О. А. Правовой режим земельных долей // Арбитражные споры. 2009. № 4. С. 95–104.
2. Землякова Г. Л. Формирование земельного участка, выделяемого в счет «земельной доли»: перспективы развития законодательства // Аграрное и земельное право. 2010. № 7. С. 77–88.
3. Липски С. А. О полномочиях общего собрания собственников земельных долей // Правовые вопросы недвижимости. 2018. № 1. С. 33–36.

Информация об авторе

Е. В. Сырых – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры земельного и экологического права.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сроки утверждения

Статья поступила в редакцию 08.07.2026.

Одобрена после рецензирования 03.09.2026.

Принята к публикации 20.09.2026.

References

1. Zharkova O. A. Legal regime of land shares. *Arbitrazhnye spory = Arbitration Disputes*. 2009;(4):95-104. (In Russ.)

2. Zemlyakova G. L. Formation of a land plot allotted against a “land share”: prospects for the development of legislation. *Agrarnoe i zemel’noe pravo = Agrarian and Land Law*. 2010;(7):77-88. (In Russ.)

3. Lipski S. A. On the powers of the general meeting of land share owners. *Legal Issues of Real Estate*. 2018;(1):33-36. (In Russ.)

Information about the author

E. V. Syrykh – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Land and Environmental Law Department.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Approval deadlines

The article was submitted 08.07.2026.

Approved after reviewing 03.09.2026.

Accepted for publication 20.09.2026.

DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.11.75-83

Автор статьи

Екатерина Витальевна Безикова

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Российская Федерация

kathy_bezikova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2764-9542

Научная статья

Российское правосудие. 2026. № 11. С. 75–83

Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 11. P. 75–83

УДК 347.736

Разграничение компетенции арбитражных судов и судов общей юрисдикции при банкротстве физических лиц

При реализации права на судебную защиту определяющее значение имеет то, какой суд компетентен рассматривать дело о банкротстве. Ниже разбираются четыре процессуальные ситуации, в которых суды чаще всего ошибаются: возврат искового заявления, передача дела между судами, оставление заявления без рассмотрения и прекращение производства по делу.

Компетенция, подведомственность, подсудность: что изменилось после 2018 года

Рассмотрим соотношение категорий «компетенция», «подведомственность» и «подсудность».

Компетенция представляет собой разделение в соответствии с процессуальным законодательством дел в зависимости от круга полномочий по рассмотрению и разрешению их конкретным судом, иным уполномоченным органом и их должностными лицами.

Содержание «подведомственности» как процессуального института заключается в отнесении спора к предмету ведения конкретного юрисдикционного органа. Отметим, что в 2018 г. в качестве одного из направлений унификации процессуального законодательства, а также в целях упрощения процессуальных процедур и обеспечения доступности правосудия исключено использование термина «подведомственность»[1].

Дефиниция «подсудность» как самая узкая из представленных определяется через систему взаимосвязанных и упорядоченных норм права, детерминирующих отнесение подведомственных категорий дел к кругу рассматриваемых вопросов исключительной сферы

[1] В настоящее время обозначенный термин используется как инструмент распределения дел по свойству между судами и иными уполномоченными органами.

© Безикова Е. В., 2026

Аннотация. Рассматривается разграничение компетенции арбитражных судов и судов общей юрисдикции при банкротстве физических лиц. На основе анализа норм законодательства, практики Верховного Суда РФ, судов общей юрисдикции и арбитражных судов выявлены процессуальные проблемы, возникающие при возврате искового заявления, передаче дела из суда общей юрисдикции в арбитражный суд, оставлении заявления без рассмотрения и прекращении производства по делу. Показано, с какого момента суд общей юрисдикции утрачивает компетенцию по спору с участием гражданина-должника, какие требования сохраняют характер текущих и в каких случаях правило об оставлении иска без рассмотрения не применяется.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), банкротство физических лиц, подведомственность, подсудность, компетенция арбитражного суда, прекращение производства по делу о банкротстве

Для цитирования: Безикова Е. В. Разграничение компетенции арбитражных судов и судов общей юрисдикции при банкротстве физических лиц // Российское правосудие. 2026. № 11. С. 75–83. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.11.75-83.

Delimitation of the Competence of Arbitration Courts and Courts of General Jurisdiction in the Bankruptcy of Individuals

Ekatrina V. Bezikova, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation; Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation

Abstract. The article examines the delimitation of the competence of arbitration courts and courts of general jurisdiction in the bankruptcy of individuals. Based on an analysis of legislation and the practice of the Supreme Court of the Russian Federation, courts of general jurisdiction and arbitration courts, the author identifies the procedural problems arising when a statement of claim is returned, when a case is transferred from a court of general jurisdiction to an arbitration court, when a claim is left without consideration and when proceedings are terminated. The article shows from which moment a court of general jurisdiction loses competence over a dispute involving a debtor, which claims retain the status of current payments, and in which cases the rule on leaving a claim without consideration does not apply.

Keywords: insolvency (bankruptcy), bankruptcy of individuals, jurisdiction, venue, competence of arbitration court, termination of bankruptcy proceedings

For citation: Bezikova E. V. Delimitation of the competence of arbitration courts and courts of general jurisdiction in the bankruptcy of individuals. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(11):75-83. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.11.75-83.

судопроизводства в рамках рассмотрения дела по существу [1].

В основу принципа разграничения полномочий арбитражного суда и суда общей юрисдикции положены критерии субъектного состава сторон, сущность спорного правоотношения и «необходимость учета обстоятельств и поведения сторон, сопутствующих поданному исковому требованию» [2].

Как отмечает Е. Е. Уксусова, в контексте гражданско-процессуальной сферы несостоятельности (банкротства) проблема взаимосвязанных судопроизводств имманентно связана не только с определением законного суда, его компетенцией, но и с надлежащей процессуальной формой, в рамках которой она осуществляется при разрешении спора по существу. Законодательным форматом такой формы определяется весь допускаемый законом процессуальный инструментарий для суда и участников процесса, регламент и реализация которого должны обеспечить принятие правосудных судебных актов [3, с. 102].

Возврат искового заявления: когда суд прав и когда ошибается

К исключительной компетенции арбитражного суда отнесены заявления о признании должника банкротом (ч. 4 ст. 38 АПК РФ).

Согласно Федеральному закону от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»[2] (далее – Закон о банкротстве) дела о несостоятельности (банкротстве) юридических лиц и граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, рассматриваются арбитражным судом и отнесены к специальной компетенции арбитражных судов.

В п. 1 ч. 1 ст. 129 АПК РФ, п. 1 ч. 1 ст. 229.4 АПК РФ, п. 2 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ с учетом разъяснений, изложенных в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 62[3] и от 18 апреля 2017 г. № 10[4], суды возвращают исковое заявление, если при рассмотрении вопроса о принятии к производству установят, что данное дело относится к той категории, что неподсудна указанному звену или уровню суда.

Указанная правовая позиция подтверждена судебной практикой[5].

Встречаются и случаи возврата искового заявления с нарушением судами норм процессуального права.

Так, определение нижестоящего суда о возврате искового заявления МИ ФНС № 13 по Московской области к должнику-гражданину (к гражданину перешло право требования к ООО «Авторус») было отменено судом апелляционной инстанции. Суд указал, что МИ ФНС России не является конкурсным кредитором ООО «Авторус»; истец вправе предъявлять исковые требования о признании недействительной сделки, тем более что ООО «Авторус» не являлось стороной сделки в суде общей юрисдикции. С учетом изложенного ограничения, предусмотренные ст. 61.8 Закона о банкротстве, на право МИ ФНС № 13 по предъявлению иска о признании сделки недействительной не распространяются[6].

Последствием возврата заявления судом выступает прекращение процессуальных действий.

Передача дела из суда общей юрисдикции в арбитражный суд

В силу п. 3 ч. 2 ст. 33 ГПК РФ можно заключить: суд общей юрисдикции должен передать требование кредитора на рассмотрение арбитражному суду, если спор подлежит рассмотрению арбитражным судом и указанное обстоятельство выяснится после принятия к производству искового заявления[7]. Такой вывод подтверждается судебной практикой[8].

---

2 Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

3 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2016 г. № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве» (абз. 2 п. 1.1) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 2.

4 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2017 г. № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве» (абз. 3 п. 20) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 6.

5 См., например, апелляционное определение Свердловского областного суда от 21 января 2022 г. № 9-1026/2021(М-6180/2021), 33-1558/2022(33-20709/2021); определения Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28 июля 2023 г. № 88-12781/2023 по делу № 2-994/2023, от 31 августа 2022 г. по делу № 88-12862/2022 и др. Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

6 Определение Перовского районного суда г. Москвы от 14 апреля 2022 г. по делу № М-3306/2021.

7 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 26 «О некоторых вопросах применения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с введением в действие Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 10.

8 См. определения Солнечногорского городского суда Московской области от 13 апреля 2022 г. по делу № 2-2134/2022, Октябрьского районного суда г. Барнаула от 21 ноября 2023 г. по делу № 2-2133/20234; апелляционное

Вопрос о передаче дела из суда общей юрисдикции в арбитражный суд решается после принятия искового заявления и возбуждения производства по делу. После поступления дела из суда общей юрисдикции арбитражный суд не вправе оставить без движения или возвратить исковое заявление, принятое другим судом, а должен исходя из смысла ч. 6 ст. 39 АПК РФ вынести определение о принятии дела к рассмотрению. При этом арбитражный суд вправе оставить исковое заявление без рассмотрения по основаниям, указанным в ст. 148 АПК РФ, либо прекратить производство по делу, если установит наличие оснований, указанных в ст. 150 АПК РФ[9]. Для судов общей юрисдикции производство по делу прекращается в соответствующей части на основании ст. 220 ГПК РФ.

Оставление без рассмотрения и прекращение производства: как не перепутать

В том случае, когда требование о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда было предъявлено в государственный суд после введения процедуры наблюдения в отношении должника, поданное заявление подлежит оставлению арбитражным судом без рассмотрения в отношении этого должника (п. 4 ч. 1 ст. 148 АПК РФ), судами общей юрисдикции производство по делу прекращается (абз. 2 ст. 220 ГПК РФ), а кредитор вправе заявить имеющееся требование в ином судебном порядке на основании ст. 71 Закона о банкротстве[10].

Положение закона (абз. 3 ст. 220 ГПК РФ) предусматривает возможность прекращения производства по делу только в случаях, когда право на судебную защиту реализовано в состоявшемся ранее судебном процессе и направлено на пресечение рассмотрения судами тождественных исков. При отсутствии хотя бы одного из вышеперечисленных условий идентичности иска прекращение производства по делу не может быть признано законным.

Несовпадение оснований иска в суде общей юрисдикции (по ст. 170 ГК РФ) и оснований спора по ст. 61.2 Закона о банкротстве исключает тождественность указанных споров и, как следствие, свидетельствует об отсутствии оснований для прекращения производства по делу[11].

Резюмируем случаи оставления искового заявления без рассмотрения (п. 4 ст. 148 АПК РФ) – заявлено требование, которое в соответствии с федеральным законом должно быть рассмотрено в деле о банкротстве, и дело принято к производству[12].

Исходя из абз. 3 п. 2 ст. 213.11 Закона о банкротстве можно заключить, что суд общей юрисдикции утрачивает компетенцию по рассмотрению спора с даты вынесения арбитражным судом определения о признании обоснованным заявления о признании гражданина банкротом и введении реструктури-

определение Верховного суда Удмуртской Республики от 22 марта 2023 г. № 33-1032/2023; определение Судебной коллегии по гражданским делам Ярославского областного суда от 4 декабря 2023 г. по делу № 33-8142/2023.

[9] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2022. № 3.

[10] Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 июня 2020 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 10. Аналогичный вывод представлен, например, в определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 3 мая 2024 г. № 88-8508/2024, определении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28 февраля 2023 г. № 88-7318/2023.

[11] См., например, определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 9 апреля 2024 г. № 88-6779/2024.

[12] В то же время в ст. 222 ГПК РФ, содержащей закрытый перечень норм, аналогичное основание оставления иска без рассмотрения отсутствует.

Вопрос о передаче дела из суда общей юрисдикции в арбитражный суд решается после принятия искового заявления и возбуждения производства по делу

зации его долгов в отношении должника, а исковые заявления с этого момента подлежат оставлению судом без рассмотрения.

Текущие платежи: что не попадает в дело о банкротстве

В соответствии со ст. 213.2 Закона о банкротстве при рассмотрении дела о банкротстве гражданина применяются реструктуризация долгов гражданина, реализация имущества гражданина, мировое соглашение.

С момента, когда арбитражный суд вынес определение об обоснованности признания гражданина банкротом и введения реструктуризации его долгов, наступают регламентированные последствия, а именно: требования кредиторов по денежным обязательствам, об уплате обязательных платежей (за исключением текущих платежей), требования о признании права собственности, об истребовании имущества из чужого незаконного владения, о признании недействительными сделок и о применении последствий недействительности ничтожных сделок могут быть предъявлены только в порядке, установленном анализируемым законом.

Текущими являются только денежные обязательства и обязательные платежи, возникшие после возбуждения дела о банкротстве. Денежные обязательства и обязательные платежи, возникшие до возбуждения дела о банкротстве, независимо от срока их исполнения, не являются текущими ни в какой процедуре.

В частности, в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 июля 2009 г. № 63[13] разъяснено, какие требования являются текущими в договорных обязательствах, предусматривающих периодическое внесение должником платы за пользование имуществом (требования об оплате за те периоды времени, которые истекли после возбуждения дела о банкротстве (п. 2), и когда возникает обязательство возвратить денежную сумму, предоставленную заемщику (с момента исполнения кредитором соответствующей обязанности по передаче товаров, выполнению работ либо оказанию услуг (п. 3) и т. д.).

Так, в судебном решении отмечается, что обязательства ответчика по внесению платы за пользование земельным участком в спорный период являются текущими платежами, в связи с чем суд удовлетворил исковые требования[14].

При решении вопроса о том, подлежит ли разрешению в суде в порядке гражданского судопроизводства требование банка после смерти заемщика к его наследникам о взыскании образовавшейся задолженности по кредитному договору (наследники после принятия наследства были признаны банкротом), Верховный Суд РФ[15] определил, что право

[13] Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 июля 2009 г. № 63 «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. № 9. 2009.

[14] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 4 апреля 2023 г. по делу № 39-КГ23-2-К1.

[15] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16 июля 2024 г. № 21-КГ24-2-К5.

требования исполнения обязательств по кредитному договору к наследникам умершего заемщика у истца возникло с момента открытия наследства и до возбуждения в отношении наследников дела о банкротстве, в связи с чем подлежало предъявлению в рамках дела о банкротстве.

Ошибки судов общей юрисдикции

С момента введения процедуры о банкротстве все требования кредиторов по денежным обязательствам, об уплате обязательных платежей, за исключением текущих платежей, и перечисленные выше требования предъявляются и рассматриваются только в рамках дела о банкротстве. Однако в практике встречаются ситуации, когда судами общей юрисдикции с учетом требований ст. 22 ГПК РФ, положений ст. 126, 213.25 Закона о банкротстве не ставится вопрос о том, относится ли рассмотрение настоящего спора к компетенции судов общей юрисдикции[16].

Судам общей юрисдикции необходимо оставлять исковые заявления, содержащие требования, указанные выше, без рассмотрения. Данная правовая позиция подтверждена судебной практикой Верховного суда РФ[17].

Вместе с тем в практике судов общей юрисдикции встречаются случаи прекращения производства по делам указанной категории, когда иск необходимо рассматривать по существу[18].

Как разъяснено в абз. 3 п. 72 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 16[19], если судом первой инстанции не были разрешены вопросы, относящиеся к его ведению, суд апелляционной инстанции, отменяя такие определения, направляет гражданское дело или материалы в суд первой инстанции для разрешения соответствующих вопросов или для рассмотрения дела по существу.

Если в суде общей юрисдикции заявлено несколько субъектов (к примеру, в кредитных или залоговых спорах), то оставлять иск без рассмотрения следует только в отношении гражданина-банкрота.

Если иск по общегражданским основаниям заявляет должник (а не кредитор)[20], то применять норму ч. 2 ст. 213.11 Закона о банкротстве (оставлять заявление без рассмотрения) будет неверным.

Верховный Суд РФ разъяснил, что недействительными сделки должника или иных лиц от его имени могут быть признаны как по специальным нормам (Закону о банкротстве), так и по общим основаниям, предусмотренным в ГК РФ. Статьей 213.11 Закона о банкротстве определена процедура предъявления требований кредиторов к должнику, и из буквального толкования данного Закона следует, что иск о признании недействительными сделок, стороной которых является должник-банкрот, принятый к производству судом общей юрисдикции до даты вынесения арбитражным судом определения о признании обоснованным заявления о признании гражданина банкротом и введении реструктуризации его долгов, под-

[16] Определение Верховного Суда РФ от 20 декабря 2022 г. № 18-КГ22-127-К4.

[17] Определение Верховного Суда РФ от 18 февраля 2020 г. № 18-КГ19-187.

[18] См., например, определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 12 мая 2023 г. № 88-12683/2023.

[19] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2021. № 7.

[20] То есть не по специальным основаниям, установленным в гл. III.1 Закона о банкротстве. Согласно п. 1 ст. 61.1 Закона о банкротстве сделки, совершенные должником или другими лицами за счет должника, могут быть признаны недействительными в соответствии с ГК РФ, а также по основаниям и в порядке, которые указаны в Законе о банкротстве.

> *Если иск по общегражданским основаниям заявляет должник (а не кредитор), то оставлять заявление без рассмотрения будет неверным*

лежит оставлению без рассмотрения, если истцом по такому спору является кредитор, а не должник[21].

Если производство по делу о банкротстве в отношении ответчика прекращено, то дело должно быть рассмотрено по существу и рассмотренное выше правило не применяется.

Так, согласно п. 1 ст. 100 Закона о банкротстве кредиторы вправе предъявить свои требования к должнику в любой момент в ходе внешнего управления. Если после признания ответчика банкротом в рамках другого дела производство по этому (банкротному) делу было прекращено, то не возникает оснований для оставления другого иска кредитора без рассмотрения либо прекращения производства по делу[22].

Принцип банкротного приоритета и пределы его реализации

Как было отмечено в рамках представленного исследования, определяющим моментом отнесения того или иного дела к компетенции арбитражных судов является субъектный состав, а также предмет спора, экономический (предпринимательский) характер требования[23].

Действующее законодательство предусматривает неполную реализацию принципа банкротного приоритета. В частности, текущие требования к должнику устанавливаются вне рамок дела о банкротстве (абз. 1 п. 1 ст. 63 Закона о банкротстве). Оспаривание сделок по общегражданским основаниям иными лицами, нежели арбитражный управляющий, относится к компетенции суда, определенной без учета положений Закона о банкротстве. Имеется приоритет общих правил определения компетенции по некоторым обособленным спорам, например гражданский иск к должнику в уголовном процессе (ч. 10 ст. 31 УПК РФ), требования, вытекающие из семейных правоотношений (п. 1 ч. 1 ст. 22 ГПК РФ).

Стоит согласиться с мнением Ю. Д. Подольского о том, что более верным была бы полная концентрация всех имущественных споров в отношении банкрота в одном суде, поскольку цель процесса – урегулирование несостоятельности должника путем распределения конкурсной массы на массив подтвержденных требований кредиторов [4, с. 112–113].

Выводы для правоприменителя

Для определения компетенции суда общей юрисдикции при наличии дела о банкротстве гражданина необходимо исходить из следующих правил.

1. Суд общей юрисдикции сохраняет компетенцию по спору с участием гражданина до тех пор, пока не установлено, что заявленное требование относится к категории требова-

---

[21] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25 мая 2021 г. № 4-КГ21-21К1, 2-883/2020.

[22] Определение Верховного Суда РФ от 17 марта 2020 г. № 18-КГ20-11.

[23] См. постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 9 декабря 2002 г. № 11 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» (п. 2).

ний, для которых Законом о банкротстве установлен специальный порядок рассмотрения в рамках дела о банкротстве.

2. Ключевым моментом изменения процессуального режима требований, возникших до банкротства гражданина, является вынесение арбитражным судом определения о признании обоснованным заявления о признании гражданина банкротом и введении реструктуризации долгов гражданина. С этого момента требования, на которые распространяется ст. 213.11 Закона о банкротстве, подлежат рассмотрению в рамках дела о банкротстве, а находящиеся в производстве суда общей юрисдикции соответствующие иски оставляются без рассмотрения.

3. Оставление иска без рассмотрения (можно добавить фразу «как процессуальное действие») применяется, если установлено, что требование относится к категории требований, подлежащих рассмотрению исключительно в деле о банкротстве, и отсутствует предусмотренное законом исключение. Само по себе наличие дела о банкротстве не является достаточным основанием для оставления любого иска без рассмотрения.

4. Правило об оставлении иска без рассмотрения не применяется к требованиям, имеющим характер текущих платежей. Для определения текущего характера требования учитывается момент возникновения соответствующего обязательства, а не срок его исполнения. По периодическим и длящимся обязательствам необходимо разграничивать обязательства, возникшие до и после даты принятия заявления о признании гражданина банкротом.

5. Если иск заявлен самим гражданином-должником, суд не должен автоматически оставлять его без рассмотрения только в связи с наличием дела о банкротстве. Необходимо установить характер требования, защищаемый материальный интерес и наличие специального порядка рассмотрения такого требования в деле о банкротстве.

6. При наличии нескольких ответчиков последствия банкротства одного из них не распространяются автоматически на требования к другим ответчикам. Суд должен определить, возможно ли раздельное рассмотрение требований с учетом характера спорного правоотношения и правил процессуального законодательства о соединении и разделении требований. Если требования к банкроту и к другим ответчикам имеют самостоятельный предмет и могут быть рассмотрены раздельно, процессуальное последствие, обусловленное банкротством, применяется к соответствующему требованию, а не ко всему спору.

7. Прекращение производства по делу о банкротстве устраняет основание для дальнейшей концентрации соответствующего требования исключительно в рамках этого дела. Однако прекращение банкротного дела само по себе не означает автоматического возобновления ранее оставленного без рассмотрения иска. Суду необходимо определить дальнейший процессуальный порядок рассмотрения требования с учетом причины прекращения дела о банкротстве и процессуального положения сторон.

8. Прекращение производства по иску и оставление иска без рассмотрения являются различными процессуальными последствиями. Оставление иска без рассмотрения применяется в случаях, когда спор не может рассматриваться в данном процессе вследствие установленного законом специального порядка его рассмотрения. Прекращение производства допускается только при наличии самостоятельного основания, предусмотренного процессуальным законом, в частности вступившего в законную силу судебного акта по тождественному спору.

9. При квалификации требований о недействительности сделок суд должен разграничивать общегражданские и специальные банкротные основания их предъявления. При этом само по себе использование норм

гражданского законодательства не исключает применения специального процессуального порядка, если заявленное требование относится к категории требований, предусмотренных ст. 213.11 Закона о банкротстве.

Список источников

1. Малявина Н. Б. Проблема разграничения компетенции арбитражных судов и судов общей юрисдикции по рассмотрению различных категорий дел // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 5. С. 18–22.
2. Бараданченкова Н. Е. Компетенция арбитражных судов: новые аспекты правоприменения // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 7. С. 21–22.
3. Уксусова Е. Е. Несостоятельность (банкротство) в России и судебная защита прав: гражданско-процессуальная сфера судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 10. С. 88–103.
4. Подольский Ю. Д. Обособленные споры в банкротстве : моногр. М. : Статут, 2020. 171 с.

Информация об авторе

Е. В. Безикова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры финансового права РГУП им. В. М. Лебедева, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин и правоохранительной деятельности ТУСУР.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сроки утверждения

Статья поступила в редакцию 17.06.2025.

Одобрена после рецензирования 01.07.2025.

Принята к публикации 23.09.2026.

References

1. Malyavina N. B. The problem of demarcation of competence of commercial courts and general jurisdiction courts over review of various case categories. *Arbitrazh and Civil Procedure*. 2022;(5):18-22. (In Russ.)

2. Baradanchenkova N. E. The competence of commercial courts: new aspects of law enforcement. *Arbitrazh and Civil Procedure*. 2022;(7):21-22. (In Russ.)

3. Uksusova E. E. Insolvency (bankruptcy) in Russia and judicial protection of rights: sphere of civil procedure in court proceedings. *Actual Problems of Russian Law*. 2017;(10):88-103. (In Russ.)

4. Podolskij Yu. D. *Separate disputes in bankruptcy*. Moscow: Statut; 2020. 171 p. (In Russ.)

Information about the author

E. V. Bezikova – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Financial Law Department of the RSUJ named after V. M. Lebedev, Associate Professor at the State-Legal Disciplines and Law Enforcement Department of the TUSUR.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Approval deadlines

The article was submitted 17.06.2025.

Approved after reviewing 01.07.2025.

Accepted for publication 23.09.2026.

DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.11.84-91

Автор статьи

Вячеслав Владимирович Адамович

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация

TRIGER228@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0008-5348-8763

Научная статья

Российское правосудие. 2026. № 11. С. 84–91

Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 11. P. 84–91

УДК 343.575

Изменение подхода к толкованию незаконного сбыта предметов наркопреступлений

Почему изменился подход к сбыту

Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (далее – наркотические средства) остается одной из угроз национальной безопасности, и противодействие ему требует постоянной настройки правоприменения. Одним из шагов в этом направлении стало изменение Верховным Судом РФ в 2015 г. подхода к понятию «незаконный сбыт». Основная причина – цифровизация, изменившая наркопреступность: преобладающим стал бесконтактный способ распространения.

Как пишет Е. Н. Шевченко, бесконтактный сбыт характеризуется разветвленной сетью соучастников, каждый из которых выполняет эпизодическую роль в достижении общей цели отчуждения наркотиков [1, с. 16]. Оборот наркотических средств стал деятельностью из последовательных актов, выполняемых одним или разными лицами по распределенным ролям. О. А. Евланова еще в 2009 г. отмечала формирование в России наркомафии – многопрофильной структуры, организующей производство, переработку, транспортировку и распространение наркотических средств в общенациональном масштабе [2, с. 27]. Общественная опасность сбыта резко возросла: он превратился в массовое явление и самостоятельный сектор теневой экономики, чему способствовали интернет-площадки, исключающие визуальный контакт сбытчика и покупателя, агрессивная реклама наркомагазинов, высокая доходность и дешевизна кустарного производства.

Прежняя редакция постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»[1] (далее – Поста-

[1] Российская газета. 2006. 28 июня.

© Адамович В. В., 2026

Аннотация. Рассматривается изменение подхода Верховного Суда РФ к толкованию понятия «незаконный сбыт» наркотических средств: в 2015 г. сбыт стал пониматься не как сделка, а как деятельность, направленная на реализацию. На материале практики Верховного Суда РФ, кассационных судов и районных судов 2018–2026 гг., а также анализа 100 уголовных дел показано, что такое толкование, во-первых, расширило круг действий, образующих цикл движения предмета преступления к потребителю, и позволило противодействовать организованным и бесконтактным формам сбыта, в том числе квалифицировать размещение закладок из одной партии как единое продолжаемое преступление. Во-вторых, новый подход сохранил возможность квалифицировать как сбыт и однократную передачу предмета преступления приобретателю.

Ключевые слова: преступление, сбыт, наркотические средства, толкование, наркопреступность, передача, деятельность

Для цитирования: Адамович В. В. Изменение подхода к толкованию незаконного сбыта предметов наркопреступлений // Российское правосудие. 2026. № 11. С. 84–91. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.11.84-91.

A Change in the Approach to Interpreting the Illegal Sale of Narcotic Drugs

Vyacheslav V. Adamovich, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article examines the change in the Supreme Court's interpretation of the "illegal sale" of narcotic drugs: since 2015, a sale has been understood not as a transaction but as an activity aimed at disposal. Based on the case law of the Supreme Court, cassation and district courts in 2018–2026 and an analysis of 100 criminal cases, the article shows that this interpretation, first, extended the range of acts forming the cycle of movement of drugs to the consumer and made it possible to counter organised and contactless forms of sale, including qualifying the placement of caches from one batch as a single continuing offence. Second, the new approach preserved the possibility of qualifying a one-time transfer of drugs to the acquirer as a sale.

Keywords: crime, sale, narcotic drugs, interpretation, drug crime, transfer, activity

For citation: Adamovich V. V. A change in the approach to interpreting the illegal sale of narcotic drugs. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(11):84-91. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.11.84-91.

новление № 14) понимала сбыт как любые способы возмездной или безвозмездной передачи наркотических средств другим лицам (продажа, дарение, обмен, уплата долга, дача взаймы и т. д.), а также иные способы реализации, например путем введения инъекции. Такой подход имел три недостатка.

Во-первых, сбыт понимался как сделка, окончание которой связывалось с фактическим получением наркотического средства приобретателем, что не позволяло эффективно бороться с бесконтактным сбытом[2]. Так, в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19 декабря 2018 г. № 5-УД18-183 действия лица, разместившего три закладки и задержанного при попытке разместить четвертую, не успевшего сообщить приобретателю о месте тайника, переквалифицированы с ч. 1 ст. 228.1 УК РФ на ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 228.1 УК РФ, поскольку умысел реализован лишь частично[3].

Во-вторых, объективную сторону сбыта образовывали лишь завершающие действия, а опасность действий, предшествующих передаче, но также направленных на от-

[2] *Бычкова А. М.* Уголовно-правовые меры противодействия наркопреступности : учеб. пособие. Иркутск : Байкал. гос. ун-т, 2018. С. 35.

[3] Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

чуждение, не учитывалась. В кассационном определении Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 17 ноября 2020 г. № 77-1090/2020 действия лица, заказавшего наркотическое средство в интернете, получившего его на почте и поместившего в свой автомобиль, переквалифицированы с ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ на ч. 1 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ: по Постановлению № 14 в редакции, действовавшей до 30 июня 2015 г., приобретение, хранение, перевозка, изготовление и переработка в целях сбыта квалифицировались как приготовление, и оценка их как покушения ухудшила положение осужденного[4].

В-третьих, для уяснения сущности деяния ученые стали привлекать цивилистические конструкции – категории владения, пользования и распоряжения, нормы о праве собственности [3, с. 53–58].

Сбыт как деятельность

После изменений, внесенных 30 июня 2015 г.[5], Постановление № 14 определяет незаконный сбыт как незаконную деятельность лица, направленную на возмездную либо безвозмездную реализацию наркотических средств другому лицу. Новый подход позволил подчеркнуть, что сбыт – не только одно действие конкретного лица по передаче предмета преступления приобретателю, а процесс: совокупность операций по продвижению предмета преступления до конечного приобретателя, осуществляемых одним или разными лицами. Этого требовали и усложнение механизма распространения наркотических средств, и недостатки прежнего регулирования.

Систематический сбыт, представляющий собой цикл действий, способен углублять и расширять наркотизацию населения [4, с. 24] и дестабилизировать широкий круг общественных отношений [5, с. 15]. Росло и число случаев организованного сбыта, при котором преступление превращалось в систему действий многих лиц, по сути представляющую собой деятельность. П. В. Агапов пишет, что организованная преступная деятельность – «не случайный набор, а именно единая, целостная система организованных преступлений, между которыми существуют устойчивые взаимосвязи» [6, с. 20]. Так, в приговоре Куйбышевского районного суда г. Новокузнецка от 18 сентября 2024 г. № 1-347/2024 указано, что осужденный из корыстных побуждений выразил согласие на соучастие в преступной деятельности, связанной с незаконным сбытом наркотических средств[6].

Вместе с тем деятельность по сбыту может быть и одиночной: лицо, не входящее в преступное формирование, также выполняет последовательность действий, ведущих к реализации. Поэтому понятие незаконного сбыта не следует связывать только с групповыми формами. Приговором Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 9 февраля 2021 г. № 1-63/2021 установлено, что А., имея умысел на реализацию наркотических средств неопределенному кругу лиц, приобрел через сеть «Интернет» сверток с двумя пакетами мефедрона массой не менее 40,01 г (крупный размер), дома с помощью электронных весов расфасовал его на мелкие разовые дозы (9 свертков и пакет «зип-лок»), часть продолжил хранить дома, часть – при себе и был задержан при попытке продать

[4] URL: https://3kas.sudrf.ru (дата обращения: 27.08.2026).

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 30 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 “О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами”».

[6] URL: https://sudact.ru/regular/doc/GsZImVpgcX1i/ (дата обращения: 30.11.2025).

Верховный Суд РФ применил категорию «деятельность», охватывающую многообразие действий, образующих цикл движения предмета преступления до потребителя

0,75 г при личной встрече, не доведя умысел до конца[7].

Отказавшись от понимания сбыта как сделки, Верховный Суд РФ применил категорию «деятельность», охватывающую многообразие действий, образующих цикл движения предмета преступления до потребителя [7, с. 86]. Н. Ф. Мурашов оценил это так: сбыт стал односторонней сделкой, исключающей из его состава получение средств приобретателем [8, с. 15]. Другие авторы констатировали, что пределы объективной стороны существенно расширились [9, с. 11; 10, с. 40]. М. В. Кирюшкин подчеркивает, что понятие «реализация» охватывает не только передачу, но и иные действия, направленные на отчуждение, поэтому деятельность по реализации имеет место еще до смены владельца вещи [10, с. 35–36].

Включив в сбыт незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление и переработку, совершенные в целях последующей реализации (п. 13.2 Постановления № 14), Верховный Суд РФ последовательно расширил инструменты противодействия обороту. Это отразилось в практике: в кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 февраля 2023 г. № 25-УД22-36-К4 указано, что приобретение наркотического средства из тайника-закладки и его хранение в целях сбыта составляют объективную сторону незаконного сбыта, поэтому, хотя средство так и не было передано приобретателю, действия верно квалифицированы по ч. 3 ст. 30, п. «а», «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ.

Деятельность как форма общественно опасного деяния складывается из совокупности операций, каждая из которых включает систематические, повторяющиеся действия, объединенные в единое преступление [11, с. 434]. Ее свойства – целесообразность и системность. Целесообразность означает наличие цели, для достижения которой совершаются умышленные действия; при сбыте это цель отчуждения предмета преступления другому лицу. В приговоре Лазаревского районного суда г. Сочи от 29 июля 2025 г. № 1-284/2025 указано, что примерно в 2021 г. у неустановленных лиц, преследовавших цель незаконного сбыта наркотических средств на территории России и осознававших высокую доходность такой деятельности, возник умысел на их реализацию в крупном размере группой лиц по предварительному сговору с целью извлечения постоянного дохода[8].

Системность означает внутреннюю взаимосвязь всех актов поведения, образующих единую конструкцию с новыми свойствами: изменение одного элемента меняет остальные. Сбыт осуществляется через последовательные операции – приобретение, изготовление или производство, расфасовку, хранение, перемещение, доведение до приобретателя информации о тайнике. В приговоре Верховного Суда Республики Коми от 12 января 2023 г. № 2-5/2023 схема выглядела так:

[7] URL: https://leninskyeka--svd.sudrf.ru (дата обращения: 25.02.2026).

[8] URL: https://sudact.ru/regular/doc/sL1Fnm9SE1rT/ (дата обращения: 28.01.2026).

«склад» – «курьер» – «мини-склад» – «закладчик» – «покупатель»[9].

Закладки из одной партии – единое продолжаемое преступление

Системность позволяет связать разрозненные акты размещения закладок в единое продолжаемое преступление, объединенное умыслом на сбыт всей партии. В кассационном определении Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 13 августа 2026 г. № 77-2179/2026 суд не согласился с квалификацией действий как совокупности пяти преступлений по ч. 3 ст. 30, п. «а», «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ: осужденный единовременно приобрел оптовую партию, расфасовал ее и в короткий промежуток времени разместил в тайники на определенной территории, т. е. действовал с единым умыслом на сбыт всей партии. Действия переквалифицированы на единое продолжаемое преступление по ч. 3 ст. 30, п. «а», «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ[10].

В кассационном определении того же суда от 6 августа 2026 г. № 77-2236/2026 девять преступлений по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ и одно по ч. 3 ст. 30, п. «а», «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ переквалифицированы на единое продолжаемое преступление по ч. 3 ст. 30, п. «а», «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ, поскольку действия по получению оптовой партии гашиша массой не менее 28,005 г были объединены единым умыслом на сбыт всего объема[11].

Разъяснения Верховного Суда РФ, таким образом, сформировали правовой инструментарий, сместивший акцент с единичных фактов сбыта на противодействие его сложным формам – циклу операций по реализации предмета преступления конечному потребителю.

Однократная передача тоже остается сбытом

Переориентация на противодействие сбыту как масштабной деятельности породила вопрос: образует ли сбыт простая передача предмета преступления приобретателю? Анализ 100 уголовных дел о сбыте наркотических средств за 2024–2025 гг. из Ленинградской, Московской, Костромской, Кемеровской областей, Приморского и Красноярского краев и других субъектов показал, что в 49% случаев сбыт совершается в форме преступной деятельности, а в 51% – фактически представляет собой единичный акт.

По смыслу закона использование категории «деятельность» для определения содержания сбыта не предопределяет отказа от уголовно-правовой оценки как сбыта действий, составляющих разовую передачу наркотических средств приобретателю. Как отмечает К. А. Волков, эта категория сама по себе не свидетельствует об отказе Верховного Суда РФ признавать сбытом однократную возмездную или безвозмездную передачу предмета преступления другому лицу [12, с. 8]. На это указывают и разъяснения о том, что передача может быть осуществлена любыми способами, в том числе непосредственно или путем введения инъекции (п. 13 Постановления № 14). Реализация может пониматься и как процесс передачи [13, с. 33].

Сущность однократного сбыта – в выполнении одного действия, которое завершает весь процесс реализации предмета преступления другому лицу: умыслом лица изначально охватывается разовое отчуждение, и его выполнение завершает преступление. Такой «бытовой» сбыт представляется менее опасным, чем сбыт через совокупность действий по продвижению предмета преступления до

[9] URL: https://vs--komi.sudrf.ru (дата обращения: 28.01.2026).
[10] URL: https://4kas.sudrf.ru (дата обращения: 27.08.2026).
[11] URL: https://4kas.sudrf.ru (дата обращения: 27.08.2026).

Сущность однократного сбыта – в выполнении одного действия, которое завершает весь процесс реализации предмета преступления другому лицу

потребителя, обладающий бóльшим потенциалом вредоносности.

Можно ли отнести единичный акт к деятельности, положенной в основу толкования? На наш взгляд, однократный сбыт не образует деятельность в смысле операционного цикла, а является действием по реализации. Н. Ф. Мурашов отмечает, что в новой трактовке только передача наркотиков непосредственно и путем введения инъекции носит двусторонний характер и свидетельствует об оконченности действий (не деятельности) по незаконному сбыту и получению наркотиков [8, с. 14]. Реализация здесь выражается в передаче предмета преступления другому лицу, а передача, в свою очередь, – один из структурных элементов более сложных форм распространения в виде систематической деятельности, складывающейся из совокупности охватываемых единым умыслом подобных действий, что не исключает преступности самой разовой сделки [14, с. 7].

Такие ситуации отражены в практике. Приговором Усманского районного суда Липецкой области от 17 апреля 2024 г. № 1-42/2024 (1-208/2023) установлено, что осужденный сбыл закупщику П. сверток с каннабисом (марихуаной) массой 7,86 г в высушенном виде[12].

В приговоре Центрального районного суда г. Симферополя от 2 мая 2024 г. № 1-151/2024 осужденный на лестничной площадке сбыл за 1000 руб. лицу, участвовавшему в проверочной закупке, пакет с каннабисом (марихуаной)[13].

Выводы

Верховный Суд РФ расширил границы незаконного сбыта наркотических средств и иных запрещенных веществ, создав условия для противодействия как единичному акту передачи, так и деятельности из совокупности актов, направленных на отчуждение предмета преступления.

Толкование сбыта через категорию «деятельность» позволило бороться со сложными бесконтактными формами и при этом сохранило возможность квалифицировать как сбыт однократную передачу.

Такой подход позволяет различать виды сбыта: в форме одиночной или групповой деятельности и единичный сбыт в форме действия по передаче предмета преступления приобретателю. Это дает возможность учесть общественную опасность действий, предшествующих передаче и образующих операционный цикл движения наркотических средств до конечного потребителя, а также квалифицировать размещение закладок из одной партии, объединенное единым умыслом, как одно продолжаемое преступление.

Список источников

1. Шевченко Е. Н. Организация сбыта и групповой сбыт наркотических средств: проблемы разграничения // Наркоконтроль. 2020. № 3. С. 14–18.

[12] URL: https://sudact.ru/regular/doc/q54tVeBQ5YmV/ (дата обращения: 23.11.2025).

[13] URL: https://sudact.ru/regular/doc/9KJBvi9mJTUe/ (дата обращения: 23.11.2025).

2. Евланова О. А. Вопросы противодействия организованной наркопреступности в России // Вестник Академии прокуратуры Российской Федерации. 2009. № 3. С. 26–29.
3. Шевченко Е. Н. Проблемы использования цивилистических категорий при квалификации посредничества в незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ // Правоприменительная деятельность: история и современность: материалы Междунар. науч. конф. (Псков, 27 июня 2017 г.) / отв. ред. В. Е. Егоров. Псков : Псковский государственный университет, 2017. С. 52–60.
4. Вьюнов А. В. Общественная опасность преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 11. С. 24–27.
5. Антонов А. Г., Витовская Е. С. О степени общественной опасности преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Вестник Пермского института ФСИН России. 2023. № 4. С. 12–19.
6. Агапов П. В. Основы противодействия организованной преступной деятельности : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2013. 60 с.
7. Мясников В. В. К вопросу определения стадий преступной деятельности при квалификации незаконного сбыта наркотических средств и психотропных веществ (по материалам решений Верховного Суда Российской Федерации) // Юристъ-Правоведъ. 2017. № 3. С. 85–89.
8. Мурашов Н. Ф. О проблемных положениях новой редакции постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 // Наркоконтроль. 2016. № 1. С. 11–21.
9. Борков В. Н. Ответственность за сбыт наркотических средств, а также за создание условий для их сбыта // Наркоконтроль. 2020. № 3. С. 10–13.
10. Кирюшкин М. В. Проблемы применения новых правил квалификации действий, совершенных в целях сбыта наркотических средств // Уголовное право. 2016. № 1. С. 34–40.
11. Ермакова О. В. Концептуальные основы отражения общественно опасного деяния и механизма его совершения в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации : дис. … д-ра юрид. наук. Барнаул, 2023. 551 с.
12. Волков К. А. Постановление Пленума Верховного Суда по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: новое – это хорошо забытое старое // Наркоконтроль. 2015. № 3. С. 6–10.
13. Ермакова О. В. Судебно-уголовная политика в сфере незаконного оборота наркотических средств // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 3. С. 31–36.
14. Винокуров В. Н. Квалификация преступлений, предусмотренных ст. 228, 228.1 УК РФ, в свете новой редакции постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Наркоконтроль. 2015. № 4. С. 5–9.

Информация об авторе

В. В. Адамович – адъюнкт Санкт-Петербургского университета МВД России.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сроки утверждения

Статья поступила в редакцию 29.01.2026.

Одобрена после рецензирования 13.05.2026.

Принята к публикации 20.09.2026.

References

1. Shevchenko E. N. Organization of sale and sale of drugs by a group of persons: demarcation issues. *Narkokontrol' = Drug Control*. 2020;(3):14-18. (In Russ.)

2. Evlanova O. A. Issues of counteraction of organized drugcriminality in Russia. *Vestnik Akademii general'noj prokuratury Rossijskoj Federacii = Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2009;(3):26-29. (In Russ.)

3. Shevchenko E. N. The problems of using the civil law categories in the qualification of the intermediation in the illegal traffic in narcotic drugs and psychotropic substances. In: V. E. Egorov, ed. *Law enforcement: history and modernity*. Proceedings of the International Scientific Conference (Pskov, 27 June 2017). Pskov: Pskov State University; 2017. Pp. 52–60. (In Russ.)

4. Vyunov A. V. Public danger of illegal drug and psychotropic agent circulation crimes. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2006;(11):24-27. (In Russ.)

5. Antonov A. G., Vitovskaya E. S. On the degree of public danger of crimes in the field of illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances. *Journal of the Perm Institute of the FPS of Russia*. 2023;(4):12-19. (In Russ.)

6. Agapov P. V. *Fundamentals of countering organised criminal activity*. Abstract of Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2013. 60 p. (In Russ.)

7. Myasnikov V. V. The determination of the stages of the criminal activities in the classification of illegal sale of narcotic drugs and psychotropic substances (according to the decisions of the supreme court of the Russian Federation). *Yurist-Pravoved*. 2017;(3):85-89. (In Russ.)

8. Murashov N. F. On problematic provisions of the revised version of resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dd. June 15, 2006 no. 14. *Narkokontrol' = Drug Control*. 2016;(1):11-21. (In Russ.)

9. Borkov V. N. The liability for the sale and the creation of conditions for the sale of drugs. *Narkokontrol' = Drug Control*. 2020;(3):10-13. (In Russ.)

10. Kiryushkin M. V. Problems of application of new rules of classification of actions committed for the purposes of drug dealing. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*. 2016;(1):34-40. (In Russ.)

11. Ermakova O. V. *Conceptual foundations of reflecting a socially dangerous act and the mechanism of its commission in the norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation*. Dr. Sci. (Law) Dissertation. Barnaul; 2023. 551 p. (In Russ.)

12. Volkov K. A. Resolution of Plenum of the Supreme Court on cases of crimes connected to narcotic, psychotropic, drastic and poisonous substances: everything old is new again. *Narkokontrol' = Drug Control*. 2015;(3):6-10. (In Russ.)

13. Ermakova O. V. Judicial-criminal policy in the area of illicit trafficking in narcotic drugs. *Legal Order: History, Theory, Practice*. 2024;(3):31-36. (In Russ.)

14. Vinokurov V. N. Classification of crimes stipulated by Art. 228, 2281 of the Criminal Code of the Russian Federation in the light of new wording of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On court practice in cases involving crimes associated with narcotic drugs, psychotropic, potent and poisonous substances". *Narkokontrol' = Drug Control*. 2015;(4):5-9. (In Russ.)

Information about the author

V. V. Adamovich – Adjunct (postgraduate student), Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Approval deadlines

The article was submitted 29.01.2026.

Approved after reviewing 13.05.2026.

Accepted for publication 20.09.2026.

DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.11.92-101

Автор статьи

Александр Витальевич Смирнов

Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Санкт-Петербург, Российская Федерация

excelsiorsm@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1756-8941

Научная статья

Российское правосудие. 2026. № 11. С. 92–101

Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 11. P. 92–101

УДК 343.1

Исчисление процессуальных сроков в уголовном процессе: принципы неделимости единицы счета и благоприятствования личности

Процессуальные сроки – это сроки, установленные законом для совершения участниками судопроизводства определенных действий[1]. Они могут определяться конкретной датой, указанием на событие, которое должно наступить, либо периодом времени. В этой статье мы коснемся лишь последних, так как именно с их исчислением связаны, на наш взгляд, наибольшие практические трудности и отсутствие единства в правоприменении, обусловленные недостаточной теоретической разработкой вопроса и, как следствие, дефектами его правового регулирования. Как отмечает Л. В. Головко, «регулирование процессуальных сроков в уголовном судопроизводстве фрагментарно, хаотично и, по крайней мере на первый взгляд, не основано на какой-либо внятной единой концепции. Впрочем, иногда возникают сомнения, может ли такая концепция существовать в принципе»[2]. Возьмем на себя смелость утверждать, что подобная концепция вполне возможна. В данной статье предпринят опыт разработки ее основ.

[1] Существует и более пространное определение процессуальных сроков, включающее во временной интервал помимо совершения действий еще и принятие решений, а также воздержание от совершения действий (см.: [1, с. 21]; *Стельмах В. Ю.* Процессуальные сроки в уголовном судопроизводстве : учеб. пособие для вузов. М. : Юрайт, 2023. С. 25) , что само по себе правильно, в особенности для учебного пособия. Однако принятие решения – это тоже действие, а если установлен срок для совершения действия, то это можно понимать и так, что до наступления данного срока действие совершено быть не может. Таким образом, наше определение – просто более лаконичное выражение той же мысли.

[2] *Головко Л. В.* Институт процессуальных сроков в уголовном судопроизводстве: правовая природа и динамика развития // Zakon.ru. 30.06.2025. URL: https://zakon.ru/publication/igzakon/11225.

© Смирнов А. В., 2026

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы исчисления процессуальных сроков в уголовном судопроизводстве, вызванные пробелами в законе. Предложено делить сроки на организационно-управленческие (распорядительные) и правореализационные, а последние – на правоограничительные и правообеспечительные. Обосновывается принцип неделимости единицы счета, в том числе исчисление месячных сроков «от дня до дня» (a die ad diem) независимо от числа дней в месяце, что обеспечивает равенство и правовую определенность. Сформулирован принцип благоприятствования личности (favore privatorum) при округлении неполных суток: для сроков обжалования отсчет начинается со следующих суток, что увеличивает время на подачу жалобы, а в правообеспечительные сроки сутки наступления юридического факта включаются, ускоряя истечение срока в интересах свободы личности.

Ключевые слова: процессуальные сроки, исчисление сроков, принцип неделимости единицы счета, принцип благоприятствования личности (favore privatorum), правореализационные сроки, правообеспечительные сроки, правоограничительные сроки, a die ad diem (от дня до дня)

Для цитирования: Смирнов А. В. Исчисление процессуальных сроков в уголовном процессе: принципы неделимости единицы счета и благоприятствования личности // Российское правосудие. 2026. № 11. С. 92–101. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.11.92-101.

Computation of Procedural Time Limits in Criminal Proceedings: Principles of the Indivisibility of the Unit of Reckoning and Favoring the Individual

Aleksandr V. Smirnov, North-Western Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article addresses the problems of computing procedural time limits in criminal proceedings caused by gaps in the law. The author proposes to divide time limits into organizational-managerial (administrative) and right-realizing ones, the latter being subdivided into right-restricting and right-securing time limits. The principle of the indivisibility of the unit of reckoning is substantiated, including the computation of monthly time limits "from day to day" (a die ad diem) regardless of the number of days in a month, which ensures equality and legal certainty. The principle of favoring the individual (favore privatorum) in rounding incomplete days is formulated: for appeal time limits the countdown starts on the following day, which gives more time to file a complaint, while for right-securing time limits the day of the legal fact is included in the term, accelerating its expiry in the interests of personal liberty.

Keywords: procedural time limits, computation of time limits, principle of the indivisibility of the unit of reckoning, principle of favoring the individual (favore privatorum), right-realizing time limits, right-securing time limits, right-restricting time limits, a die ad diem (from day to day)

For citation: Smirnov A. V. Computation of procedural time limits in criminal proceedings: principles of the indivisibility of the unit of reckoning and favoring the individual. *Rossijskoe pravosudie* = *Russian Justice*. 2026;(11):92-101. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.11.92-101.

Распорядительные и правореализационные сроки

Согласно классическому подходу, предложенному еще И. Я. Фойницким, сроки распадаются на две разновидности: делопроизводственные, обеспечивающие внутреннюю организацию деятельности органов, ведущих процесс, и собственно процессуальные, т. е. обеспечивающие права сторон [2, с. 347]. Однако эта терминология сейчас видится несколько устаревшей.

Как представляется, в уголовном судопроизводстве процессуальные сроки, целесообразно разделить на две большие категории[3]. Первая – организационно-управленческие,

[3] Это не исключает классификации сроков и по иным основаниям (см., например: [1, с. 26–30]; *Стельмах В. Ю.* Указ. соч. С. 27–29).

или распорядительные, сроки, регулирующие отношения государственных органов и должностных лиц – участников процесса в целях упорядочения их внутренней деятельности, не затрагивающей напрямую реализацию прав сторон (например, сроки проведения неотложных следственных действий органами дознания, направления копий ряда постановлений следователя или дознавателя руководителю следственного органа или прокурору и т. п.). Вторая – правореализационные сроки, служащие использованию прав, исполнению обязанностей и соблюдению запретов. В свою очередь, правореализационные сроки можно разделить на правоограничительные и правообеспечительные. Первые служат соблюдению запретов, устанавливающих временные пределы осуществления прав и полномочий (например, сроки обжалования процессуальных решений, применения ряда мер процессуального принуждения[4] и др.). Вторые обеспечивают срочность исполнения органами и должностными лицами, ведущими процесс, своих обязанностей перед сторонами и иными участниками путем применения в эти сроки конкретных механизмов реализации их прав (при рассмотрении и разрешении ходатайств, обращений, жалоб и представлений, ознакомлении с материалами дела, освобождении от мер процессуального принуждения и т. д.).

Распорядительные (организационно-управленческие) сроки реализуются иначе, нежели правообеспечительные. В случае недостаточности некоторые из них (хотя и не все) могут продлеваться. То же относится и к отдельным видам правоограничительных сроков, касающихся деятельности публичных участников процесса (например, при применении in genere ряда мер пресечения, при продлении сроков предварительного расследования и т. д.). Другие же правоограничительные сроки (те, что лимитируют время для обжалования процессуальных решений, подачи замечаний на протокол судебного заседания) могут восстанавливаться в случае их пропуска по уважительным причинам. Различие состоит в том, что первые два вида сроков пролонгируются, а третий подвергается своего рода реституции. В случае реституции срока юридические последствия его пропуска аннулируются ввиду несправедливости запрета на обжалование при наличии уважительных причин пропуска. При пролонгации же прежнее правоотношение продолжает существовать и развивается во времени, поскольку это целесообразно в интересах судопроизводства.

Момент начала течения суточных и месячных сроков

В гражданском и арбитражном судопроизводстве течение процессуальных сроков, исчисляемых там годами, месяцами или днями, единообразно начинается на следующий день после даты или наступления события, которыми определено его начало (ст. 107, 108 ГПК РФ, ст. 113, 114 АПК РФ). Но согласно ст. 128 УПК РФ в уголовном процессе сроки исчисляются часами, сутками, месяцами. В ч. 2 ст. 401.5 и ч. 2 ст. 412.4 УПК РФ предусмотрен также 20-дневный срок возвращения кассационных и надзорных жалоб. Об исчислении сроков годами (хотя таковые в Кодексе и представлены, например, в ч. 3 ст. 6.1, ч. 2 ст. 401.6, ч. 3 ст. 414 УПК РФ) в ст. 128 не упоминается, как и о по-

[4] Может возникнуть мысль, что сроки применения мер пресечения, например заключения под стражу, служат не ограничению, а обеспечению прав обвиняемого, исключая бессрочность ограничения свободы. Однако будет довольно трудно объяснить обвиняемому, что 6-, 12- и 18-месячные сроки содержания под стражей обеспечивают его право на неприкосновенность личности и свободу, а не служат серьезным изъятием из этих принципов. С другой стороны, эти же сроки ограничивают пределы полномочий публичных органов, ведущих процесс. Правильнее сказать, что лимитирование сроков применения мер принуждения не обеспечивает права личности на свободу и неприкосновенность, а гарантирует лишь соразмерность их ограничения.

рядке определения годичных сроков. Не касается она и поминутного исчисления, которое тем не менее предусмотрено в ч. 1 ст. 191 и ч. 1 ст. 280 УПК РФ.

Интересно отметить, что в отличие от гражданско-правового регулирования лишь при исчислении сроков месяцами прямо предписывается не принимать во внимание тот час и те сутки, которыми начинается течение срока (ч. 1 ст. 128 УПК РФ). Это означает, что помесячные сроки начинают течь с ноля часов суток, следующих за теми, в которые имел место юридический факт, с которым связано их применение. Первые же неполные сутки (включая часы) при этом во внимание не принимаются. Впрочем, к этому правилу в ст. 128 УПК РФ сделана важная оговорка – «за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом», что делает его не столь абсолютным; к этому мы еще вернемся.

Вместе с тем в ч. 2 ст. 128 УПК РФ указано, что срок, исчисляемый сутками, истекает в 24 часа последних суток. Логически это означает, что и здесь (как и при помесячном счете) не учитываются те сутки, в ходе которых наступил инициирующий срок юридический факт. В противном случае количество суток, составляющих по закону данный срок, неосновательно увеличивалось бы на остаток суток с момента наступления этого факта до окончания «первых» суток. Например, при обжаловании постановления прокурора о возвращении дела следователю вышестоящий прокурор в течение 10 суток с момента поступления соответствующих материалов выносит свое решение (ч. 4 ст. 221 УПК РФ). Допустим, материалы поступили к вышестоящему прокурору 1 августа в 12 часов 00 минут. Если принимать во внимание остаток «первых» суток 1 августа (12 часов), то общий срок принятия решения составил бы не 10, а 10 с половиной суток. Причем, если бы материалы поступили в другие часы, срок соответственно произвольно растягивался бы или сокращался, что вряд ли совместимо с принципом правовой определенности. Поэтому в данном случае «первые» сутки, когда поступили материалы, учитывать не следует.

Иначе обстоит дело при исчислении сроков часами. УПК РФ не содержит аналогичного посуточному исчислению правила, по которому срок, исчисляемый часами, истекал бы в последние 60 минут последнего часа. Значит, здесь должны приниматься в расчет тот час и та минута, в которые наступил юридический факт, инициирующий часовой срок. Например, подозреваемый был фактически задержан 3 июля в 10 часов 35 минут. Следовательно, 48-часовой срок задержания (п. 11 ст. 5, ч. 1 ст. 10 УПК РФ) истекает в 10 часов 35 минут 5 июля. Такой порядок исчисления почасового срока задержания с учетом минут подкрепляется ч. 3 ст. 128 УПК РФ о том, что при задержании срок исчисляется с момента фактического задержания, ибо под моментом понимается «очень короткий промежуток времени; миг, мгновенье»[5], а самый короткий промежуток времени, известный УПК РФ, – минута.

Действительно, в целом ряде норм Кодекса оборот «с момента» используется применительно к почасовым срокам. Например, ч. 4 ст. 146, ч. 4 ст. 148, ч. 2 ст. 156, ч. 2 ст. 165 УПК РФ и др.

Принцип неделимости единицы счета

Однако во многих других случаях «с момента» предлагается исчислять также посуточные (ч. 1 ст. 100, ч. 6 ст. 148, ч. 1.1 ст. 211 УПК РФ) и даже помесячные сроки (ч. 9 ст. 109 УПК РФ). Здесь мы сталкиваемся с проблемой перехода от более точных почасовых сроков, исчисляемых «с момента», т. е. с учетом минут, к посуточным и помесячным срокам, которые

[5] Большой толковый словарь русского языка // Грамота.ру. URL: https://gramota.ru.

считаются округленно до целых суток и месяцев. Для решения этой проблемы понадобится толкование процессуальных норм. Его правила предполагают использование в первую очередь буквального толкования, которое в данном случае применимо и выглядит следующим образом: если срок определен в норме закона в сутках либо месяцах, то именно они и используются, а более мелкие единицы при исчислении такого периода времени приниматься во внимание не должны. Соответственно «шаг» счета равен суткам либо месяцам, даже если начальная точка исчисления определена в тексте закона словами «с момента». На наш взгляд, это значит, что ни часы, ни минуты здесь не учитываются, а действует общее для суток и месяцев правило об округлении до целого, или, иначе говоря, принцип неделимости единицы счета.

Принцип благоприятствования личности (favore privatorum)

Но возникает вопрос: в какую сторону производить такое округление – путем поглощения общим сроком первых суток, включающих начальный «момент», либо, наоборот, их отсечения и начала отсчета лишь со следующих суток? УПК РФ не дает на этот вопрос прямого ответа. В таких случаях на помощь приходит обращение к нормам более высокого порядка, если они имеют прямое действие, т. е. к нормам конституционным.

Согласно ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью; признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Представляется, что приоритет прав человека в уголовном судопроизводстве принимает в данном случае форму принципа благоприятствования при исчислении сроков интересам частных (физических и юридических) лиц (favore privatorum). Это означает, в частности, что если в интересах личности исчисление срока предпочтительнее начинать со следующих суток после тех, в которые наступил соответствующий юридический факт, то округление суточного срока (в том числе при помесячном исчислении) происходит именно в эту сторону.

Так, началом 15-суточного срока для подачи апелляционной жалобы (ст. 389.4 УПК РФ) следует считать 00:00[6] суток, следующих за теми, когда был постановлен приговор или вынесено иное решение суда, а для осужденного, содержащегося под стражей, – за теми, когда ему была вручена копия приговора, определения, постановления. Здесь применяется общее правило исчисления суточных сроков, поскольку именно оно благоприятствует интересам сторон-апеллянтов[7], фактически удлиняя срок для подготовки и подачи жалобы.

Напротив, если интересы лица (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и т. д.) состоят в том, чтобы исчислять срок с возможно более раннего момента, срок в сутках должен округляться путем включения в общий посуточный или помесячный срок полных суток, когда наступил этот «момент». При этом избегается какая-либо правовая неопределенность, так как исчисление таких сроков по всем делам происходит единообразно ввиду неделимости единицы счета.

Например, согласно ч. 1 ст. 100 УПК РФ в исключительных случаях мера пресечения может быть избрана в отношении подозреваемого. При этом обвинение должно быть предъявлено ему не позднее 10 суток с момента примене-

[6] Некоторые авторы полагают, что сутки при исчислении сроков начинают течь не с 00 часов 00 минут, а с 00 часов 01 минуты (см., например: [3]). Однако это не согласуется с законом. Согласно п. 3 ст. 4 Федерального закона от 3 июня 2011 г. № 107-ФЗ «Об исчислении времени» за начало календарного дня (этот термин фактически равнозначен суткам. – *А. С.*) принимается момент времени, соответствующий 00 часам 00 минутам 00 секундам.

[7] Конечно, апеллянтом может выступать и прокурор, однако в силу состязательного принципа равенства сторон правило о благоприятствовании в исчислении срока обжалования распространяется и на него.

ния меры пресечения, а если подозреваемый был задержан, а затем заключен под стражу – в тот же срок с момента задержания. В последнем случае имеет место переход от почасового исчисления срока задержания (48 часов с момента фактического ограничения свободы передвижения) к 10-суточному. Если в этот срок обвинение не будет предъявлено, мера пресечения немедленно отменяется. Следовательно, в 10-суточный (правообеспечительный)[8] срок для предъявления обвинения в силу правила о благоприятствовании личности должны полностью включаться и сутки, когда имело место фактическое задержание, а часы задержания в эти первые сутки не учитываются[9].

Срок проверки сообщения о преступлении

В юридической литературе развернулась дискуссия о начале исчисления 3-суточного срока (10 и 30 суток в случае продления) принятия решения о возбуждении уголовного дела (ч. 1 и 3 ст. 144 УПК РФ) [4]. Судебная практика в этом отношении склоняется ко второму варианту.

Так, суд апелляционной инстанции в своем постановлении пишет: «Аргумент защиты о нарушении срока возбуждения уголовного дела на один день судом апелляционной инстанции отклоняется как противоречащий правильному толкованию уголовно-процессуального законодательства. Все совершенные следователем действия выполнены в пределах срока, предусмотренного ч. 3 ст. 144 УПК РФ. Последовательность действий органов предварительного расследования свидетельствует о соблюдении соответствующих процессуальных сроков. Рапорт о событии преступления зарегистрирован 17 марта 2021 г. (т. 1 л. д. 7–8), 20 марта 2021 г. (т. 1 л. д. 144) срок поверки сообщения о преступлении продлен до 10 суток, 27 марта 2021 г. срок проверки продлен до 30 суток, а 16 апреля 2021 г. вынесено постановление о возбуждении уголовного дела №**** и принятии его к производству»[10]. Как видно из данного решения, 3-суточный срок возбуждения уголовного дела судом исчислен, начиная с 18 марта (18 –19 – 20), тогда как повод для этого (рапорт) появился еще 17 марта.

Представляется, что для правильного ответа на этот вопрос необходимо учитывать, является ли данный срок исключительно распорядительным либо правообеспечительным или правоограничительным. Л. В. Головко склоняется к тому, чтобы считать этот срок «делопроизводственным» (в нашей терминологии – распорядительным) на том основании, что его нарушение не влечет аннулирования процессуальных результатов и решений, достигнутых в этой стадии[11]. Однако предложенный критерий недействительности результатов производства не является универсальным: нарушение правореализационных («процессуальных») сроков, например предварительного расследования, также не аннулирует все, совершенное в пределах этого срока. На наш взгляд, срок принятия решения о возбуждении дела следует в настоящее время относить к правоограничительным, поскольку он направлен на ограничение сро-

[8] Данный срок является правообеспечительным, поскольку орган предварительного расследования обязан в срочном порядке ознакомить подозреваемого, к которому применена мера пресечения, с обвинением, а в случае непредъявления обвинения в указанный срок – отменить меру пресечения.

[9] Здесь автор настоящей статьи корректирует свою позицию, сформулированную ранее (см.: *Смирнов А. В., Калиновский К. Б.* Уголовный процесс : учеб. / под общ. ред. А. В. Смирнова. 9-е изд., переработ. М. : Норма : Инфра-М, 2026. С. 374–375.

[10] Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Калмыкия от 8 марта 2023 г. № 22-69/2023 по делу № 1-79/2022. URL: https://sudact.ru.

[11] *Головко Л. В.* Указ. соч.

ка так называемой доследственной проверки, проблема искусственного разрастания (если не сказать экспансии) которой давно стала «притчей во языцех» для специалистов [1, с. 53–55; 5, с. 223–224]. Поэтому более правы те, кто предлагает исчислять его с учетом тех суток, когда поступило сообщение о преступлении (см. об этом: [4]). В самом деле, такой порядок более оперативен и стимулирует проверку сообщения о преступлении немедленно, «не откладывая на завтра то, что можно сделать сегодня».

Аналогично, т. е. начиная с текущих суток, следует исчислять и правообеспечительные сроки в пользу интересов личности, в том числе потерпевшего от преступления, в частности в случаях, предусмотренных в ч. 6 ст. 148 УПК РФ и ч. 1.1 ст. 211 УПК РФ.

Месячные сроки: счет «от дня до дня»

Принцип неделимости единицы счета применительно не только к суточным, но и к месячным срокам требует их исчисления a die ad diem (от дня до дня). Например, предварительное следствие по уголовному делу должно быть закончено в срок, не превышающий 2 месяцев со дня возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 162 УПК РФ). Данный срок, на наш взгляд, следует считать правоограничительным[12], поскольку он лимитирует по времени полномочия следствия. Произвольные временные рамки предварительного расследования отдаляли бы перспективу судебного разрешения дела, приводили к сохранению неопределенности в правовом статусе участников процесса, допускали возможность применения к гражданам ограничительных мер, включая меры пресечения[13]. Следовательно, согласно принципу благоприятствования интересам личности начало этого срока надо исчислять с учетом дня (суток) возбуждения уголовного дела, а не со следующего [1, с. 33]. Допустим, дело возбуждено 15 августа, тогда двухмесячный срок предварительного следствия истекает в 24 часа 15 октября. Поскольку этот срок исчисляется в месяцах, а не в сутках, не имеет значения, сколько дней прошло с 15 августа по 15 октября – 62, 61 или 60. При этом не принимается во внимание неравновесность месяцев, одни из которых состоят из 30, а другие – из 31 суток, что и обеспечивает правовую определенность.

Напротив, если учитывать разное количество суток в разных месяцах, это приведет к необоснованному неравенству в правоприменении: месячный срок где-то будет «весить» 30 дней, а где-то – 31; двухмесячный – 61 или 62 дня (31 + 30; 31 + 31); трехмесячный – 91 или 92 дня (30 + 31 + 30; 31 + 30 + 31) и т. д.

В этом плане нам представляется более правильной позиция В. Ю. Стельмаха, который исчисляет 2-месячный срок следствия a die ad diem (с 5 марта по 5 мая)[14], а не резко критикующего его Н. Н. Ковтуна, который пишет: «По нормам ч. 2 ст. 162 УПК РФ, срок предварительного следствия исчисляется со дня возбуждения уголовного дела. В первом случае – это 5 марта; исчислив с указанной даты срок в два месяца (по правилам, 31 сут. + 30 сут.), мы установим, что окончание срока расследования приходится на 24 час. 00 мин. 4 мая. Если исходить из даты, предложенной автором (В. Ю. Стельмахом. – *А. С.*), срок в два

[12] В отличие от правообеспечительных сроков этот срок не предназначен специально для применения какого-то конкретного механизма реализации того или иного субъективного права частных участников процесса, хотя в целом, конечно, способствует соблюдению разумного срока судопроизводства.

[13] См.: Решение Верховного Суда РФ от 30 марта 1999 г. № ГКПИ98-798 о признании недействующим и не подлежащим применению указания Генеральной прокуратуры РФ от 18 сентября 1996 г. № 55/15 «Об изменении порядка исчисления срока предварительного следствия при соединении нескольких уголовных дел» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2000. № 10.

[14] *Стельмах В. Ю.* Указ. соч. С. 35.

месяца включает в себя 62 суток, что явно не два месяца» [6]. При этом не вполне ясно, почему уважаемый критик считает неприемлемым двухмесячный срок, состоящий из 62 суток, но вполне допускает 61 сутки. Ведь de facto, в иных временных рамках, может оказаться и так, и так, поскольку рядом иногда оказываются сразу два «длинных» месяца (декабрь – январь, июль – август). Получается, что сроки следствия могут «гулять» произвольно, так сказать, по прихоти судьбы? Исчисление же a die ad diem делает счет более определенным и единообразным[15].

Все сказанное выше относится и к исчислению правоограничительного срока применения меры пресечения, исчисляемой в месяцах, например заключения под стражу. Здесь сутки, в которые имело место задержание подозреваемого, также должны полностью включаться в срок содержания под стражей, исчисляемый месяцами. Однако в судебной практике наблюдается различный подход к решению этого вопроса.

Так, Л. был задержан 5 мая 2021 г. в 16 часов 00 минут. Постановлением Лужского городского суда Ленинградской области от 7 мая 2021 г. удовлетворено ходатайство следователя, которой уголовное дело было принято к производству 6 мая 2021 г. В отношении подозреваемого Л. судом была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу на 2 месяца до 4 июля 2021 г. Апелляционным постановлением Ленинградского областного суда от 28 мая 2021 г. постановление в отношении Л. изменено, постановлено указать, что Л. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу на 2 месяца 00 суток, т. е. по 4 июля 2021 г. включительно. Однако кассационным определением Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 26 августа 2021 г. апелляционное постановление Ленинградского областного суда от 28 мая 2021 г. в отношении Л. было отменено, а материал передан на новое апелляционное рассмотрение в Ленинградский областной суд, в ином составе суда[16].

Как можно вывести из данного примера, районный суд исчислил 2-месячный срок заключения под стражу с 5 мая 2021 г. (момент задержания), считая 2 месяца в виде 61 суток (31+30) и включая в этот срок лишь 3 июля 2021 г. («до 4 июля»). Апелляционная инстанция, напротив, не учла в сроке содержания под стражей сутки, когда имело место задержание (5 мая), а начала подсчет со следующих (6 мая), ввиду чего конец 61-суточного срока пришелся на 4 июля, но уже включительно. Применительно к началу 2-месячного срока прав оказался районный суд, полностью включив в него и сутки задержания. Однако представляется, что в отношении последнего дня данного срока обе судебные инстанции могли бы принять иное решение, если учесть, что срок содержания под стражей измеряется не в сутках, а в месяцах. Тогда бы последний день срока был не 3 и не 4, а 5 июля (a die ad diem). Пользуясь же фактически суточными (не предназначенными для данного случая) единицами, суды вынуждены были оперировать по сути произвольными величинами, беря за основу продолжительность мая и июня (31 и 30 суток), но почему-то не принимая во внимание продолжительность месяца июль (31 сутки), хотя на него ведь также приходилась часть срока применения меры пресечения. Это еще раз указывает на неудобство и непригодность применения к месячным срокам метода суточного подсчета.

---

[15] Оговорка ст. 128 УПК РФ о том, что если «нет в месяце соответствующего числа, то принимается последнее», рассчитана на случай, когда крайняя дата срока выпадает именно на отсутствующий в последнем месяце этого срока день (28–29 февраля). Это следует рассматривать как исключение sui generis.

[16] Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 26 августа 2021 г. № 77-1995/2021. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

При этом возникает один «неудобный» вопрос: как поступать, если срок, исчисляемый в месяцах, продлевается не на полные месяцы, а на месяцы и определенное количество дней. Например, согласно ч. 4 ст. 223 УПК РФ срок дознания, который изначально и при первом продлении дается в сутках, при необходимости может продлеваться также и *до* 6 месяцев, а значит, и на неполное их количество. Применять ли в этом случае правило «a die ad diem» буквально либо снова переходить с месячного порядка счета на суточный?

В подобной ситуации суд кассационной инстанции пошел следующим образом: 30-суточные сроки производства дознания исчислял одним образом (начиная со следующих суток)[17], а при продлении срока еще на 1 месяц и 20 дней фактически применен принцип a die ad diem (с 9 октября по 29 ноября)[18] .

С другой стороны, при исчислении правоограничительных (но не правообеспечительных) сроков, отведенных на обжалование процессуальных актов, и чисто распорядительных сроков (например, упомянутого 10-суточного срока по ч. 4 ст. 221 УПК РФ) применяются общие правила исчисления посуточных и помесячных сроков – «со следующих суток» (ст. 128 УПК РФ).

Выводы

Во-первых, процессуальные сроки, определяемые периодами времени, необходимо классифицировать на организационно-управленческие (распорядительные) и правореализационные, а последние – на правоограничительные и правообеспечительные. Во-вторых, для разрешения коллизий при переходе от точного почасового исчисления к посуточному и помесячному необходимо применять принцип неделимости единицы счета. При установлении срока в сутках или месяцах более мелкие единицы (часы и минуты) для исчисления такого периода использоваться не должны, даже если начальная точка определена формулировкой «с момента».

В-третьих, поскольку УПК РФ не содержит прямого ответа на вопрос о направлении округления неполных суток, правоприменителю можно рекомендовать следующие правила.

1. При посуточном исчислении сроков сутки, в течение которых наступил юридический факт, в соответствии с принципом favore privatorum принимаются во внимание и целиком включаются в общий срок (в отличие от помесячного счета по букве и духу ч. 1 ст. 128 УПК РФ) применительно:
- ко всем правообеспечительным срокам;
- к некоторым правоограничительным срокам, если это отвечает интересам участвующих в процессе частных лиц (для мер процессуального принуждения, продления сроков предварительного расследования и т. д.).

2. При исчислении правоограничительных сроков, отведенных на обжалование процессуальных решений, отсчет согласно тому же принципу favore privatorum, напротив, следует начинать лишь со следующих суток.

3. Исчисление распорядительных сроков также всегда начинается с суток, следующих за теми, когда имел место юридический факт, поскольку эти сроки относительно индифферентны к реализации прав личности.

Представляется, что последовательное применение предложенных подходов и принципов позволит преодолеть существующие дефекты правового регулирования, обеспечит

[17] Однако, как обосновывалось выше, исчисление срока предварительного расследования в качестве правоограничительного рекомендуется в интересах личности производить с учетом дня возбуждения дела, а не со следующих суток.

[18] Кассационное постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 6 марта 2025 г. по делу № 77-741/2025. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

единообразие правоприменительной практики и будет в полной мере способствовать реализации конституционного приоритета защиты прав и свобод человека в уголовном процессе.

Список источников

1. Маслов И. В. Уголовно-процессуальные сроки в досудебном производстве : моногр. М. : Инфра-М, 2018. 240 с.
2. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. Т. 2 / под ред. А. В. Смирнова. СПб. : Альфа, 1996. 606 с.
3. Жамков А. А. Проблемные вопросы правового регулирования сроков и средств проверки сообщений о преступлениях экономической направленности // Российский следователь. 2009. № 4. С. 4–5.
4. Глушков М. Р. Об исчислении срока доследственной проверки // Уголовный процесс: от прошлого к будущему: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 21 марта 2014 г.) : в 2 ч. Ч. 1 / под ред. А. И. Бастрыкина. М. : Акад. Следств. комитета РФ, 2014. С. 131–134.
5. Антонович Е. К., Вилкова Т. Ю., Володина Л. М. и др. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве : моногр. / отв. ред. Л. Н. Масленникова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2026. 555 с.
6. Ковтун Н. Н. Как не следует пояснять и тем более исчислять уголовно-процессуальные сроки // Мировой судья. 2024. № 3. С. 13–20.

Информация об авторе

А. В. Смирнов – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права, заслуженный юрист Российской Федерации.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сроки утверждения

Статья поступила в редакцию 23.08.2026.

Одобрена после рецензирования 05.10.2026.

Принята к публикации 05.10.2026.

References

1. Maslov I. V. *Criminal procedural time limits in pre-trial proceedings*. Monograph. Moscow: Infra-M; 2018. 240 p. (In Russ.)
2. Foinitsky I. Ya. *Course of criminal procedure.* In 2 vols. Vol. 2. Ed. A. V. Smirnov. St. Petersburg: Al'fa; 1996. 606 p. (In Russ.)
3. Zhamkov A. A. Problematic issues of legal regulation of time limits and means of verifying reports of economic crimes. *Rossijskij sledovatel' = Russian Investigator.* 2009;(4):4-5. (In Russ.)
4. Glushkov M. R. On the computation of the period of pre-investigation check. In: A. I. Bastrykin, ed. *Criminal procedure: from the past to the future*. Materials of the International Scientific and Practical Conference (Moscow, 21 March 2014). In 2 pts. Pt. 1. Moscow: Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation; 2014. Pp. 131–134. (In Russ.)
5. Antonovich E. K., Vilkova T. Yu., Volodina L. M., et al. *Proof and decision-making in adversarial criminal proceedings*. Ed. L. N. Maslennikova. 3rd ed., rev. and add. Moscow: Norma; Infra-M; 2026. 555 p. (In Russ.)
6. Kovtun N. N. How criminal procedural time limits should not be explained, still less computed. *Mirovoj sud'ya = Magistrate Judge*. 2024;(3):13-20. (In Russ.)

Information about the author

A. V. Smirnov – Doctor of Science (Law), Professor, Professor at the Criminal Procedure Law Department, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Approval deadlines

The article was submitted 23.08.2026.

Approved after reviewing 05.10.2026.

Accepted for publication 05.10.2026.

DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.11.102-113

Авторы статьи

Виталий Федорович Васюков

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

vvf0109@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0743-5616

Елена Николаевна Трикоз

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация; РУДН имени Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

alena_trikoz@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7331-480X

Виталий Эдуардович Карпович

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация; РГУП имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация

karpovich.vitalii@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-1274-1933

Святослав Сергеевич Мельник

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация; Минэнерго России, Москва, Российская Федерация; НИУ ВШЭ, Москва, Российская Федерация

big-benac@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5771-9743

Научная статья

Российское правосудие. 2026. № 11. С. 102–113

Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 11. P. 102–113

УДК 347.97/.99

Функционирование и защита данных информационной архитектуры судебной системы в странах БРИКС

Судебная система любого государства располагает данными, утрата или несанкционированное раскрытие которых способны причинить ущерб, несопоставимый с последствиями большинства корпоративных утечек.

Персональные данные участников процесса, сведения, составляющие государственную тайну, материалы закрытых заседаний, черновые версии судебных решений – все это сосредоточено в информационных системах, чья архитектура должна учитывать актуальные угрозы.

Страны, традиционно входящие в объединение БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР)[1], за последние полтора десятилетия существенно продвинулись в цифровизации

[1] БРИКС – межгосударственное объединение, включающее три группы государств: государства-участники, приглашенные государства и государства-партнеры. Государствами-участниками являются 10 стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР, ОАЭ, Египет, Эфиопия, Иран и Индонезия. На практике «традиционными странами» БРИКС принято называть Бразилию, Россию, Индию, Китай и ЮАР, а под «БРИКС+» понимать вновь принятые Иран, Эфиопию, Египет, ОАЭ и Индонезию. См., например: [1, с. 9].

© Васюков В. Ф., Трикоз Е. Н., Карпович В. Э., Мельник С. С., 2026

Аннотация. Судебные системы государств БРИКС за последние полтора десятилетия существенно продвинулись в сфере цифровизации судопроизводства. При этом стремительное технологическое развитие требует соразмерного правового регулирования защиты судебных данных. Сопоставление законодательства и правоприменительной практики Бразилии, России, Индии, Китая и Южно-Африканской Республики позволило выделить четыре модели правового регулирования защиты судебных данных – европейски ориентированную, суверенно-технологическую, государственно-интегрированную и переходную. Установлено, что все рассмотренные правопорядки закрепляют специальные изъятия из общих режимов защиты персональных данных для судебной деятельности, что требует специального регулирования в процессуальном законодательстве.

Обосновано, что риск деанонимизации участников процесса из массивов опубликованных обезличенных решений не устраняется мерами технической защиты информации, поскольку реализуется без несанкционированного доступа к системе. Единственным действенным средством выступает нормативное закрепление стандартов качества обезличивания. Предложено согласование технических протоколов верификации судебных документов как направление, не затрагивающее суверенных требований к локализации данных.

Ключевые слова: информационная архитектура судебной системы, защита данных, цифровое правосудие, БРИКС, кибербезопасность, персональные данные, обезличивание судебных актов, электронное судопроизводство, искусственный интеллект, сравнительное правоведение

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-03197, https://rscf.ru/project/25-28-03197/.

Для цитирования: Васюков В. Ф., Трикоз Е. Н., Карпович В. Э., Мельник С. С. Функционирование и защита данных информационной архитектуры судебной системы в странах БРИКС // Российское правосудие. 2026. № 11. С. 102–113. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.11.102-113.

Functioning and Data Protection of the Information Architecture of the Judicial System in the BRICS Countries

Vitalii F. Vasyukov, Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russian Federation

Elena N. Trikoz, Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russian Federation; Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

Vitalii E. Karpovich, Moscow State Institute of International Relations (University); Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation

Svyatoslav S. Melnik, Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russian Federation

Abstract. Over the past fifteen years, the judicial systems of the BRICS countries have made significant progress in digitalizing court proceedings, which calls for proportionate legal regulation of judicial data protection. A comparison of the legislation and practice of Brazil, Russia, India, China and South Africa has made it possible to identify four models of such regulation: European-oriented, sovereign-technological, state-integrated and transitional. All the legal systems examined provide exemptions for judicial activity from the general personal data protection regimes, which requires special regulation in procedural legislation. It is shown that the risk of deanonymizing participants in proceedings from arrays of anonymized judgments is not eliminated by technical protection measures. It is proposed to harmonize technical protocols for verifying court documents, as this does not affect sovereign data localization requirements.

Keywords: information architecture of the judicial system, data protection, digital justice, BRICS, cybersecurity, personal data, anonymization of judicial acts, electronic proceedings, artificial intelligence, comparative law

Funding: the research was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 25-28-03197, https://rscf.ru/en/project/25-28-03197/.

For citation: Vasyukov V. F., Trikoz E. N., Karpovich V. E., Melnik S. S. Functioning and data protection of the information architecture of the judicial system in the BRICS countries. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(11):102-113. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.11.102-113.

судопроизводства, однако стремительное развитие новых технологий требует соразмерного правового регулирования защиты судебных данных.

В сентябре 2025 г. генеральные прокуроры стран БРИКС приняли совместное заявление по искусственному интеллекту и правосудию, стремясь сочетать технологические инновации с фундаментальными принципами правосудия[2]. Вопросы цифровых инноваций в судопроизводстве стали ключевыми и на совещании министров юстиции стран БРИКС в индийском городе Гандинагар в мае 2026 г., где в итоге была принята «Гандинагарская декларация по альтернативному разрешению споров и цифровым инновациям»[3].

Указанная проблематика не сводится исключительно к технической безопасности. За выбором архитектурной модели судебной информационной системы стоят конкурирующие правовые ценности – открытость правосудия и конфиденциальность участников процесса, государственный суверенитет над данными и международное судебное сотрудничество, скорость цифровой интеграции и соразмерность ограничений прав граждан [2].

Три уровня информационной архитектуры судебной системы

Понятие информационной архитектуры судебной системы в законодательстве государств БРИКС прямо не закреплено, хотя используется в стратегических документах и доктрине. Операционный уровень этой архитектуры образуют системы, непосредственно обеспечивающие ход судебного процесса, – электронное делопроизводство, автоматизированное распределение дел, дистанционная подача процессуальных документов. Аналитический уровень формируется базами данных судебных решений и инструментами их обработки, включая алгоритмы машинного обучения, применяемые в ряде юрисдикций для вспомогательного анализа правовых массивов. Коммуникационный уровень связывает судебные органы с участниками процесса и внешними ведомствами через порталы раскрытия информации и каналы межведомственного обмена.

Разграничение уровней имеет не классификационное, а прикладное значение. Угрозы и правовые режимы защиты данных на каждом уровне различаются принципиально. Утечка с операционного уровня раскрывает персональные данные участников конкретного дела. Компрометация аналитического уровня открывает доступ к массивам решений, из которых алгоритмы деанонимизации способны восстановить персональные данные даже там, где формально применялось обезличивание. Атака на коммуникационный уровень может нарушить публичный доступ к судебным актам, т. е. затронуть конституционно гарантированное право граждан на информацию о деятельности судов.

Именно эта трехуровневая природа судебных данных объясняет, почему ни одна из рассматриваемых юрисдикций не смогла обойтись единым правовым инструментом защиты.

Бразилия: электронный процесс без специального режима для судебных данных

Федеративная Республика Бразилия первой среди государств БРИКС выстроила система-

[2] Генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Краснов принял участие во встрече руководителей прокурорских служб государств БРИКС // Генеральная прокуратура Российской Федерации : [сайт]. 16 сентября 2025 г. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e5929012/ (дата обращения: 14.09.2026).

[3] Главы Минюстов БРИКС приняли декларацию об альтернативном разрешении споров // ТАСС : [сайт]. 22 мая 2026 г. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/27492639 (дата обращения: 14.09.2026).

Суверенизация данных объективно снижает риски несанкционированного трансграничного доступа

тическую правовую основу для электронного судопроизводства. Федеральный закон от 19 декабря 2006 г. № 11.419 об информатизации судебного процесса[4] допустил использование электронных средств при совершении всех процессуальных действий, включая подачу документов, уведомления и ведение дел, применительно к гражданскому, уголовному и трудовому судопроизводству. Национальный совет правосудия (Conselho Nacional de Justiça) разработал на этой основе единую платформу электронного делопроизводства – Processo Judicial Eletrônico.

Децентрализованная природа бразильской судебной системы обусловила параллельное функционирование конкурирующих платформ – e-SAJ, PROJUDI, e-Proc, каждая из которых создавалась отдельным судом или регионом. Общий закон о защите персональных данных от 14 августа 2018 г. № 13.709 (Lei Geral de Proteção de Dados Pessoais[5]), вступивший в силу 16 августа 2020 г., распространил требования к обработке персональных данных на судебные органы с существенной оговоркой. Статья 4 Закона выводит из сферы его действия обработку данных, осуществляемую исключительно в целях обеспечения публичной безопасности, национальной обороны и расследования уголовных дел.

Федеральный Верховный суд Бразилии (Supremo Tribunal Federal) впоследствии расширил сферу частичного применения Закона к уголовно-процессуальной деятельности, что зафиксировано в заключении Европейского комитета по защите данных при оценке адекватности бразильского законодательства. Границы этого расширения остаются предметом доктринальных разногласий, а правоприменительная практика Национального агентства по защите данных (Agência Nacional de Proteção de Dados) в отношении судебных органов пока не сложилась.

Показательна в этом отношении система «Victor» [3], созданная Федеральным Верховным судом Бразилии при председательстве судьи Кармен Лусии. Система применяет методы глубокого обучения для чтения экстраординарных апелляций и установления их связи с вопросами общего значения, принятыми к рассмотрению судом. Обработке подвергаются массивы судебных решений, содержащих персональные данные участников процесса, но специального правового режима для подобного использования данных в бразильском законодательстве не существует.

Применение алгоритмов машинного обучения в судопроизводстве ставит вопросы, которые действующее регулирование не разрешает: возможна ли алгоритмическая предвзятость вследствие ошибочной классификации данных и каковы пределы автоматизации при совершении процессуальных действий. Обучение алгоритма на массиве судебных решений представляет собой обработку персональных данных в целях, отличных от тех, для которых эти данные первоначально собирались, т. е. классический случай изменения цели обработки, требующий по общему правилу самостоятельного правового основания.

[4] Lei nº 11.419, de 19 de dezembro de 2006. Dispõe sobre a informatização do processo judicial. URL: https://brasil.justia.com/nacionales/leis/11-419-de-19-12-2006/gdoc (дата обращения: 05.08.2026).

[5] Lei Geral de Proteção de Dados Pessoais (LGPD). URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2015-2018/2018/lei/l13709.htm (дата обращения: 05.08.2026).

Россия: открытость судебных актов и суверенитет данных

В Российской Федерации подход законодателя к информационной архитектуре судебной системы строится на основе открытости судебных актов и строгого государственного контроля над потоками данных [4].

Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»[6] обязал суды публиковать тексты судебных актов в сети «Интернет», предварительно исключив из них персональные данные участников процесса.

Техническую основу электронного судопроизводства образуют две системы. Государственная автоматизированная система «Правосудие»[7] объединяет суды общей юрисдикции и мировых судей, тогда как арбитражные суды функционируют на базе собственной автоматизированной информационной системы «Судопроизводство».

Информационная архитектура отечественной судебной системы стремительно развивается. Российские суды уже начали применять четыре модели искусственного интеллекта (далее – ИИ)[8].

Председатель Верховного Суда Российской Федерации И. В. Краснов предложил создать постоянно действующую рабочую группу высших судов стран БРИКС по вопросам применения ИИ в правосудии[9]. Как отмечает И. В. Краснов, «сегодня перед российской судебной системой стоит новая амбициозная задача по построению более совершенной автоматизированной системы “Цифровое правосудие”»[10].

3 сентября 2026 г. Верховный Суд РФ утвердил Концепцию внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство Российской Федерации[11]. Планируется, что к 2030 г. более 95% российских судей будут применять ИИ-сервисы на постоянной основе. Это позволит сократить сроки рассмотрения дел.

Кроме того, в Верховном Суде РФ создается Центр судебных компетенций в сфере искусственного интеллекта, к работе которого будут привлечены сотрудники подразделений аппарата Верховного Суда РФ, Судебного департамента при Верховном Суде РФ, РГУП им. В. М. Лебедева, судьи нижестоящих судов, а также при необходимости представители органов власти, научных организаций и технологических партнеров.

Концептуальной особенностью российской модели является «суверенитет данных». Часть 5 ст. 18 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»[12] обязывает оператора при сборе персональных данных граждан Российской Федерации обеспечивать их запись, систематизацию, накопление и хранение с использованием баз

---

6 Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217.

7 Государственная автоматизированная система «Правосудие»: официальный портал федеральных судов общей юрисдикции. URL: https://sudrf.ru.

8 Российские суды начали применять четыре разные модели ИИ, заявил Краснов // РИА Новости : [сайт]. 5 сентября 2026 г. URL: https://ria.ru/20260905/ii-2115656380.html. (дата обращения: 13.09.2026).

9 Краснов предложил странам БРИКС выработать общие принципы применения ИИ в судах // Ведомости : [сайт]. 7 сентября 2026 г. URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2026/09/06/1226741-obschie-printsipi-primeneniya-ii-v-sudah (дата обращения: 13.09.2026).

10 Игорь Краснов сообщил о выработке этических принципов применения ИИ в правосудии // RGRU : [сайт]. 5 сентября 2026 г. URL: https://rg.ru/2026/09/05/igor-krasnov-soobshchil-o-vyrabotke-eticheskih-principov-primeneniia-ii-v-pravosudii.html (дата обращения: 13.09.2026).

11 Концепция внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство Российской Федерации (утв. приказом Верховного Суда РФ от 3 сентября 2026 г. № 59-П). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

12 Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

Информационная архитектура судебной системы Республики Индия отражает федеративную природу государственного устройства

данных, находящихся на территории России. Суверенизация данных объективно снижает риски несанкционированного трансграничного доступа.

Индия: масштаб цифровизации и подвижная граница персональных данных

Информационная архитектура судебной системы Республики Индия отражает федеративную природу государственного устройства и историческую многоуровневость судебной организации. Начиная с 2007 г. при содействии Национального информационного центра здесь реализуется один из самых масштабных в мире проектов по цифровизации судебной системы – e-Courts Mission Mode Project, который охватил на уровне всех штатов страны окружные суды, суды первой инстанции и высокие суды, обеспечив автоматизацию ведения дел, электронную подачу документов и публикацию судебных решений[13]. Кроме того, создано 30 виртуальных судов для онлайн-рассмотрения дел о дорожных нарушениях, что позволяет виртуальному судье осуществлять юрисдикцию на территории всего штата в круглосуточном режиме[14].

Портал National Judicial Data Grid агрегирует в режиме реального времени данные о делах, находящихся в производстве или завершенных в судах различных уровней. Количество учтенных дел исчисляется сотнями миллионов. Платформа обеспечивает беспрецедентную прозрачность судебной системы, позволяя отслеживать нагрузку судов, сроки рассмотрения дел и структуру судебных споров.

Верховный суд Индии внедрил инструмент SUPACE (Supreme Court Portal for Assistance in Courts Efficiency) – онлайн-платформу для анализа правовых документов и подготовки справок по делам. Разработчики подчеркивают вспомогательный характер системы, поскольку принятие процессуальных решений остается исключительной прерогативой судьи.

При этом разграничение между подготовкой справки по делу и формированием правовой позиции по делу носит, скорее, декларативный характер, поскольку структурированная алгоритмом справка предопределяет тот набор обстоятельств и прецедентов, на который судья обратит внимание.

Созданный при Верховном суде Индии специальный Комитет по ИИ, отвечающий за концептуализацию, внедрение и мониторинг использования искусственного интеллекта в индийской судебной системе, контролирует и тестирует различные ИИ-инструменты для судей[15].

---

[13] Так, мобильное приложение JustIS помогает индийским судьям эффективно организовывать и контролировать свою судебную работу. Платформа Digital Courts предоставляет судьям единое окно для доступа ко всем документам, состязательным бумагам и доказательствам в цифровом формате.

[14] 1 мая 2026 г. штат Сикким стал первым в Индии полностью безбумажным судебным штатом.

[15] Например, виртуальный помощник судей LegRAA (Legal Research Analysis Assistant), который помогает в правовых исследованиях и анализе документов; Digital Courts 2.1, который включает функции преобразования речи в текст и перевода для помощи судьям при диктовке приказов и решений; ИИ-инструменты для выявления дефектов процессуальных документов, извлечения метаданных и интеграции с системой электронной подачи документов от граждан.

Вместе с тем именно масштаб порождает специфический правовой вопрос, который индийское законодательство не разрешает. Агрегированные данные о судебных делах, будучи формально обезличенными на уровне статистических показателей, при детализации до уровня отдельного дела содержат сведения, позволяющие идентифицировать участников. Граница между статистикой и персональными данными в подобных системах подвижна и определяется глубиной запроса, а не свойствами самих данных.

Принятый в 2023 г. Закон о защите цифровых персональных данных № 22 (Digital Personal Data Protection Act)[16] установил комплексный режим обработки персональных данных, введя понятия фидуциара данных (Data Fiduciary) и принципала данных (Data Principal). Применительно к судебной системе суды могут рассматриваться как фидуциары данных при обработке персональных сведений участников судопроизводства. Закон предусматривает специальные изъятия для государственных органов в целях обеспечения суверенитета и публичного порядка. Формулировка изъятий такова, что практический объем защиты персональных данных в судебной сфере определяется не законом, а подзаконным регулированием и правоприменительной практикой.

Инциденты посягательств и угроз кибербезопасности в индийской судебной инфраструктуре обнажили уязвимости в архитектуре защиты судебных информационных систем и послужили импульсом к разработке отраслевой политики кибербезопасности судов.

Китай: судебная система как объект критической инфраструктуры

Китайская Народная Республика реализует технологически продвинутую программу цифровизации правосудия. Ключевыми элементами информационной архитектуры выступают система China Judgments Online, аккумулирующая опубликованные судебные решения в количестве, превышающем сто миллионов, платформа мобильного правосудия, а также интернет-суды в Ханчжоу, Пекине и Гуанчжоу.

Правовое регулирование в сфере данных определяется тремя ключевыми актами: Законом о кибербезопасности 2017 г.[17], Законом о безопасности данных 2021 г.[18] и Законом о защите персональной информации 2021 г.[19] [5]. Судебная система Китая отнесена к объектам критической информационной инфраструктуры, что влечет применение повышенных требований безопасности, включая принцип «суверенизации» данных.

Отнесение судебной системы к критической инфраструктуре представляет собой решение, заслуживающее отдельной оценки. Формально оно обеспечивает наиболее высокий из доступных уровней технической защиты. По существу же оно означает, что судебные данные подчинены режиму, разработанному для объектов энергетики, транспорта и связи, – т. е. режиму, в котором приоритетом выступает непрерывность функционирования системы, а не права лиц, чьи данные в ней обрабатываются.

Ханчжоуский интернет-суд, созданный в 2017 г., стал первым в мире судом, рассматривающим дела исключительно в дистанци-

[16] The Digital Personal Data Protection Act, 2023 // The Gazette of India. URL: https://www.meity.gov.in/static/uploads/2024/06/2bf1f0e9f04e6fb4f8fef35e82c42aa5.pdf (дата обращения: 13.09.2026).

[17] 中华人民共和国网络安全法 [Cyber Security Law, 2017]. URL: http://www.pfeffer.at/data/brics/docs/China%20-%20Cybersecurity%20law%202017_TRANSL.pdf (дата обращения: 13.09.2026).

[18] 2021年6月10日第十三届全国人民代表大会常务委员会第二十九次会议通过 [Data Security Law of the PRC]. URL: https://www.chinalawtranslate.com/en/datasecuritylaw/ (дата обращения: 13.09.2026).

[19] Personal Information Protection Law of the People's Republic of China // The Supreme People's Procuratorate of the PRC. URL: https://en.spp.gov.cn/2021-12/29/c_948419.htm (дата обращения: 13.09.2026).

Отнесение судебной системы к критической инфраструктуре представляет собой решение, заслуживающее отдельной оценки

онном формате, с применением технологии распределенных реестров для верификации доказательств. Правовые рамки деятельности интернет-судов закреплены актами Верховного народного суда, в том числе Правилами онлайн-судопроизводства 2021 г. и Правилами работы народных судов в режиме онлайн 2022 г.

Использование распределенных реестров для фиксации доказательств заслуживает внимания как решение, потенциально применимое за пределами китайской правовой системы. Технология обеспечивает неизменяемость записи о существовании документа на определенный момент времени, не требуя доверия к оператору хранилища. Применительно к трансграничному судебному взаимодействию это свойство существенно – оно позволяет верифицировать документ без обращения к иностранному государственному органу и без передачи самого документа. Полагаем, что данное направление представляет серьезный практический интерес для государств БРИКС, поскольку не требует заимствования правовых конструкций, характерных для китайской модели управления данными.

Отличительной чертой китайской модели является и интеграция судебных информационных систем с системой социального кредита. Сведения о лицах, признанных недобросовестными исполнителями судебных актов, используются при определении социальных рейтингов, что влечет ограничения при приобретении билетов, получении кредитов и совершении иных действий.

ЮАР: развитое законодательство при неравномерной цифровизации

Информационная архитектура судебной системы Южно-Африканской Республики характеризуется значительной неравномерностью цифрового развития. Процесс цифровизации особенно активизировался в период пандемии. Пока что только Конституционный суд, Верховный апелляционный суд и ряд высоких судов располагают системами электронной подачи документов.

Правовую основу формируют Закон о защите персональной информации № 4 2013 г.[20], вступивший в полную силу в 2021 г., и Закон о содействии доступу к информации № 2 2000 г.[21] Первый устанавливает восемь условий законной обработки персональных данных, применимых в том числе к судебным органам. Регуляторными функциями наделен Информационный регулятор (Information Regulator).

Конституционная основа защиты данных предопределяется разделом 14 Конституции ЮАР 1996 г.[22], гарантирующим право на неприкосновенность частной жизни, и разделом 32, закрепляющим право доступа к

[20] Protection of Personal Information Act 4 of 2013 // South African Government. URL: https://www.gov.za/documents/protection-personal-information-act (дата обращения: 13.09.2026).

[21] Promotion of Access to Information Act 2 of 2000 // South African Government. URL: https://www.gov.za/documents/promotion-access-information-act (дата обращения: 13.09.2026).

[22] The Constitution of the Republic of South Africa // South African Government. URL: https://www.gov.za/documents/constitution/constitution-republic-south-africa-04-feb-1997 (дата обращения: 13.09.2026).

информации. Конституционный суд неоднократно обращался к вопросам баланса между этими правами применительно к публикации судебных решений.

Атака программы-вымогателя на информационные системы Департамента юстиции и конституционного развития в сентябре 2021 г. нарушила работу электронных сервисов судов, обнажила системные уязвимости и послужила импульсом к разработке политики кибербезопасности судебной системы. Данный инцидент представляет интерес не только как факт, но и как иллюстрация специфического характера угрозы. Программа-вымогатель не похищает данные, а блокирует доступ к ним, т. е. посягает не на конфиденциальность, а на доступность судебной информации. Правовые последствия при этом возникают не в сфере защиты персональных данных, а в сфере права на судебную защиту, поскольку невозможность движения дела означает нарушение разумных сроков судопроизводства.

Особой проблемой остается цифровое неравенство ввиду того, что не все имеют доступ к глобальной сети в ЮАР. Стратегия цифровой трансформации Департамента юстиции и конституционного развития предусматривает поэтапное расширение инфраструктуры электронного правосудия.

Четыре модели защиты судебных данных

Сопоставление правовых моделей защиты судебных данных в пяти юрисдикциях позволяет выделить четыре различных подхода. Российский подход акцентирует государственный суверенитет над данными и требования технической защиты информации с опорой на отечественные стандарты сертификации. Китай интегрирует защиту данных в систему государственного управления цифровым пространством при приоритете государственной безопасности. Бразилия и Индия ориентируются на европейскую модель, предполагающую независимый надзорный орган, широкие права субъектов данных и принцип пропорциональности обработки. Южно-Африканская Республика, располагая развитым законодательством, сталкивается с дефицитом правоприменения и инфраструктурными ограничениями.

Все пять юрисдикций закрепляют специальные изъятия из общих режимов защиты данных для судебной деятельности, признавая публичную значимость отправления правосудия и необходимость его открытости. Объем и содержание изъятий существенно разнятся – от широкого усмотрения государственных органов в Китае и России до более ограниченных исключений, обусловленных строгими условиями, в Бразилии и Индии.

Универсальность судебного изъятия при существенном различии его объема указывает на общую закономерность. Законодатель, распространяя на судебную систему общий режим защиты данных, неизбежно сталкивается с тем, что судопроизводство по своей природе предполагает обработку персональных данных без согласия субъекта и в объеме, определяемом не субъектом, а процессуальным законом. Общее законодательство о персональных данных строится на принципах, которые к судопроизводству неприменимы, и потому изъятие становится не исключением, а необходимым условием совместимости двух регуляторных систем. Отсюда следует вывод более общего порядка: защита данных в судебной сфере не может быть обеспечена законодательством о персональных данных и требует специального регулирования в процессуальном законодательстве.

В технологическом отношении государства БРИКС находятся на различных стадиях цифровой зрелости. Россия реализует централизованную и технически защищенную модель с опорой на суверенные технологические решения (отдельного внимания заслуживает текущая работа по внедрению ИИ в судеб-

Китай лидирует по масштабу внедрения передовых технологий, включая алгоритмические системы

ную систему). Китай лидирует по масштабу внедрения передовых технологий, включая алгоритмические системы, распределенные реестры и полностью дистанционные судебные процессы. Бразилия и Индия располагают зрелыми системами электронного делопроизводства, сталкиваясь при этом с проблемами фрагментарности и федеральной неравномерности. ЮАР находится в процессе перехода, отличающегося значительным разрывом между судами высшего и низшего звена.

Угрозы кибербезопасности являются универсальной проблемой для всех рассматриваемых юрисдикций. Зафиксированные инциденты демонстрируют, что судебные органы все чаще становятся объектами целенаправленных атак. Ответные меры варьируются от выстраивания многоуровневой технической защиты в Китае и России до разработки отраслевых политик кибербезопасности в Индии и Южно-Африканской Республике.

Обмен судебными данными между государствами БРИКС

Судебное сотрудничество между государствами БРИКС осуществляется преимущественно на основе двусторонних договоров о правовой помощи. Вместе с тем единого правового или технического инструмента в сфере обмена судебными данными в рамках объединения БРИКС пока не разработано.

В практике международного судебного сотрудничества при взаимодействии с иностранными партнерами могут возникать трудности в части передачи соответствующих данных, в том числе ввиду особенностей национальных режимов информационной архитектуры отдельных зарубежных государств[23].

Разнородность правовых режимов защиты данных может создавать практические препятствия для сотрудничества государств БРИКС. Запрос, правомерный с точки зрения запрашивающего государства, может противоречить требованиям локализации данных запрашиваемого. Затруднение это не устраняется толкованием действующих договоров, поскольку договоры о правовой помощи заключались применительно к обмену документами, а не данными, и содержащиеся в них конструкции к передаче массивов информации неприменимы.

Разработка в рамках БРИКС модельных стандартов информационной безопасности судебных систем и типовых протоколов трансграничного обмена судебными данными представляется практически осуществимой задачей [6]. Опыт государств объединения свидетельствует о наличии достаточного нормативного и технологического потенциала. При этом принципиально важно учитывать суверенную специфику каждой юрисдикции.

С практической стороны наиболее перспективным направлением видится не унификация материально-правовых режимов защиты данных, которая потребовала бы преодоления фундаментальных различий в правовых системах, а согласование технических протоколов верификации судебных документов [7]. Опыт применения распределенных реестров

[23] Ольга Тисен: Суды РФ при внедрении ИИ будут хранить данные на территории России // RGRU. 30 мая 2026 г. URL: https://rg.ru/2026/05/30/reg-szfo/olga-tisen-sudy-rf-pri-vnedrenii-ii-budut-hranit-dannye-na-territorii-rossii.html (дата обращения: 09.09.2026).

в китайских интернет-судах показывает, что верификация может осуществляться без передачи самого документа и без обращения к иностранному государственному органу.

Выводы

Проведенное сопоставление позволяет сформулировать ряд выводов.

Сегодня государства БРИКС демонстрируют последовательный переход к платформенной модели правосудия, в которой судебная система функционирует как единая цифровая экосистема. При этом информационная архитектура судебной системы представляет собой самостоятельный объект правового регулирования, в котором пересекаются интересы правосудия, конфиденциальности, информационной безопасности и государственного суверенитета.

Защита судебных данных не может быть обеспечена законодательством о персональных данных. Требуется специальное регулирование, предусмотренное процессуальным законодательством и опирающееся на процессуальные, а не технические критерии разграничения открытых и защищаемых данных.

Кибербезопасность судебной инфраструктуры требует подхода, выходящего за рамки традиционных мер технической защиты информации. Инциденты, парализующие делопроизводство, посягают не только на конфиденциальность, но и на доступность правосудия и порождают правовые последствия в сфере процессуальных сроков.

Международное сотрудничество государств БРИКС в сфере судебных данных нуждается в нормативном оформлении. Наиболее реалистичным направлением представляется согласование технических протоколов верификации судебных документов, не затрагивающее суверенных требований к локализации данных и потому не требующее преодоления концептуальных расхождений между правовыми системами.

Единообразие запрета на применение алгоритмических систем для принятия судебных решений по существу, соблюдаемое всеми рассмотренными государствами при существенных различиях их правовых систем, создает основу для закрепления соответствующего принципа в модельном акте БРИКС.

Список источников

1. Карпович В. Э. Выдача лиц для уголовного преследования или исполнения приговора в государствах БРИКС: правовое регулирование и порядок осуществления : дис. … канд. юрид. наук. М., 2025. 384 с.
2. Трикоз Е. Н. Система традиционных ценностей в Индии и правовые средства их защиты // Право между Востоком и Западом. 2026. № 2. С. 48–60.
3. Araujo P. H. L., Campos T. E., Braz F. A., Silva N. C. VICTOR: a dataset for Brazilian legal documents classification // Proceedings of the Twelfth Language Resources and Evaluation Conference. Marseille : European Language Resources Association, 2020. P. 1449–1458.
4. Сидоренко Э. Л. Создание информационных систем для незаконного оборота персональных данных: алгоритмы квалификации на основе предмета преступления // Мировой судья. 2026. № 4. С. 6–11.
5. Цзя Шаосюе. Обзор законодательства и практики КНР в области развития современного цифрового права // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2024. Т. 28, № 3. С. 528–545.
6. Nikitin E., Marius M. C. Unified digital law enforcement environment – necessity and prospects for creation in the BRICS countries // BRICS Law Journal. 2020. Vol. 7, iss. 2. P. 66–93.
7. Dmitrieva A., Alshdaifat Sh., Pastukhov P. The features of the use of information technologies in criminal proceedings in the BRICS countries // BRICS Law Journal. 2023. Vol. 10, iss. 1. P. 88–108.

Информация об авторах

В. Ф. Васюков – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО МИД России;

Е. Н. Трикоз – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения МГИМО МИД России; доцент кафедры публичной политики и истории государства и права РУДН им. Патриса Лумумбы;

В. Э. Карпович – кандидат юридических наук, эксперт-исследователь МГИМО МИД России; помощник ректора, заместитель декана очного юридического факультета по молодежной науке и международным связям РГУП им. В. М. Лебедева;

С. С. Мельник – эксперт-исследователь МГИМО МИД России; заместитель начальника отдела Юридического департамента Минэнерго России; преподаватель Департамента теории права и сравнительного правоведения НИУ ВШЭ.

Вклад авторов

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сроки утверждения

Статья поступила в редакцию 16.09.2026.

Одобрена после рецензирования 05.10.2026.

Принята к публикации 06.10.2026.

References

1. Karpovich V. E. *Extradition of persons for criminal prosecution or execution of sentence in the BRICS countries: legal regulation and implementation procedure*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2025. 384 p. (In Russ.)

2. Trikoz E. N. The system of traditional values in India and legal means of their protection. *Law Between East and West.* 2026;(2):48-60. (In Russ.)

3. Araujo P. H. L., Campos T. E., Braz F. A., Silva N. C. VICTOR: a dataset for Brazilian legal documents classification. *Proceedings of the twelfth language resources and evaluation conference*. Marseille: European Language Resources Association; 2020. Pp. 1449–1458.

4. Sidorenko E. L. Development of information systems for illegal trafficking in personal data: qualification algorithms based on the target of crime. *Magistrate Judge.* 2026;(4):6-11. (In Russ.)

5. Jia Shaoxue. Overview of PRC law and practice in the development of modern digital law. *RUDN Journal of Law*. 2024;28(3):528-545. (In Russ.)

6. Nikitin E., Marius M. C. Unified digital law enforcement environment: necessity and prospects for creation in the BRICS countries. *BRICS Law Journal*. 2020;7(2):66-93.

7. Dmitrieva A., Alshdaifat Sh., Pastukhov P. The features of the use of information technologies in criminal proceedings in the BRICS countries. *BRICS Law Journal*. 2023;10(1):88-108.

Information about the authors

V. F. Vasyukov – Doctor of Science (Law), Professor, Professor at the Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics Department;

E. N. Trikoz – Doctor of Science (Law), Associate Professor, Professor at the Theory of Law and Comparative Law Department of the MGIMO University, Associate Professor at the Public Policy and History of State and Law Department of the RUDN University;

V. E. Karpovich – Candidate of Science (Law), Research Expert at the MGIMO University, Assistant to the Rector, Deputy Dean of the Full-time Faculty of Law for Youth Science and International Relations RSUJ named after V. M. Lebedev;

S. S. Melnik – Research Expert at the MGIMO University; Deputy Head of the Division of Legal Department of the Ministry of Energy of the Russian Federation, Lecturer at the Legal Theory and Comparative Law Department of the HSE University.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

Approval deadlines

The article was submitted 16.09.2026.

Approved after reviewing 05.10.2026.

Accepted for publication 06.10.2026.

DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.11.114-120

Автор статьи

Дмитрий Владимирович Гвоздев

Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь

zdvg77@gmail.com, https://orcid.org/0009-0006-3989-4840

Научная статья

Российское правосудие. 2026. № 11. С. 114–120

Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 11. P. 114–120

УДК 342.92

Административная юстиция как интегративная процессуальная форма разрешения административно-правовых споров по законодательству Республики Беларусь

Под административной юстицией традиционно понимают систему специальных судебных и административных органов по контролю за законностью в сфере государственного управления, а в более узком смысле – особый процессуальный порядок разрешения административно-правовых споров между гражданином или организацией и органом государственного управления[1]. В Республике Беларусь такие споры разрешаются в двух самостоятельных производствах – судебном и внесудебном (административном), и единых подходов к их правовому регулированию нет. Поэтому сущность административной юстиции целесообразно исследовать на основе интегративной концепции административного процесса.

Судебное и внесудебное производства как единое целое

Согласно этой концепции внесудебные и судебные административные дела, сохраняя процессуальную самостоятельность, взаимодействуют посредством общих процессуальных форматов, которые устанавливаются специальными нормами административно-процессуального законодательства [1, с. 325]. Их взаимосвязь описывается категорией «административно-процессуальные переходы» – урегулированной нормами

[1] Экономический и юридический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. М. : Ин-т нов. экономики, 2004. 1088 с.

© Гвоздев Д. В., 2026

Аннотация. В Республике Беларусь административно-правовые споры разрешаются в двух самостоятельных производствах: судебном – по правилам Кодекса гражданского судопроизводства 2024 г. – и внесудебном, нормы о котором рассредоточены по разным актам. Автор рассматривает их с позиций интегративной концепции административного процесса и показывает, что их объединяют общее основание (несогласие подвластного субъекта с властным решением), общий предмет – административное дело, сходная процессуальная форма с бременем доказывания на органе власти и общая цель. На примерах из практики белорусских судов показаны ошибки в определении обязательности досудебного обжалования при альтернативной подведомственности. Предложено определение административной юстиции как интегрированной процессуальной деятельности судебных и внесудебных органов.

Ключевые слова: административная юстиция, административный процесс, административное производство, административно-процессуальный переход, административное дело, процессуальная форма

Для цитирования: Гвоздев Д. В. Административная юстиция как интегративная процессуальная форма разрешения административно-правовых споров по законодательству Республики Беларусь // Российское правосудие. 2026. № 11. С. 114–120. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.11.114-120.

Administrative Justice as an Integrative Procedural Form of Resolving Administrative-Legal Disputes Under the Legislation of the Republic of Belarus

Dmitry V. Gvozdev, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. In the Republic of Belarus, administrative-legal disputes are resolved in two independent proceedings: judicial, under the rules of the 2024 Code of Civil Procedure, and extrajudicial, the rules on which are scattered across various acts. The author examines them from the standpoint of the integrative concept of administrative process and shows that they share a common ground (the disagreement of a subordinate party with an authoritative decision), a common subject matter (the administrative case), a similar procedural form placing the burden of proof on the public authority, and a common goal. Examples from the practice of Belarusian courts illustrate errors in determining whether a pre-trial appeal is mandatory where jurisdiction is alternative. A definition of administrative justice as an integrated procedural activity of judicial and extrajudicial bodies is proposed.

Keywords: administrative justice, administrative process, administrative proceedings, administrative-procedural transition, administrative case, procedural form

For citation: Gvozdev D. V. Administrative justice as an integrative procedural form of resolving administrative-legal disputes under the legislation of the Republic of Belarus. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(11):114-120. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.11.114-120.

возможностью трансформации внесудебного административного дела в судебное либо в иной вид юридического дела [2, с. 121]. Интегративная методология позволяет преодолеть односторонний взгляд на административный процесс и придать системность законодательству, регламентирующему административно-процедурный и административно-судебный процессы [3, с. 184].

Конституционные основы

Согласно ст. 40 Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) каждый вправе направлять обращения в государственные органы, а государственные органы и должностные лица обязаны рассмотреть обращение и дать ответ по существу в определенный законом срок. Это положение отражает коммуникативную функцию права как «непосредственного процесса общения, при котором в ходе правовой коммуникации возникает и затем закрепляется правовая действительность» [4, с. 340]. Статья 60 Конституции гарантирует каждому защиту прав и свобод судом, а по итогам референдума 27 февраля 2022 г. из общего права на судебную защиту выделено право на судебное обжалование решений, действий (бездействия) госорганов и должностных лиц. Таким образом, защита прав граждан и организаций

в отношениях с государством осуществляется по двум направлениям – административным правосудием и внесудебным (административным) разрешением споров, и между ними существуют социально-правовые, материальные и процессуальные взаимосвязи, требующие согласованного правового регулирования.

Административное судопроизводство в гражданской процессуальной форме

Обе разновидности этой деятельности имеют процессуальную природу [5, с. 312] и относятся к административным производствам. Обособленность процессуального производства определяется его юридическим основанием, процессуальной формой и юридическим результатом [6, с. 141–142]. Судопроизводство понимается как форма реализации судебной власти, а в узком смысле – как порядок рассмотрения дел судами, в соответствии с конкретным процессуальным кодексом [7, с. 137–138].

Абзац третий ст. 2 Кодекса РБ о судоустройстве и статусе судей от 29 июня 2006 г. № 139-З прежде содержал исчерпывающий перечень форм судопроизводства, включая административное. Законом Республики Беларусь от 17 июля 2023 г. № 285-З «Об изменении кодексов по вопросам судоустройства и статуса судей»[2] эта норма изложена иначе: судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, уголовного и иных форм судопроизводства, предусмотренных законом. Административно-правовые споры суды рассматривают по правилам подраздела 3 раздела VI Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь от 11 марта 2024 г. № 359-З (далее – КГС). Возникает вопрос: исключил ли законодатель административное судопроизводство?

Полагаем, что нет. Публичный элемент в спорном материальном отношении определяет процессуальную форму: суд оценивает законность актов и действий органов публичной власти, а разница в целях приводит к разным процессам [8, с. 99]. Форма административного судопроизводства имеет много общего с гражданской процессуальной формой, однако из этого не следует, что ее не существует [9, с. 6]; сущность административного судопроизводства – обеспечение доступности правосудия и защита прав граждан и организаций в сфере административных и иных публичных правоотношений [10, с. 274]. Поэтому административное судебное производство следует понимать как исковое производство, осуществляемое судами общей юрисдикции в судебной административно-процессуальной форме, по рассмотрению и разрешению административных дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений и связанных с судебным контролем за законностью и обоснованностью реализации государственных или иных публичных полномочий.

Внесудебное производство: разрозненные нормы, единая природа

Нормы об административном обжаловании рассредоточены по актам, регулирующим отдельные сферы государственного управления: раздел III Закона Республики Беларусь от 28 октября 2008 г. № 433-З «Об основах административных процедур», гл. 9 Указа Президента Республики Беларусь от 6 июня 2025 г. № 227 «О повышении эффективности контрольной (надзорной) деятельности», раздел IV Общей части Налогового кодекса Республики Беларусь от 19 декабря 2002 г. № 166-З и др. Тем не менее эта деятельность едина по своей правовой природе: у нее общее материальное основание (несогласие подвластного субъекта с вынесенным в от-

[2] Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12300285.

ношении него решением, совершенным или несовершенным действием), относительно типизированный порядок рассмотрения жалоб и общий юридический результат – восстановление прав заявителя и законности в деятельности государственных органов. Она обладает всеми признаками самостоятельного административного производства [11, с. 142], а нормы о ней составляют предмет самостоятельного административно-правового института [12]. Внесудебное (административное) производство по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, – это государственно-властная правоприменительная деятельность госорганов и их должностных лиц, осуществляемая в особой процессуальной форме, по рассмотрению и разрешению административно-правовых споров.

Общее основание и коллизии в практике судов

Судебное и внесудебное разрешение спора имеют общее основание – межотраслевой юридический факт: несогласие подвластного субъекта с государственно-властным решением или действием. Он порождает альтернативные права на судебную и внесудебную защиту и обусловливает единство материальной составляющей предмета административного иска и административной жалобы. Множественность актов, регулирующих порядок обращения в вышестоящий орган или в суд, порождает правовые коллизии в деятельности судов общей юрисдикции, что подтверждает обзор судебной практики[3].

Суд Ленинского района г. Гродно оставил без движения жалобу К. на действия управления по гражданству и миграции УВД Гродненского облисполкома, отказавшего ей в выдаче паспорта без идентификационного номера. Одним из оснований послужило непредставление данных о том, подавалась ли аналогичная жалоба в вышестоящий орган. Президиум областного суда определение отменил: по ст. 6 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» действия сотрудников органов внутренних дел можно обжаловать в вышестоящий орган, прокурору или в суд.

Суд Центрального района г. Гомеля отказал А. в удовлетворении жалобы на снятие его семьи с учета нуждающихся в улучшении жилищных условий (решение оставлено без изменения Гомельским областным судом), указав при этом на соблюдение заявителем предварительного внесудебного порядка обжалования, хотя такового не требовалось: по п. 32 Положения, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2005 г. № 565 «О некоторых мерах по регулированию жилищных отношений», решение о снятии с учета обжалуется непосредственно в суд.

Суд Московского района г. Минска оставил без рассмотрения жалобу Л. на отказ администрации района в регистрации по месту жительства, посчитав, что заявительнице следовало сначала обратиться в Мингорисполком. Между тем п. 10 Положения о регистрации граждан по месту жительства и месту пребывания, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 7 сентября 2007 г. № 413, допускает обжалование такого отказа в вышестоящий орган и (или) в суд, поэтому предварительного обращения в вышестоящий орган не требовалось.

Это актуализирует комплексный подход к регулированию, учитывающий межотраслевые связи судебного и внесудебного производств, – например, принятие взаимосвязанных Кодекса административного судопроизводства РБ и Закона РБ о внесудеб-

[3] Практика рассмотрения судами жалоб на ущемляющие права действия (бездействие) государственных органов, иных организаций и должностных лиц. URL: https://www.court.gov.by/upload/OBZORY/sv1-2010-20-2.pdf.

ном производстве по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений. Для российского судьи эти примеры показательны: ч. 2 ст. 218 КАС РФ также позволяет обратиться непосредственно в суд или в вышестоящий орган, а обязательный досудебный порядок применяется лишь в случаях, предусмотренных федеральными законами (ч. 3 ст. 218 КАС РФ).

Административное дело – общий предмет обоих производств

Административное дело – обособленное юридическое дело, разрешаемое в административном процессе органами публичной администрации посредством административного производства либо судами – посредством административного судопроизводства [2, с. 169]. Согласно ч. 1 ст. 351 КГС суды рассматривают дела об обжаловании ненормативных правовых актов, действий (бездействия) органов и должностных лиц, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, которые не соответствуют законодательству и нарушают права и законные интересы граждан и юридических лиц. Удовлетворяя заявление, суд не только признает акт недействительным или действия незаконными, но и обязывает заинтересованное лицо устранить допущенные нарушения (ч. 3 ст. 369 КГС), т. е. прямо указывает властному субъекту на обязанность принять решение или совершить действие в пределах его полномочий. Административными истцами могут выступать и сами органы публичной администрации (гл. 35–37 КГС), защищающие не частные, а публичные интересы. Следовательно, в суде разрешается спорное материальное административное правоотношение, а дело, рассмотренное во внесудебном порядке, не превращается в гражданское при подаче административного иска по тому же факту. Административное спорное дело – интегративное основание обоих производств.

Процессуальная форма: бремя доказывания на органе власти

По общему правилу ст. 179 КГС каждое лицо, участвующее в деле, доказывает факты, на которые ссылается как на основание своих требований и возражений, что соответствует принципам равенства (ст. 13 КГС) и состязательности (ст. 14 КГС). Однако по административным делам государственный орган (должностное лицо) обязан доказать законность оспариваемых акта, действий (бездействия) (ч. 2 ст. 361 КГС), а административный истец освобожден от доказывания части обстоятельств. Отсюда активная роль суда в получении и исследовании доказательств: суд «как бы становится на сторону более слабой стороны с целью помочь ей защитить свои права» [13, с. 100] и, в отличие от гражданского и арбитражного процесса, не свободен от обязанности установить действительные обстоятельства дела [14, с. 180]. Во внесудебном производстве состязательности нет, и обязанность доказывания лежит на органе, рассматривающем жалобу. В обоих производствах основное бремя доказывания несет орган, чьи решения оспариваются, – это еще одна интегративная связь их процессуальных форм.

Общая цель и определение административной юстиции

Цели гражданского судопроизводства (ст. 8 КГС) вытекают из ст. 2 Конституции, признающей человека, его права и свободы высшей ценностью, и этот принцип должен определять и цели внесудебного разрешения споров. Общая цель обоих производств – защита прав и свобод граждан и организаций в отношениях с государством и обеспечение законности в деятельности властных субъектов, результат – процессуальное решение по спорному административному делу. Различаются они лишь оформлением решения: к судебному решению ст. 268–291 КГС предъ-

являют требования, касающиеся и формы, и содержания, к решению по административной жалобе – только содержания, и то не во всех случаях.

Это позволяет сформулировать определение: «Административная юстиция – это урегулированная правовыми нормами взаимосвязанная и взаимообусловленная процессуальная деятельность специально уполномоченных субъектов по разрешению споров, возникающих из материальных административных правоотношений, осуществляемая в рамках интегрированных процессуальных производств (административного судопроизводства и внесудебного производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений) в особых процессуальных формах, направленная на защиту личных прав и свобод граждан и организаций в их отношениях с государством в лице его органов и должностных лиц, а также обеспечение законности в деятельности властных субъектов административных правоотношений».

Список источников

1. Стахов А. И. Интегративная теория административного процесса – единственно верная основа построения модели административного процесса // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 3. С. 313–327.
2. Стахов А. И. Интегративная концепция административного процесса в Российской Федерации : моногр. М. : РГУП, 2024. 492 с.
3. Белякович Е. В., Ястребов О. А. Об интегративном понимании административного процесса и административного процессуального права // Труды Института государства и права РАН. 2024. Т. 19, № 5. С. 176–200.
4. Луценко В. В., Акименко Е. С., Сушицкий А. И. Основные направления правового воздействия государства на общественные отношения (на примере коммуникативной функции права) // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. 2023. Т. 33, № 2. С. 339–343.
5. Самусевич А. Г. О значении и роли юридической деятельности в структуре процессуального права // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2013. № 7. С. 309–313.
6. Набока А. С. Производство по делам о налоговых правонарушениях в структуре юридического процесса // Власть и управление на Востоке России. 2007. № 2. С. 141–146.
7. Глодина А. В. О понимании административного судопроизводства // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2016. № 2. С. 137–144.
8. Лусегенова З. С. Административное судопроизводство: проблемы унификации и (или) дифференциации процессуальной формы // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 4. С. 93–102.
9. Опалев Р. О. Понятия процессуальной формы административного судопроизводства и права административного судопроизводства // Журнал административного судопроизводства. 2021. № 4. С. 5–11.
10. Калашник Ф. А., Драчев А. В. Сущность административного судопроизводства. Соотношение понятий административный процесс, административная юстиция, административное судопроизводство // Право и управление. 2024. № 11. С. 273–277.
11. Метелева У. В. К вопросу о понятии внесудебного (административного) производства по разрешению административно-правовых споров // Вестник Вятского государственного университета. 2007. № 16. С. 140–142.
12. Гвоздев Д. В. О предмете правового регулирования административно-правового института внесудебного разрешения административно-правовых споров по законодательству Республики Беларусь // Актуальные проблемы внесудебного и судебного административного процесса : сб. науч. ст., посвящ. памяти Н. Г. Салищевой (к 100-летию со дня рождения). М. : РГУП, 2024. С. 146–157.

13. Костоглод Н. Г. Состязательность в административном судопроизводстве // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. 2011. № 6. С. 99–100.
14. Балашов А. Н. Принципы состязательности и равноправия сторон в административном судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 5. С. 174–181.

Информация об авторе

Д. В. Гвоздев – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сроки утверждения

Статья поступила в редакцию 18.05.2026.

Одобрена после рецензирования 17.06.2026.

Принята к публикации 05.11.2026.

References

1. Stakhov A. I. The integrative theory of the administrative process is the only true basis for building a model of the administrative process. *Siberian Law Review.* 2021;18(3):313-327. (In Russ.)

2. Stakhov A. I. *Integrative concept of the administrative process in the Russian Federation*. Moscow: Russian State University of Justice; 2024. 492 p. (In Russ.)

3. Belyakovich E. V., Yastrebov O. A. Towards an integrative understanding of the administrative process and administrative procedural law. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS.* 2024;19(5):176-200. (In Russ.)

4. Lutsenko V. V., Akimenko E. S., Sushitsky A. I. The main directions of the legal impact of the state on public relations (by the example of the communication function of law). *Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law.* 2023;33(2):339-343. (In Russ.)

5. Samusevich A. G. On importance and role of legal activity in procedural law structure. *Proceedings of Irkutsk State Technical University.* 2013;(7):309-313. (In Russ.)

6. Naboka A. S. Proceedings on tax offences in the structure of the legal process. *Power and Administration in the East of Russia*. 2007;(2):141-146. (In Russ.)

7. Glodina A. V. About the understanding of administrative proceedings. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law.* 2016;(2):137-144. (In Russ.)

8. Lusegenova Z. S. Administrative legal proceedings: unification problems and (or) differentiations of the procedural form. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2018;(4):93-102. (In Russ.)

9. Opalev R. O. The concepts of the procedural form of administrative judicial proceedings and the law of administrative judicial proceedings. *Journal of Administrative Proceedings*. 2021;(4):5-11. (In Russ.)

10. Kalashnik F. A., Drachev A. V. The essence of administrative proceedings. The relation of concepts administrative process, administrative justice, administrative proceedings. *Law and Management*. 2024;(11):273-277. (In Russ.)

11. Meteleva U. V. To a question on concept of extrajudicial (administrative) execution under the sanction of administrative disputes. *Herald of Vyatka State University*. 2007;(16):140-142. (In Russ.)

12. Gvozdev D. V. On the subject of legal regulation of the administrative-legal institution of extrajudicial resolution of administrative-legal disputes under the legislation of the Republic of Belarus. *Topical problems of extrajudicial and judicial administrative process*. Moscow: Russian State University of Justice; 2024. Pp. 146–157. (In Russ.)

13. Kostoglod N. G. Competitiveness in administrative legal proceedings. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Law.* 2011;(6):99-100. (In Russ.)

14. Balashov A. N. Principles of adversary process and equality of rights in the administrative judicature. *Saratov State Law Academy Bulletin.* 2017;(5):174-181. (In Russ.)

Information about the author

D. V. Gvozdev – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Professor at the Administrative Activities of Internal Affairs Bodies Department.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Approval deadlines

The article was submitted 18.05.2026.

Approved after reviewing 17.06.2026.

Accepted for publication 05.11.2026.